

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
имени Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Очерк*и*
экспедиционного
быта в Закавказье

Под общей редакцией
проф. В.И. Козлова

Москва, Старый сад,
2001

ББК 63.5в6 (531.7)
Оче 95

Рецензенты: д.и.н. Поляков С.П.
к.и.н. Брусина О.И.
к.и.н. Пчелинцева Н.Д.

Редакционная коллегия
Н.А. Дубова, В.И. Козлов (отв. редактор), А.Н. Ямсков

Оче 95 Очерки экспедиционного быта в Закавказье /
Ред. В.И. Козлов (отв. ред.), Н.А. Дубова, А.Н.
Ямсков – М., Старый сад. 2001 - 319с.

ISBN 5-89930-066-3

В сборник, посвященный 20-летию сектора этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН, включена серия очерков участников и организаторов полевых исследований в Абхазии и Азербайджане в 1980-е годы. Рассматриваются вопросы организации этнографических и антропологических комплексных экспедиционных исследований, обеспечения бытовых условий для нормальной работы в отдаленных местностях, проблемы и сложности, возникавшие при проведении конкретных выездов.

© Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 2001г.
© Сектор этнической экологии ИЭА РАН, Москва, 2001 г.

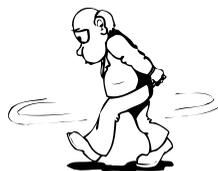
*К 20-летию
создания сектора этнической экологии*

СОДЕРЖАНИЕ¹

<i>Козлов В.И.</i> Введение	5
<i>Козлов В.И.</i> Руководство и спонсорство в экспедиционной жизни	21
<i>Аксянова Г.А.</i> Мы были первыми (открытое письмо молодому этнологу)	40
<i>Красникова Т.В.</i> На окраине Джгерды	74
<i>Ямсков А.Н.</i> «Эх, дороги...» Жизнь на колесах	86
<i>Григулевич Н.И.</i> Мой Кавказ	117
<i>Дубова Н.А.</i> Не всегда серьезные воспоминания о медико-биологических изысканиях в Абхазии и Азербайджане	200
<i>Лебедева Н.М.</i> Психология – это важно	265
<i>Иванова Ю.В.</i> Русские сектанты – старожилы Закавказья	278
<i>Ямсков А.Н.</i> Прощай, Закавказье!	296

¹ Внимание! Указанные страницы не совпадают со страницами в печатном издании.

В.И. Козлов

Введение

ематический сборник, предлагаемый вниманию читателей, посвящен двадцатилетию со времени создания Сектора этнической экологии в Институте этнографии (ныне «этнологии и антропологии») АН СССР (ныне Российской АН), что было оформлено Приказом бывшего тогда директором Института академика Ю.В. Бромлея от 14 октября 1981 г. В действительности же этот срок должен быть увеличен на год, т.к. основу Сектора составила образованная в середине 1980 г. Лаборатория группового (этно-популяционного) долгожительства, а до того «проблемная группа» по той же теме под моим руководством. Известно, что структура гуманитарных институтов Академии Наук весьма консервативна, поэтому возникновение нового сектора было обусловлено рядом обстоятельств, на которых следует хотя бы кратко остановиться.

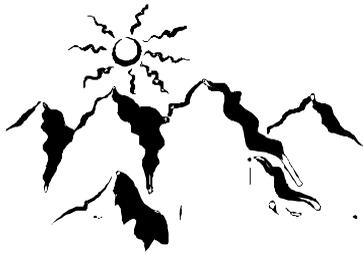
Существует особая, относимая к медицине, наука о старых людях – геронтология, в которой долгожителями принято называть людей в возрасте 90 лет и старше. Материалы переписей населения показывают, что по территории страны явление долгожительства распределено очень неравномерно и что наибольшей концентрацией их отличаются республики Закавказья. Это подкреплялось и рассказами о том, что в горах Кавказа живут мудрые 100-150-летние старцы. Районы концентрации долгожителей привлекали внимание и исследователей. В одном из таких

районов – Абхазской АССР – в конце 1930-х гг. побывала небольшая группа научных работников Института геронтологии АМН СССР (г. Киев) под руководством академика А.А. Богомольца, однако результаты их наблюдений остались малоизвестными. После Великой Отечественной войны проблемами долгожительства занимались отдельные разрозненные исследователи, вроде азербайджанского профессора М.Н. Султанова, издавшего в 1982 г. книгу «Азербайджан – страна долгожителей», включавшую недостоверные сведения о каких-то 150-летних старцах.

За разработкой стратегии и тактики – директор Нью-Йоркского института по изучению человека др. Вера Рубин и научный руководитель Закавказской экспедиции проф. В.И. Козлов, 1982 г.²

² Здесь и далее, если это не оговорено особо, фотографии – из архивов авторов статей.

Рассказы о кавказских долгожителях вышли далеко за пределы СССР. В 1971-1973 гг. на Кавказе, преимущественно в Абхазии, трижды побывала американка польского происхождения антрополог доктор Сула Бенэт. По результатам своих наблюдений, с привлечением советских источников, она опубликовала две книги: «Абхазы – долгожительский народ Кавказа» (Нью-Йорк, 1974) и «Как жить, чтобы стать столетним. Стиль жизни народов Кавказа» (Нью-Йорк, 1976). Обе книги страдали довольно поверхностным анализом проблемы, что и неудивительно для почти одиночной исследовательницы, слабо знавшей русский язык и проводшей на полевых работах в общей сумме около полугода. Однако вопросы увеличения продолжительности жизни привлекают многих людей, и неудивительно, что книги Сулы Бенэт получили в США довольно широкую известность и, в частности, привели к широкому распространению там йогурта как напитка, «способствующего долголетию».

Фактически, работа по комплексному изучению феномена долгожительства, как новой для Института этнографии теме, началась с мая 1977 г., когда было заключено научное соглашение между Дирекцией института и прибывшей в Москву группой американских ученых (включавшей и Сулу Бенэт) во главе с Директором института по изучению человека (Нью-Йорк) антропологом доктором Верой Рубин (дочь российского эмигранта). В американскую группу входили руководители двух близких по тематике исследовательских проекта: общины меннонитов в штате Канзас и шотландско-ирландской общины в штате Кентукки. Тема, получившая название «Комплексное биоло-

го-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей» имела две важные особенности по сравнению с предпринимавшимися ранее работами геронтологов. Первая из них состояла в комплексности исследования, в частности – в широком привлечении этнографических и антропологических материалов. Вторая – в популяционном и групповом подходе в этих проблемах, при котором изучаются не отдельные долгожители (таковые есть и в Москве), а значительные группы населения, в которых исторически возник и закрепился феномен долгожительства.

Для работы над этим проектом Институт этнографии АН СССР, взявший на себя функции головной организации, привлек научные группы НИИ антропологии МГУ, Института геронтологии АМН СССР и Института экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР. В качестве первого объекта исследования были взяты группы сельского абхазского населения на территории Очамчирского и Гудаутского районов Абхазской АССР. В связи с этим активное участие в полевых исследованиях приняли участие этнографы Абхазского института языка, литературы и истории.

В 1978 г., отведенном на подготовительные работы, в ходе продолжавшихся научных контактов между командами проекта были выработаны основные принципы исследования и в связи с предложенными гипотезами долгожительства (генетической, экологической, социальной и др.) – набор основных показателей, которыми должны характеризоваться каждый долгожитель, подлежащий обследованию, и популяция в целом. Летом 1978 г. были проведены первые, носившие в значительной степени предварительный характер, полевые работы в селах Очамчирского района. В качестве базы для стационара было

выбрано село Члоу, где на 2,5 тыс. жителей по материалам текущего учета числилось около 40 человек в возрасте 90 лет и старше. В составе организованной комплексной экспедиции (начальник – к.б.н. А.А. Воронов, научный руководитель д.и.н. В.И. Козлов) действовала несколько этнографических отрядов, антропологический, геронтологический и медико-биологический отряды, а также группа экологов и психологов. Одним из

важных результатов этой работы была проверка возможностей совместной деятельности всех подразделений такой уникальной комплексной экспедиции в условиях созданного стационара. Другим – выработка методики подхода к выбору людей, подлежащих обследованию и приемов верификации (доказательства, проверки) возраста долгожителей, не имеющих свидетельств о рождении или других, заменяющих эти свидетельства материалов.

В базовых пунктах, где разворачивались стационары, предусматривалось составление двух списков людей. В первый из них, названный «долгожительским», входили собственно долгожители (т.е. люди с верифицированным возрастом 90 лет и старше), а также их живущие в данном селении родственники. В этот список включались и прямые родственники долгожителей, умерших после 1950 г. в возрасте 100 лет и старше. Второй список, представлявший «контрольную» группу», составлялся путем адекватной (по полу и возрасту) выборки из жителей селения в возрасте 16

лет и старше, не попавших в «долгожительский» список и не имевших даже дальних связей с долгожителями.

Такой отбор людей, подлежащих обследованию, наиболее отвечал проверке генетической гипотезы долгожительства и не препятствовал разработке других гипотез, уточнявшихся в ходе исследования.

В соответствие с названием и содержанием темы программа исследований по ней состояла из двух основных частей: биолого-геронтолого-антропологической и социально-демографо-этнографической. Это деление несколько схематично, т.к. биологические и социальные факторы совместно действуют на организм человека, определяя его здоровье и долголетие, а некоторые факторы, например, психологические, трудно отнести целиком к биологическим или к социальным. Тем не менее, такое деление оказалось полезным не только в научно-теоретическом, но и в научно-организационном отношении. Каждая из этих частей включала несколько разделов, ставящих своей основной задачей проверку различных гипотез долгожительства. В биолого-геронтолого-антропологическую часть входила разработка и проверка генетической и близкой к ней антропологической, природно-экологической, физиологической (особенности питания и пр.) и личностно-психологической гипотез; в социально-демографо-этнографическую часть были включены проверка демографической, трудовой, жилищно-бытовой и геронтофильной (социально-психологической) гипотез долгожительства.

Проверка всех гипотез группового (популяционного) долгожительства базировалась на верифицированном возрасте долгожителей. Верификация возраста входила в число основных задач почти всех этнографических отрядов, и на решении ее следует остановиться подробнее.

Первым свидетельством наличия феномена долгожительства у тех или иных этнических групп были опубликованные материалы переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. Первичные материалы этих переписей (переписные формуляры) хранились в архивах ЦСУ СССР, получить их не удалось, но было известно, что сведения в них (в том числе и о возрасте) записывались по заявлениям самих опрашиваемых; переписчикам рекомендовалось проверять возраст у людей, заявивших, что они достигли 100 лет и более, но сведений о такой проверке не было обнаружено. При работе в полевых условиях сотрудники этнографических отрядов пользовались книгами похозяйственного учета, хранившихся в сельсоветах и содержащих сведения о половозрастном составе семей, занятиях ее членов, об их национальности. Для жителей 60 лет и старше сведения о возрасте были записаны с их слов, т.к. в досоветский период свидетельства о рождении не выдавались; да и в первые годы советской власти работа ЗАГСов была еще не надежна.

Было известно, что старые люди, особенно мужчины и особенно в геронтофильной среде склонны преувеличивать свой возраст, в чем их поддерживают ради семейно-родового престижа их молодые родственники. Поэтому показания детей и внуков старых людей обычно не принимались во внимание, и верификация их возраста проводилась путем доверительной беседы (через переводчика) об основных событиях их жизни с привязкой некоторых из таких событий к хронологически известным событиям более широкого масштаба. Одним из таких событий был «большой снег» – обильный снегопад 1911 г., заваливший одноэтажные дома во всех селениях Абхазии почти до крыш, так что для передвижения жители прокапывали в снегу траншеи.

В результате проведенной верификации возраста число реальных долгожителей среди абхазов сократилось примерно втрое (из 137 «номинальных» долгожителей в Очамчирском районе проверку прошли лишь 45 человек), да и степень долголетия поуменишилась – за 100 лет вышли лишь немногие. Вопреки распространенному мнению число реальных долгожителей среди женщин оказалось почти вдвое больше, чем среди мужчин, однако почти все столетние люди были представлены мужчинами.

В 1979-1982 гг. для изучения долгожительства среди абхазов были организованы еще два стационара: в селе Джгерда Очамчирского района и в селе Дурипш Гудаутского района. Результаты этих исследований были представлены в двух тематических сборниках – «Феномен долгожительства» (М., Наука, 1982) и «Абхазское долгожительство» (М., Наука, 1987), а также в материалах советско-американской конференции по проблемам долгожительства (Proceedings of the First Joint US-USSR Symposium on Aging and Longevity. N-Y., 1982. Vol. 1-2.)

Еще до полного завершения исследовательских работ в Абхазии силами этнографических отрядов начались рекогносцировочно-верификационные работы на территории Азербайджанской ССР, в которых приняли участие этнографы Института истории АН Азербайджана. Эти работы были более сложными, чем в Абхазии, т.к. по численности азербайджанцы превосходят абхазов более чем в 60 раз (среди них на 1979 г. числилось по данным переписи 13,7 тыс. номинальных долгожителей), а этническая территория азербайджанцев по площади больше абхазской примерно в 40 раз. По переписным данным, средний показатель долголетия (отношение числа долгожителей к числу всех людей старше 60 лет) среди азербайджанцев несколько уступал абхазскому, а по территории Азербайджана феномен

долгожительства определялся сравнительно равномерно с повышением его «плотности» в западных, юго-западных (включая восточную Нахичевань), центральных и северо-восточных районах.

Вследствие больших размеров этнической территории азербайджанцев и различиям в природных условиях, верификация возраста старых людей была более сложной задачей, чем в Абхазии. Основные хронологические «репера» в разных частях Азербайджана были различными; в одних случаях на первый план выступали разрушительные землетрясения начала XX в., в других – азербайджанско-армянские столкновения 1905 г. и особенно 1918 г., когда почти вся территория Азербайджана была занята турецкими войсками, и т.д. Всего на территории Азербайджана, в различных селениях – от Казахского района на западе до Лерикского района на востоке и от Нахичеванской АССР на юге до Кусарского района на севере – было обследовано более 800 «номинальных» долгожителей, среди которых реальными долгожителями оказались лишь 170 человек. Число долгожителей-женщин, как и в Абхазии, оказалось вдвое больше числа долгожителей-мужчин, а среди «рекордсменов» долгожительства почти никто не превышал 110 лет. Только в Кельбаджарском районе (западный Азербайджан) был обнаружен старик Ядигар Киши, возраст которого после тщательной верификации был установлен в 125-127 лет (в известной книге рекордов Гиннеса такие долгожители не

отмечены). К сожалению, однако, этот старик умер еще до завершения наших работ в Азербайджане.

Мы предполагали организовать на территории долгожителейских районов Азербайджана 2-3 стационара, как это было в Абхазии, но пришлось ограничиться лишь одним – в западной части республики возле села Верхняя Аскипара Казахского района, где таковой был организован осенью 1985 г. После 1985 г. исследование феномена долгожительства в Азербайджане постепенно прекратилось, что было обусловлено рядом причин, но прежде всего – уменьшением необходимости их продолжения. Яркость этого феномена среди азербайджанцев сильно померкла в результате верификации возраста, показавшей реальность лишь около 20% всех «номинальных» долгожителей. Картина распределения долгожителей по территории Азербайджана оказалась очень пестрой с признаками случайности, что подрывало гипотезу об этнической природе этого феномена. Условия экспедиционной работы в Азербайджане оказались более тяжелыми, чем в Абхазии с ее прелестями черноморского побережья, и многие сотрудники Института геронтологии стали избегать выездов в поле. Немаловажную роль сыграла и смерть Веры Рубин в начале 1985 г., что привело к резкому ослаблению связей с американскими коллегами, уменьшило престижность «советско-американского проекта».

Результаты исследования долгожительства в Азербайджане нашли свое отражение в тематическом сборнике «Долгожительство в Азербайджане» (М., Наука, 1989).

Основные результаты исследования явлений группового долгожительства у этно-популяционных групп абхазов и азербайджанцев изложены в названных выше книгах и в моей монографии «Этническая экология: становление дисциплины и история проблемы» (М., 1994). Пространно повторять их считаю нецелесообразным; остановлюсь на

них лишь кратко, начав с того, что реальных долгожителей у народов Закавказья оказалось гораздо меньше, чем об этом говорили материалы переписей населения. Да и разговоры о 150-летних старцах оказались мифами; среди верифицированных долгожителей оказалось очень мало таких, чей возраст близок к 110 годам (Ядигар Киши – случай исключительный) и именно этот возраст, вероятно, характеризует максимальную видовую продолжительность жизни *Homo sapiens*, массовый выход за пределы которого невозможен и в будущем.

Было сильно поколеблено представление о том, что долгожительство присуще жителям гор. Подавляющее большинство абхазов живет на прибрежной равнине с высотами до 800 м над уровнем моря. Большинство азербайджанцев, включая долгожительские семьи, обитают примерно на такой же высоте в долине р. Кура. Наши рекогносцировочно-верификационные отряды в Азербайджане поднимались и на высоты чуть выше 1000 м, но концентрации долгожителей там не обнаружили. Возможно, что представление о высотных долгожителях возникло лишь вследствие трудностей верификации возраста в горных районах.

Пришлось вносить коррективы и в пищевую гипотезу долгожительства, объясняющую это явление особенностями традиционного питания. Правда, диета абхазов оказалась близка к рекомендуемой геронтологами для пожилых и старых людей: в ней мало жиров и белков животного происхождения, повышающих уровень холестерина. Но диета азербайджанцев, не исключая и долгожителей, включала довольно много мяса, в том числе – жирной баранины. Напрашивался вывод о том, что в данной гипотезе следует учитывать не столько состав пищи, сколько степень адаптированности к ней на протяжении длительного времени, ее неизменяемость

в сельском быту на протяжении столетий, отсутствие в ней вредных компонентов и т.п.

Все другие гипотезы долгожительства не были поколеблены. Нашла свое подтверждение генетическая гипотеза, объясняющая долгожительство набором каких-то «генов жизнестойкости», передаваемых по наследству. По антропологическим показателям все долгожители оказались невысокими людьми худощавого телосложения. Особо следует подчеркнуть важное значение психологических факторов долгожительства как на личностном уровне (подавляющее большинство долгожителей – сангвиники и интроверты), так и особенно на социальном уровне – существовании геронтофильной атмосферы, подчеркнутого уважения к старым людям, обращении к ним за советами и т.п.

Не менее интересным было и другое, этноэкологическое по своей сути исследование, развернутое нами в Закавказье.

На экспедиционных маршрутах в Абхазии и особенно по Азербайджану нам иногда встречались селения с численно преобладавшим русским населением, переселившимся в то или иное время из губерний Европейской России. Особый интерес представляли селения сектантов – молокан и духоборцев³, высланных в Закавказье из южной России еще в середине XIX в. Как ни странно, но никто до нас не исследовал жителей этих селений в этноэкологическом отношении с целью установить основные принципы выбора мест для поселений и механизмы налаживания системы жизнеобеспечения в новых для поселенцев природных условиях, и насколько успешной была их адаптация, не отразилась ли она на их здоровье. Почти за полтора столетия жизни в Закавказье у сектантов сменилось шесть поколений, но они до последнего

³ В публицистике и научной литературе XIX-XX вв. встречался также термин «духоборы».

времени сохранили замкнутость и консервативность жизни сельских общин, ограничивавших и выбор брачных партнеров, что могло отразиться в изменениях их физического типа по сравнению с местами их давнего выхода. Короче говоря, перед нами встал ряд вопросов, поиски ответов на которые и составили основу исследовательской темы «Этническая экология русских переселенческих групп».

Сектанты жили во всех республиках Закавказья, причем молокане – преимущественно в Азербайджане и Армении, а духоборцы – уменьшившиеся в численности после эмиграции почти половины их в конце XIX в. в Канаду, – в Грузии. Впрочем, культурно-бытовые различия между молоканами и духоборцами были невелики и их можно было сравнительно легко соединить в единый исследовательский проект, чего не скажешь об единичных селениях субботников.

Результаты исследования сектантских селений в Закавказье представлены в нескольких статьях и тематических сборниках (см. далее очерк Н.А. Дубовой), последним и в какой-то мере итоговым среди которых была книга «Духоборцы и молокане в Закавказье» (М., 1992). Пересказывать подробно содержание этих сборников считаю нецелесообразным и остановлюсь на некоторых основных выводах.

Места для прибывавших в Закавказье поселенцев отводились местной администрацией не всегда удачно, и немало селений вскоре было покинуто. Поселенцы выбирали по собственной инициативе места не в жаркой низменной, а в среднегорной зоне (800-1600 м над уровнем моря) – в зеленых и горно-луговых районах, используемых местным населением как весенне-летние пастбища. Здесь они ставили традиционно южнорусские бревенчатые дома и формировали улицы, по которым сооружали заимствованные у азербайджанцев крытые водоводы. Основу хозяйства со-

ставляло земледелие с преобладанием в посевах местных сортов пшеницы и ячменя, а также повывисившейся роли огородных культур и картофеля. Заметно возросла и роль скотоводства на основе близкого выпаса летом и стойлового содержания зимой; постепенно была заимствована от азербайджанцев и система отгона стад скота на удаленные горны летние пастбища. Произошли изменения и в системе питания, в него вошли различные блюда из местной кухни, например, в Азербайджане – долма, кята, мацони и др.

Комплексное обследование русских поселенцев с привлечением антропологов и медиков было проведено в большом селе Ивановка Исмаиллинского района. Это обследование показало, что адаптация русских сектантов к природной и этно-культурной среде их жизни в Закавказье, которую они называют своей «Малой родиной», нельзя считать вполне успешной. Медики установили, что во всех возрастных группах от 20 до 80 лет частота сердечно-сосудистой патологии у русских в 2-3 раза выше, чем у их соседей – азербайджанцев; соответственно была выше и смертность от таких заболеваний. Является ли это следствием давней генетически закрепленной патологии в сердечно-сосудистой сфере или является следствием возникшего в последние десятилетия чувства этнокультурной и социальной ущемленности русских крестьян в Азербайджане (отчасти – в Грузии и Армении) – сказать трудно. Послевоенные переписи населения 1959 – 1989-х гг. показывают многократное уменьшение численности сельских русских в Закавказье.

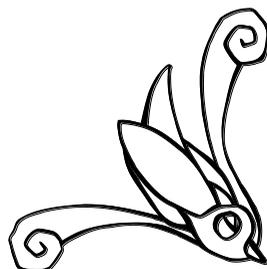
Во время экспедиционных работ в Закавказье мы не ставили своей задачей изучение межнациональных отношений между основными, живущими там народами, хотя не могли не учитывать их. Начало экспедиционных работ в Абхазии в 1978 г. почти совпало по времени с довольно острым аб-

хазо-грузинским конфликтом, тлевшим уже давно, но вспыхнувшим после принятия в 1977 г. в Грузии закона, объявившего грузинский язык «государственным», обязательным для изучения в абхазских школах (до того абхазы изучали в качестве второго языка русский). К русским участникам экспедиции абхазы относились подчеркнуто приветливо, к грузинским – настороженно, не позволяли, например, им брать кровь для анализов и т.п. Сокращение работ в Закавказье в 1985 г. было во многом обусловлено вспыхнувшим там армяно-азербайджанским конфликтом из-за статуса Нагорного Карабаха. Этот конфликт перерос в военные столкновения, затронувшие некоторые из изучаемых нами русских селений и заставившие жителей их искать спасение в обратных миграциях в Россию. По счастливой случайности ни один из наших экспедиционных отрядов не пострадал, но работу в Азербайджане и Армении пришлось прекратить.

Предлагаемый читателям тематический сборник посвящен, как сказано и в его названии, особенностям экспедиционного быта в Закавказье, главным образом – в Абхазии и в Азербайджане. Работа в экспедициях или, как говорится, в полевых условиях составляет неотъемлемую часть жизни этнографов, но организация этой жизни до сих пор не привлекала пристального внимания и, во всяком случае, не нашла своего отражения в печати. Мы надеемся, что за нашей публикацией последуют и другие очерки, в том числе о быте экспедиций, выезжавших на Север, Дальний Восток, Среднюю Азию, в другие регионы.

Должен сказать, наконец, и о некоторых трудностях формирования авторского состава книги. По первоначальному замыслу, в ней могли и даже должны были участвовать все участники полевых экспедиций в Закавказье. Но так, к сожалению, не получилось. Увы, но редакционная

коллегия не смогла установить контакт с отличным полеви-ком к.б.н. А.А. Вороновым, не смогла получить текст и от заслуживавшего всяческих похвал В.А. Большакова. Их имена будут не раз встречаться в воспоминаниях тех, кто работал с ними. Характерно, что В.А. Большаков, перешедший уже давно на работу в другую организацию, отговаривался, главным образом, отсутствием «журналистских» способностей; с таких отговорок начинали, кстати сказать, и многие из задействованных авторов. К счастью, скрытых способностей оказалось больше, чем представлялось, а для более свободного их выявления, редколлегия сняла ограничения по объему статей и не стала устранять некоторые повторы и оценочные характеристики, чтобы не нарушать логику личных воспоминаний. Насколько этот опыт оказался удачным – судить читателям.

В.И. Козлов

***Руководство и спонсорство
в экспедиционной жизни.***

Когда я оглядываюсь на прожитые годы, то вижу, что большую часть их я только тем и занимался, что учился и переучивался вследствие объективных требований и собственного любопытства, отвечал на какие-то полу-экзаменационные вопросы и старался быть довольно своими результатами. Поэтому я не без удовольствия включился в комплексное исследование феномена группового (популяционного) долгожительства, воспринял его как новую интересную задачу, которую следует решить. А когда эта тема переросла в более широкую этнолого-экологическую проблематику адаптации переселенческих групп русских в Закавказье, чем я раньше также не занимался, то пришлось решать и эти новые задачи.

Долгожительство (или – долголетие), по своей сущности, – явление биологическое, поэтому вначале считалось, что ведущую роль в исследовании проблем его возникновения на популяционном, так сказать, уровне станут играть антропологи, однако для наших, как и для американских «физических» антропологов, проблематика долгожительства не менее чужда, чем для наших этнографов (этнологов) и американских «культурных» антропологов. В центре внимания антропологов, при установлении ими расовых признаков, характерных для тех или иных популяций, находятся люди среднего возраста; дети, характерные осо-

бенности конституции которых еще не сформировались, и пожилые (тем более – старые) люди у которых эти черты уже начали стираться, или большей частью уже стерты, для антропологов как бы не существуют. Этим, кстати казать, они кардинальным образом отличаются от геронтологов, обращающих внимание только на пожилые и старческие возраста. Применяемая антропологами методика случайной выборки по 100 человек не совпадала с направленной выборкой по недолгожительским и долгожительским линиям, применяемой другими участниками исследования. Чтобы разногласия между группами участников не перерастали в конфликты, оказалось целесообразным возложить общее научное руководство темой по комплексному исследованию феномена группового (популяционного) долгожительства на человека с этнолого-экологической специализацией. Признаюсь, что осуществлять такое руководство было довольно трудным делом. Сложнее всего было добиться уважения со стороны геронтологов, представленных полу-десятком специалистов с научными степенями докторов медицинских наук (для этого мне пришлось углубиться в медицинскую литературу), но и с этой задачей, кажется, удалось справиться. Во всяком случае, уже после завершения работ в Закавказье, меня приглашали участвовать в геронтологических экспедициях на территории Украины.

В полевых условиях экспедиция по изучению долгожительства делилась на специализированные отряды: два три этнографических (включая демографорекогносцировочный), антропологический, психологический и др. Хозяйственное обеспечение отрядов входило в обязанности начальников отрядов; исключением являлась работа в стационарах, где удавалось наладить централизованное питание. Как уже отмечалось во введении, при

исследовании феномена долгожительства было проведено три экспедиционных стационара; должен сказать, что всеми ими руководил к.б.н. А.А. Воронов. В мои задачи входил подбор начальников отрядов по этнолого-экологической тематике исследований и ведущих сотрудников по конкретным темам, постановка задач исследования и их инструктаж до выезда в поле, а в случаях, когда я выезжал вместе с отрядом, то и в процессе полевой работы. Подсобных, так сказать, сотрудников подбирали начальники отрядов и в эту их прерогативу я обычно не вмешивался кроме отдельных случаев, да и те чаще всего облекались в форму просьб. По окончании полевого сезона все начальники отрядов писали научные отчеты.

Для полевых экспедиционных работ начальник отряда – фигура более значимая, чем начальник экспедиции, если, конечно, та и другая не совмещается в одном лице. При этом, хозяйственно-организационные способности начальника отряда по жизнеобеспечению его членов ценятся обычно выше, чем его научные способности; не случайно, лучшим начальником отряда считался «неостепененный» В.А. Большаков, умевший, кстати сказать, хорошо руководить водителями автомашин, которые прикреплялись к отряду, но это – тема для отдельного очерка. Хозяйственно-организационные способности обычно приобретаются опытным путем, во время предыдущей полевой работы и наблюдения за работой других начальников отрядов, но многое здесь зависит от психологического типа характера. Должен признать, что мне самому опыта экспедиционной работы не хватало, т.к. он ограничивался тремя выездами в поле в составе этнографического отряда, которым руководила добрейшая, но не очень расторопная В.Н. Белицер. Но то время – вторая половина 1950-х гг. – было другое, да и объект исследования – группы мордвы в различных рай-

онах Поволжья – был другим, так что уже при разворачивании экспедиционных работ в Абхазии пришлось столкнуться с новыми жизненными проблемами.

В распространенном представлении Абхазия – это место, где можно хорошо отдохнуть, позагорать на причерноморских пляжах, покупаться в море и т.п. Поэтому значительная часть сотрудников экспедиций направлялась в Абхазию с «полу-курортным», так сказать, настроением и была очень огорчена, когда они по тем или иным причинам не воплощались в реалии. Почти все абхазские села, в которых приходилось работать, были расположены на изрядном расстоянии от побережья, со значительным перепадом высот, поэтому добраться до него в свободное от работы вечернее время было очень затруднительно. Ради абхазского этикета и моральных правил, запрещавших обнажать тело под небом («под Богом»), ходить по улицам абхазских селений в сильно открытой одежде мною было запрещено, а отходить от дневной жары в протекавших быстрых и холодных горных реках было небезопасно. В такой обстановке приходилось, по крайней мере, раз в несколько дней устраивать общий выезд на море, расходовать для этой цели бензин, которого почти всегда не хватало. Излюбленным местом отдыха при длительных переездах был открытый В. Большаковым безлюдный кусочек побережья у с. Тамыш с зарослями кустарника, из которого по ночам совершали «набеги» на лагерь местные свиньи.

Другая группа, неоднозначных, по правде говоря, проблем была вызвана традиционным абхазским гостеприимством с обязательным угощением виноградным самогоном – «чачей» – и сухим виноградным вином из «Изабеллы», измеряемым декалитрами, тем более, что летом у абхазов наступало время освобождения емкостей для приема виноградного сока из нового урожая.

Члены экспедиции среди долгожителей.
с. Дурипш Гудаутского района Абхазии (1980 г.)

Приход гостя для абхазов – радостное событие, хороший прием его – это случай повысить свой престиж в селении, причем при нашем внимании к старикам и повсеместно господствующей геронтофилии это нередко принимало особо торжественный вид. Небольшие застолья бывали почти ежедневно. Вспоминаю случаи в селении Лыхны Гудаутского района, где хозяин одного из домов, узнав о приходе «гостей» - московских ученых – для беседы с его престарелым отцом, схватил висевшую на стене двустволку, выбежал во двор, уложил двумя выстрелами две из бродивших там куриц и послал кого-то из детей звать соседей и родственников на застолье. На большие застолья, посвященные какому-то особому случаю, обирались по несколько десятков человек, резали бычка или козленка и в течение нескольких часов вино лилось, как гово-

рится, рекой. Подчиняясь обязательным тостам, крепкие абхазские мужчины выпивали по 20-25 стаканчиков (граммов по 100) вина и с победным видом смотрели на «слабых москвичей». И для того, чтобы не напиться, но соблюсти правила этикета, требовалась как крепкая воля, так и умение объяснить свое воздержание.

После нескольких выпитых стаканов вина мне обычно приходилось хитрить. «Представьте двух мужчин, – говорил я при очередном предоставленном тосте, – у одного из них было 100 рублей и он отдал другу 70 рублей, у другого было 10 рублей и он отдал другу 9 рублей. Должны ли знакомые уважать второго меньше, чем первого?» «Нет!» – кричали мне в ответ застольники. «Так вот, и я, – говорил тогда я, – отдал нашему восприятию вина и застолью почти все силы, которые у меня были, и теперь мне придется воздерживаться». Впрочем, проблемы застолий, нередко нарушавших нормальный ритм жизни, – это тема для отдельного очерка.

К проблемам, обусловленным курортным настроением и гостеприимными застольями, различные отряды относились по-разному. Должен рассказать в этой связи о двух экстремальных случаях. В одном случае ушлый, как говорится, начальник, получив в свое распоряжение автомашину и укомплектовав отряд знакомыми и домочадцами, отбыл в удаленное абхазское село и там хорошо провел все рабочее время. Составленный им отчет» был очень беден, и в дальнейшем этот ник был отстранен от работ по вопросам долгожительств. В другом случае начальник отряда, видимо, находясь постоянно в сильном подпитии, стал столь активно физическую близость набранных им в отряд студенток, что те почти без денег убежали от него в Москву. шись вдвоем с водителем, начальник продолжал

куролесить и, сев за руль, сильно повредил автомашину. Этот случай должен был повлечь суровое наказание, но при академическом «демократизме» завершился лишь отстранением виновника от полевых работ; это побуждает меня, отчасти виновного в назначении таких начальников отрядов, не называть их фамилий.

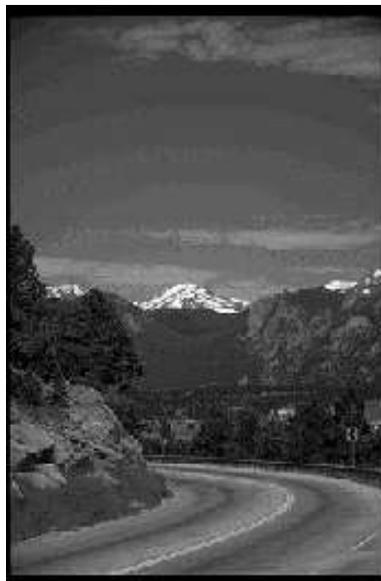
Должен сказать, хотя бы кратко о Г.В. Старовойтовой, которая до того как стала известным политическим деятелем, работала около четырех лет над тематикой комплексного изучения явления долгожительства на Кавказе (по анализу роли психологических факторов долголетия) вначале в статусе рядовой сотрудницы, затем – в ранге начальника отряда, тем более, что эта часть ее, к сожалению, краткой жизни почему-то не попала в ее опубликованные биографии. Мне, как непосредственному руководителю Г. Старовойтовой в те годы, часто общавшемуся с ней в неформальной полевой (экспедиционной) обстановке, удалось с близкого, так сказать, расстояния наблюдать характерное для многих незаурядных людей противоречивое сочетание творческой научной деятельности со склонностью к приятному времяпровождению в курортной атмосфере, сочетание элементов женского авантюризма с глубоким анализом этнической ситуации в Закавказье и умение выразить его в научной и в наукообразной форме. Полагаю, что ей было бы нетрудно написать диссертацию на соискание ученой степени доктора наук, и мне искренне жаль, что она предпочла политическую карьеру. Могу предположить, что этот выбор Г. Старовойтова сделала летом 1990 г., когда возглавляемый ею отряд нашей экспедиции совершил поездку в Нагорно-Карабахскую АО Азербайджанской ССР. Там она с помо-

щью взятых в отряд армянских ученых из Ленинграда (Санкт-Петербурга) установила контакт с местными армянскими сепаратистами, а те способствовали ее избранию народным депутатом от одного из округов Еревана (позже она избиралась в Государственную Думу от одного из округов Ленинграда).

Следует отметить, что особо теплое гостеприимство абхазов по отношению к москвичам объясняется в какой-то степени давним тяготением абхазов к союзу не с Грузией, а с Россией; некоторое время Абхазская республика была формально независимой, но фактически тесно связанной с РСФСР. Школьное образование в абхазских школах в значительной степени строилось на русском языке и большинство абхазов (кроме детей и геронтов) хорошо говорят на нем, чем отличаются от грузин с их почти неизживаемым акцентом. Последнее обусловлено звуковым богатством абхазского языка, количество фонем в котором вдвое больше, чем в русском (и грузинском) языке. Провозглашение грузинским правительством в 1977 г. грузинского языка единственным «государственным» языком с обязательным изучением его в школах Абхазии, что означало вытеснение русского языка, вызвало большое недовольство среди абхазов и рост среди них движения за выход из состава Грузии с присоединением к РСФСР. Движение это развивалось очень бурно и завершилось общеабхазским митингом, проведенным в их историческом центре – селении Лыхны – на широкой поляне с большим дубом посередине. Об этом митинге мне подробно рассказывал один из его организаторов бывший офицер-фронтовик Михаил Чамагуа, которому была поручена охрана митинга от возможного вмешательства армейских частей. Были сформированы, в частности, молодежные отряды «смертников», которые в случае направления к селению армейских грузо-

виков и бронетранспортеров с солдатами должны были ложиться на шоссе, останавливая своими телами их движение. Вследствие вмешательства специального представителя ЦК КПСС до такого развития событий дело в тот раз так и не дошло, за абхазами было сохранено право свободного выбора языка образования. Кроме того, в абхазских районах удалось заменить всех прогрузински настроенных руководителей, вплоть до секретарей райкомов КПСС: группы абхазских старейшин приходили в соответствующие учреждения и прямо заявляли, что с таким-то именем абхазы в дальнейшем общаться не будут, и он, как своего рода «персона нон грата», должен уступить место другому.

Немаловажной задачей, решение которой мне обычно приходилось брать на себя, было установление контактов с местной республиканской и районной администрацией, научными и другими (в том числе медицинскими) учреждениями. При работе в Поволжье, помнится, такие контакты были минимальными и обычно ограничивались представительством в местном сельсовете, где хорошо действовало удостоверение на специальном бланке Института этнографии АН СССР с просьбой оказывать всяческое содействие экспедиционному отряду в его работе. Само же «содействие» сводилось, как правило, к жилищному устройству отряда в пустовавших летом зданиях местных школ,

реже – к приобретению продуктов со склада местного колхоза. При работе в Закавказье главным было представительство в местном райкоме КПСС, который держал под своим контролем по существу всю жизнь в районе, поэтому и экспедиционная работа в Абхазии и особенно в Азербайджане начиналась с посещения райкомов партии.

Отмечу, что в Абхазии вследствие ее сравнительно небольших размеров и политической нестабильности в абхазских районах (Очамчирском и Гудаутском) власть райкомов партии ощущалась в то время довольно слабо. Существовавший здесь Абхазский институт языка, литературы и истории АН Грузинской ССР был непосредственно включен в число учреждений, работавших над темой комплексного исследования феномена долгожительства, а заместитель директора этого института этнограф д.и.н. Шалва Денисович Инал-ипа пользовался среди абхазов столь большим авторитетом (он был из бывшей княжеской семьи и одним из идеологов движения за отделение от Грузии), что его протекция значила больше, чем протекция секретаря райкома партии. Отмечу, что в первый год абхазо-грузинской войны 1992–1993 гг. Абхазский институт сильно пострадал, его научный архив и библиотека были уничтожены, а некоторые сотрудники погибли...

Завершая описание некоторых особенностей работы в Абхазии, упомяну о проблеме языкового перевода при беседе с геронтами, которые в отличие от молодого поколения русский язык знали плохо, а то и почти совсем не знали. Попытки использовать в качестве переводчиков молодых родственников геронтов зачастую и особенно при верификации возраста обычно превращались в беседу со всей семьей, члены которой подчас спорили из-за правильности перевода вопроса и ответа. Кроме того, по традиционному этикету общения со старшими, молодые пере-

водчики не могли задавать вопросы на табуированные темы, связанные с определением вех биологического возраста (например, у женщин - время наступления менархе, время климакса и т.п.). На такие вопросы обычно решались лишь пожилые медработники или очень уважаемые люди. Прекрасным переводчиком был уже упомянутый выше М.А. Чамагуа, который быстро создавал условия для доверительной беседы, изгоняя из комнаты родственников геронта, и легко задавал вопросы даже об интимных сторонах жизни.

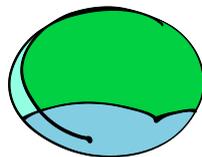
Организация экспедиционных работ в Азербайджане имела свои особенности, обусловленные не только обширностью территории исследований, но и своеобразными традициями жизни и социально-политической ситуацией. У абхазов сильнее ощущаются традиции общинной жизни, у азербайджанцев, позднее перешедших на оседлость, - родовые традиции и потестарные структуры. Установки кочевой жизни очень четко проступали, например, в пренебрежительном отношении к отхожим местам, которые в сельской местности обычно представляли собой слегка огороженные ямы, покрытые редкими жердями. В отличие от Абхазии, в Азербайджане бытовала традиция, согласно которой каждое обращение к вышестоящему чиновнику (в их число включались и врачи) должно сопровождаться каким-то подношением, чаще всего – в денежной форме. Первые секретари райкомов партии представляли собой местных феодалов с почти неограниченной властью. Поэтому, экспедиционная работа на территории того или иного района, как правило, начиналась с посещения райкома и разговора с первым секретарем его о целях приезда, задачах исследования и просьбах о жилищно-бытовом устройстве экспедиции. Первый секретарь утверждал нас в статусе «почетных гостей» и обычно поручал заботиться о

нас третьему секретарю райкома (обычно ответственному за идеологию), который и решал конкретные задачи.

Научное кураторство экспедиционных исследований по долгожительству в Азербайджане возлагалось на директора Института археологии и этнографии АН Азербайджанской ССР, включенному в список ответственных учреждений Закавказья, привлеченных для этой работы. Директор этого института к.и.н. А.А. Аббасов закрепил это участие специальным решением Президиума АН Азербайджана и в немалой степени помог нашим полевым отрядам уже тем, что направлял в каждый из них по 1-3 своих сотрудника, которые чаще всего служили хорошими переводчиками. Его непосредственные контакты с нами, однако, обычно не выходили за пределы районов, прилегавших к Баку, но он аккуратно звонил в райкомы КПСС удаленных районов с целью поддержания научного авторитета нашей экспедиции как международно значимой. Попутно отмечу, что в полевых работах на территории Азербайджана, в отличие от Абхазии, американские ученые не участвовали (впрочем, и там, это участие имело кратковременно-гостевой характер).

Рассказ об А.А. Аббасове, с которым мне лось довольно часто общаться, я должен немного продолжить, так как его фамилия была очень известной. Отец басова – как и тогдашний первый секретарь ЦК КПСС, а ныне - Президент Азербайджана – Г.А. Алиев - выходец из Нахичеванской АССР был первым азербайджанцем, чившим воинское звание «генерала»; из двух старших братьев Аббасова один был доктором биологических наук, директором местного Института биологии и академиком АН Азербайджана; другой – занимал высокий пост в республиканском МВД и не раз помогал нам устранять ладки с экспедиционными автомашинами. В А.А.

сове меня привлекало сочетание
ного ума с некоторой восточной ленью,
замедлявшей его движение к защите
торской диссертации. Очень симпатичной

был его привычка устраивать обед прямо в рабочем кабинете из блюд, приносимых из дома его миловидной и энергичной секретаршей. Здесь я перепробовал чуть ли не все национальные кушанья. Вероятно, обед на рабочем месте являлся традиционным и у многих других руководящих товарищей: я попал на такой обед при посещении одного из первых секретарей райкомов партии, тот усадил меня рядом с собой как почетного гостя, разорвал принесенную жареную курицу руками на куски и первый кусок вручил мне, а потом стал оделять приглашенных работников райкома. Членов нашего отряда кормили в это время бесплатно в райкомовской столовой.

Для жилья нашим экспедиционным отрядам зачастую предоставлялись распространенные в Азербайджане «гостевые дома», принадлежавшие райкому и расположенные, как правило, вблизи него, или принадлежавшие крупным промышленным или сельскохозяйственным предприятиям и мало уступавшие по уровню сервиса райкомовским. Здесь нам, как в пансионатах, предоставляли кровати с постельным бельем и бесплатное двухразовое питание. В случаях, когда мы уезжали на несколько дней в удаленные от райцентров села, то размещались в пустовавших классах местных школ, как это делалось и в Абхазии. Правда, с водоснабжением здесь было хуже, но от земляных блох мы страдали меньше. Своего рода промежуточным вариантом было устройство стационара в Казахском районе, где для этой цели использовали пустовавший районный пионерский лагерь с кроватями, но без постельного белья, вместо которого приходилось использовать привезенные нами

вкладыши к спальным мешкам. На размещение в местных гостиницах денег в экспедиционной смете не предусматривалось, и, когда в одном из районов нам пришлось провести в гостинице двое суток, то пришлось выпрашивать оплату за нее в райкоме партии.

Удаленность от моря и более жаркий сухой климат, как уже говорилось, делал экспедиционные работы в Азербайджане менее привлекательными, чем в Абхазии, хотя с организацией общественного питания здесь было лучше. Да и с вином в Азербайджане было почти такое же раздолье, как в Абхазии. Климат и почвы Азербайджана не способствовали развитию там зерноводства, и в структуре сельского хозяйства уже в 1970-х гг. ведущую роль стало играть виноградарство, что естественно повлекло за собой и развитие виноделия, главным образом – производство крепленых вин низких сортов, типа широко известного портвейна «Агдам». Однако большинство азербайджанцев, придерживавшихся установок ислама, запрещавшего употребление хмельного напитка из виноградной лозы, относились к виноделию как к чему-то греховному, повсеместно предпочитали употреблять привозную водку и не очень бдительно охраняли громадные баки с виноградными винами. Наши водители, легко устанавливавшие контакты с механизаторами винодельческих заводов, нередко приносили от них 3-5 литровые банки с вином и нужно было внимательно следить за тем, чтобы они не спаивали других членов отрядов и не напивались сами перед очередным рейсом. Повара, прикрепленные к гостевым домам винодельческих совхозов, обычно также начинали с принесения на завтрак и ужин кувшинов с винами различных сортов и крепости, и это их усердие приходилось жестко ограничивать.

Азербайджанцы уважают старых людей, но это уважение не переросло в столь показную геронтократию, как у абхазов. Нет среди них и культуры застолий со специальным этикетом, как это наблюдается у грузин и абхазов, хотя некоторые элементы таких застолий используются во время больших семейных и общественных праздников. Поэтому посещение геронта на дому никогда не перерастало в застолье абхазского типа; дело обычно ограничивалось лишь небольшим чаепитием. Своего рода исключением было время работы нашего стационара в Казахском районе, где для нас было проведено несколько застолий в рощице около ручья вблизи лагеря или в межрайонном ресторане на трассе Тбилиси-Баку. Насколько можно было понять, такие застолья были выражением благодарности руководства района за представившуюся возможность квалифицированного медицинского осмотра специалистами из Института геронтологии АМН СССР, среди которых должен отметить блестящего клинициста д.м.н. С.М. Кузнецову. Для того, чтобы наплыв обычных больных не нарушал нормальную работу стационара и не портил, так сказать, средние показатели заболеваемости, для приема их специально выделялся один день в неделю.

Первое застолье, помнится, было проведено работниками большой районной больницы и райздравицы, а за ним последовали другие районные службы. Мне особенно запомнилось застолье в ресторане, проведенное начальником районного отделения милиции, районным прокурором и судьей, которые общались между собой по именам и почти как близкие родственники. «Боже мой, - подумал я, – как легко им поддерживать систему власти: один дает приказ незамедлительно арестовать смутьяна, другой «сочинит на него дело», а третий – осудит его на длительный срок...»

Одним из важных отличий азербайджанцев от абхазов было плохое знание ими русского языка, особенно в сельской местности. Остановливаясь в сельских школах, мы могли не раз убедиться в низком качестве общего образования старшеклассников, которые постоянно отбывали повинности на приусадебных участках директоров и завучей школ; не раз убеждались мы и в неспособности большинства учителей помочь нам в качестве переводчиков. Почти анекдотический случай был в одной из сельских школ Таузского района, где при общении с молоденькой преподавательницей английского языка, недавней выпускницей бакинского педагогического института, выяснилось, что нам легче понять друг друга, если говорить не по-русски, а по-английски.

Недостаточное знание азербайджанцами, особенно в сельской местности, русского языка приводило к тому, что русскоязычные книги, поступавшие в районные книжные магазины, раскупались лишь частично или надолго залеживались. Поэтому сотрудники экспедиционных отрядов, приезжая в новый районный центр, после посещения райкома (а иногда и до этого) устремлялись в книжный магазин и раскупали книги, которые в то время трудно было достать в Москве: например, стихотворения Н. Гумилева и других поэтов «Серебряного века». Таким образом многие сотрудники изрядно пополнили свои личные библиотеки, да и привезли кое-что в подарок родным и знакомым.

Однажды, находясь вблизи границы с Нагорно-Карабахской АО, мы решили заехать на полдня в армянское селение и были приятно удивлены, во-первых, очень радушным отношением к нам всех жителей – от мала до велика, во-вторых, хорошим знанием русского языка, который изучался в школах с начальных классов с преподавателями из институтов Армении. Эта ситуация отчасти

напомнила ситуацию в Абхазии с той разницей, что армяне Карабаха более четко понимали отсутствие реальных перспектив у них самих и их детей для социально-экономического роста в условиях традиционно враждебного им иноверческого азербайджанского населения. Один из возможных вариантов лучшего жизнеобеспечения виделся им в миграции в пределы Российской Федерации. Провозглашение в 1977 г. азербайджанского языка единственным «государственным» в Азербайджане привело к дальнейшему обострению отношений между армянами и азербайджанцами с дальнейшим ожесточением их вплоть до вооруженных столкновений.

Начатое на территории Азербайджана исследование процессов адаптации русских переселенческих групп, главным образом – сектантов молокан – проходило без опоры на Институт археологии и этнографии АН Азербайджанской ССР, да и местные партийные органы. Оно осуществлялось преимущественно путем маршрутных поездок с кратковременными остановками в русских селениях. Исключением было большое селение Ивановка Исмаиллинского района, где на базе известного колхоза-миллионера им. М.И. Калинина был организован антрополого-медицинский стационар. Этим стационаром хорошо руководила к.б.н. Н.А. Дубова. Мое участие в нем ограничилось двухдневным посещением селения и беседой с председателем колхоза Н.В. Никитиным о нуждах экспедиции.

Наша встреча с Никитиным состоялась накануне проводимого в местной средней школе в связи с началом нового учебного года дня «Первого звонка», и он попросил меня выступить перед школьниками, построенными по классам на широком школьном дворе. Школьники, учителя и присутствовавшие родители слушали меня очень внимательно.

Дворец культуры колхоза им. Калинина.
с. Ивановка Исмаиллинского района
(1987 г., фото А.Н. Ямскова)

но: московский профессор для здешних мест представлял собой личность уникальную. А я старался говорить нешаблонно и не только о полезности школьного образования, но и большом значении самообразования путем чтения книг. В местном большом дворце культуры с колоннами оказалась неплохая библиотека, но библиотекарьша в разговоре со мной жаловалась на плохую посещаемость, объясняя это занятостью детей хозяйственными делами. Полагаю, что немаловажную роль при этом играла и традиционная замкнутость молоканских общин, стремление старшего поколения по возможности ограничивать неблагоприятное, по их мнению, влияние иноверческого мира на молоканскую молодежь.

В небольшом садике между сельским дворцом культуры и школой стоит мраморная плита – памятник жителям

селения, погибшим в годы Великой Отечественной войны с поименным их перечислением. Бросается в глаза повторяемость многих фамилий, что свидетельствует о замкнутости брачно-семейных связей внутри общины. В списке погибших оказалось около 250 человек, что составляет более трети мужчин призывного возраста тех лет; по закономерностям, установленным военными статистиками, примерно такой же должно было быть число покалеченных инвалидов войны. В целом, потери русского населения в годы этой войны были сравнительно большими, особенно, если учесть прежние антивоенные установки молокан. В своем рабочем дневнике я отметил необходимость проверить степень мобилизации и военных потерь в ближайших азербайджанских селениях, где мужчины из-за незнания русского языка могли легко попасть в разряд «нестроевых». Последовавший вскоре развал Советского Союза и суверенизация Азербайджана сделало выполнение такой работы невозможным.

Г.А. Аксянова

***Мы были первыми
(открытое письмо
молодому этнологу)***

“Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумей, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было еще в ту далекую пору, когда...”

Р. Киплинг

... когда людей моего поколения называли «молодыми сотрудниками», когда была другая страна, когда был другой Институт и другие приоритеты в научной деятельности, когда были другие возможности для полевой работы и когда я принимала большое участие в работе по комплексному изучению явления долгожительства (позднее она явилась, как известно, основой для выделения целого научного направления «этнической экологии» в структуре нашего Института). Руководством Института я была включена в его первый списочный состав с формулировкой «на 75 % производственной нагрузки». Однако рождение у меня сына никак не входило в планы нового, ориентированного на экспедиции подразделения. Поэтому где-то в 1982/83 году Виктор Иванович Козлов «обменял» меня, к обоюдной радости, на одного из самых энергичных наших антропологов Надежду Анатольевну Дубову (этакий exchange науч-

ных кадров). Уверена, что он ни на одну секунду не пожалел об этом.

Итак, окунёмся в прошлое ...

1978 год: первое лето в Члоу

Это была грандиозная, оригинальная и вполне соответствующая научному потенциалу сотрудников Института этнографии задумка (в современной терминологии «проект»). Ее инициировали в конце 1970-х годов американцы. С русско-кавказским (советским) размахом наш Институт и взялся за его воплощение. Условия для экспедиционных работ любого внутригосударственного масштаба были тогда еще просто оранжерейные: все сотрудники и аспиранты Института ездили, в конечном результате, насколько хотели и куда хотели на бюджетные средства (являвшиеся тогда единственным источником финансирования науки), к тому же немного оплачивались и привлеченные на время экспедиции сотрудники. Комплексной медико-биологической и этнографической экспедиции по изучению явления долгожительства, которая носила статус «международной советско-американской», гарантировался «зеленый свет»: сам Соломон Ильич Брук, зам. директора Института этнографии АН СССР, курировал ее. Таким образом, начало всей деятельности по изучению феномена долгожительства у нас было положено руководством Института, а его выполнение, в теоретическом и организационном прежде всего отношении, поручалось Виктору Ивановичу Козлову – в то время сотруднику Отдела этнической статистики и картографии, который возглавлялся тем же С.И. Бруком, а также единственному биологическому подразделению Института – Отделу антропологии, которым тогда уже руководил Александр Александрович Зу-

бов. Надо сказать, что это была не первая международная экспедиция, проводимая нашим Институтом с весомым участием сотрудников Отдела антропологии: как раз в 1970-е годы успешно прошли Советско-Финляндские экспедиции под руководством А.А. Зубова и Н.В. Шлыгиной по комплексному антропологическому изучению марийцев и коми.

Структура всей долгожительской Программы была непростой и включала по существу несколько автономных исследовательских групп, каждая из которых имела еще свою внутреннюю, по методическому основанию структурированность. В нее были включены следующие научно-исследовательские блоки: медицинская геронтология, физическая антропология, популяционная генетика, демография, этнография, психология, экология. Полное представление об этом дает первая тематическая монография «Феномен долгожительства» (М., 1982), которая была подготовлена к публикации уже вновь образованным сектором этнической экологии. Всего в Программу было вовлечено, думаю, около 100 специалистов разного профиля, представляющих несколько крупных научных центров Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Киева, Сухуми и Тбилиси. Комплексная экспедиция, в которой мне довелось участвовать, являлась таким образом лишь частью всей Программы. Правда эта «часть» была одной из основных в теоретическом отношении и, наверное, самой новаторской, самой методологически спорной, самой трудно организуемой, самой многолюдной по числу одновременно работавших в полевом стационаре сотрудников и самой методически разносторонней. Опыта проведения таких крупных и разноплановых экспедиций по обследованию современного населения у нас не было.

Большое видится на расстоянии. Сейчас я поражаюсь и горжусь тем, что мы справились с этим весьма непростым в реализации делом. Я была, в общем-то, рядовым сотрудником, т.к. не входила в «мозговой трест» разработчиков Программы комплексного изучения био-социального явления долгожительства. Для этого у нас, слава богу, хватало солидных, умных ученых мужей – А.А. Зубов, В.И. Козлов, О.М. Павловский, С.М. Далаки-швили и другие. Меня привлекли в основном для организационной работы, связанной с большими летними экспедициями первых выездов в Абхазию. Это была, очевидно, инициатива А.А. Зубова и А.А. Воронова, которые были научными руководителями моих студенческих работ, а также знали меня по работе в продолжительных или весьма ответственных экспедициях. В моей научной биографии к тому времени было участие в двух международных экспедициях, советско-финляндской к коми и советско-вьетнамской в СРВ.

Когда весной 1978 года меня включили в руководство экспедицией, я приняла участие в методологическом совещании, которое проходило в НИИ антропологии МГУ. Тогда специалисты разных профилей в очередной раз старались договориться о том – кого же все будут обследовать. В отношении места работ, по-моему, больших споров не было: каждая страна (мы и американцы) работала на своей территории, совмещение исследований должно было осуществляться уже на уровне результатов, словосочетание «кавказское долголетие» в нашей стране давно было штампом, и небольшая причерноморская автономная республика в составе Грузии с ее сильным научным центром в Сухуми была очень устраивающим всех местом начала крупномасштабного исследования. Спорные вопросы в медико-биологической части исследования касались преимущественно двух важнейших моментов в организации

выборки: изучать только геронтологическую, от 60-ти лет, часть популяции, самих долгожителей и их ближайших родственников (подход и накопленный сравнительный материал медиков) или обследовать представительные выборки догеронтологической, включая детей, части популяции. Кроме того, довольно остро стоял вопрос об объемах выборки, т.к. медики объективно не могут пропустить большое количество людей через свои методики, а антропологи объективно не могут ограничиться численностью выборки в 10-15 человек. Первоначальная идея о полной идентичности выборки по всем методикам была оставлена, т.к. границы методической допустимости диктовались законами каждого научного жанра. В конце концов, все осталось, кажется, при своем мнении и подходе, хотя некоторое сближение позиций все же произошло: антропологи увеличили возрастной интервал обследуемых за счет включения лиц старших, по сравнению с антропологическим стандартом, возрастов, а медики по возможности стали набирать выборки геронтов, не имеющих в анамнезе долгожителей.

Другие направления комплексного исследования проводились независимо от работы нашего летнего медико-биологического отряда. Не только мы с американцами, но и большинство нас - советских специалистов видели общую панораму исследования уже только на совещаниях и в тематических изданиях.

Первый полевой сезон – это июль-август 1978 года, Очамчирский район Абхазии, группа сел с центром в Члоу. Тогда в соседних селах одновременно базировалось сразу несколько исследовательских групп; многие регулярно были в Члоу, в том числе у нас в стационаре (хорошо помню Михаила Анатольевича Членова с дочкой Анечкой, Алексея Ивановича Кузнецова, Алексея Павленко, Ната-

лю Пчелинцеву, грузинских исследователей из Института экспериментальной морфологии). Ожидался приезд в Члоу и нескольких иностранцев-американцев, что, безусловно, учитывалось местным руководством и отразилось на их активности.

Въезд в г. Сухум, 1978 г.

Наш отряд состоял из киевских геронтологов (медики, диетологи, микробиологи), московских и ленинградских антропологов (морфологи, специалисты по биологическому возрасту, расоведы). Нас объединяли профиль и объект исследования – медико-биологические параметры взрослой части долгожительской популяции абхазов. Организационно в тот год мы работали одним отрядом.

Его начальником взял на себя почетный труд быть Андрей Александрович Воронов – сотрудник отдела антропологии нашего Института, медик по образованию,

опытный полевик, возглавлявший длительные антропологические экспедиции, авторитетный специалист в научной среде. Пользуясь случаем, хочу добрым словом вспомнить его еще раз; его мешковатую, слегка согнутую фигуру с пружинящей походкой, озабоченное лицо, украшенное очками и бородой, любовь к совещаниям, посещению начальства, авторитарный стиль руководства, некоторую медлительность, иногда нервные срывы. За этой внешней картинкой стоит действительно большой объем организационных и обслуживающих работ, который, к сожалению, часто недооценивается окружающими. Надо отдать должное этому человеку, который в значительной степени обеспечил работу первого большого полевого выезда. Каждая экспедиция по своему научному составу и коллективу личностей, по своим конкретным обстоятельствам в чем-то уникальна, но первая поездка всегда является пробной, а потому, наверно, и самой тяжелой. Я помню, например, как тогда в Члоу к нам буквально каждые несколько дней кто-то приезжал, кто-то уезжал – и так на протяжении почти двух месяцев. Всех надо было встретить, разместить, проводить в Сухуми – а это 60 км от Члоу, притом, что в отряде только одна машина. Организационная работа очень незаметна, когда основное дело продвигается. Во всяком случае, чем дальше от организационных дел был сотрудник в отряде, тем больше времени у него было на отдых. Я была в двух продолжительных экспедициях под руководством А.А. Воронова, причем здесь, в Абхазии, была его заместителем и не припоминаю ни одного даже маленького конфликта между нами: каждый из нас всегда делал самостоятельно свое дело, а если надо – помогал другому. Хорошая память о наших рабочих контактах лично у меня осталась на всю жизнь.

В работе
вого отряда из
тропологов, кроме
сотрудников наше-
го Отдела
(А.А. Воронов,
Г.А. Акся-нова,
А.П. Пестряков,
А.И. Дубов, и на
более короткий
срок приезжали
А.А. Зубов и
Г.В. Лебединская)
приняли участие
коллеги из тогда
еще ленинградской
части нашего Ин-
ститута
(А.В. Шевченко и
В.И. Хартанович), а
также три студент-
ки (Е. Веселовская,
Е. Тихомирова –
МГУ и
Т. Воробьева –
ЛГУ). В основном
на этих людей
возлагалась надежда по обеспечению функционирования
научного комплекса.

с. Члоу, 1978 г.
А.А. Воронов (слева) и А.В. Шевченко
около школы, где размещалась наша
экспедиция

Кроме того, с нами работала очень сплоченная, опытная и высококвалифицированная группа коллег из НИИ антропологии МГУ под руководством О.М. Павловского. Мне, как заместителю начальника отряда, на ко-

тором лежало много хозяйственных обязанностей и параллельно сбор научного материала, в тот первый год абсолютно надежной опорой были Таня Воробьева, ставшая одной из моих ближайших подруг в жизни, Лиля Веселовская, безотказно выполнявшая любую просьбу, и Валера Хартанович, нередко подменявший меня в качестве специалиста-антрополога в сборе данных по некоторым ген-маркерам.

Е. В. Веселовская и А.П. Пестряков во время отдыха и «попытки поддержать угасающие силы» в компании с местными жителями. с. Члоу, 1978 г.

Незаменимыми людьми в отряде были еще два, как мне кажется всеобщих любимца – добродушный и вечно слегка растрепанный Альберт Шевченко, все время напоминавший мне Карлсона (кроме пищевых пристрастий), и абсолютно необходимый, добросовестный и выручавший экспедицию наш единственный шофер Валера Абрамов

(по прозвищу «Цыпленок» – за желтую футболку, худощавость длинной фигуры и обворожительную улыбку).

Экспедиционными дорогами.

Участники антропологического отряда А.В. Шевченко (второй слева) и В.И. Харганович (крайний справа) – в кузове, В. Абрамов – у машины

Геронтологов из Киева было много – десятка два. Среди них были, в частности, терапевты и окулисты, к которым, бедняжкам, хлынул мощный поток местного, в основном пожилого населения, желающего провериться у столичных врачей.

Передо мной и сейчас эта картина: светлая двухэтажная каменная школа в Члоу с большим крыльцом, к которому каждое утро подъезжает полный людьми местный автобус. Из автобуса выходят в основном немолодые мужчины в кепках и женщины в черных одеждах, они тут же заполняют вестибюль школы и хотят попасть «на прием к врачу».

Девушка на регистрации теряется под нависшими людьми и нависшими проблемами — для медиков этих людей слишком много (по некоторым методикам они

могут пропускать только 10-12 человек в день), а для антропологов такое количество пожилых людей в выборке методически недопустимо из-за старческих изменений в морфологических особенностях. Приходилось настойчиво добиваться у местного руководства привозить к нам для обследования не только десятки пенсионеров, но и десятки работающих людей молодого и среднего возраста.

В этой борьбе противоположных тенденций, нередко стихийного и избыточного для научных целей потока лю-

Н.С. Смирнова (справа)
и Г.А. Аксянова обсуждают антропологические сюжеты.
Члоу, 1978 г.

дей из Члоу, Тхины, Отапа и Моквы, все же довольно успешно завершилась работа первого медико-биологического отряда в 1978 году. Всего по разным программам было обследовано более двухсот мужчин и женщин, в том числе собраны представительные антропологические выборки.

Для обследования самих долгожителей медики выезжали к ним на дом с сокращенной программой. Кстати, кажется, только во второй полевой сезона была проведена окончательная верификация возраста долгожителей, что привело к заметному сокращению первоначального списка последних. Данный список являлся ключевым моментом для формирования выборок, т.к. позволял корректно выявить «долгожительскую» и «недолгожительскую» части популяции. Несмотря на значительное число обследованных в 1978 году, сбор материала не был завершен, причем в основном по медицинской части программы. А это диктовало необходимость проведения второго полевого сезона в Члоу.

В 1978 году мы жили и работали в здании школы: первый этаж – рабочий, второй – жилой. Рабочие места все обустроивали себе, конечно, сами, порой в спорах за жизненное пространство, т.к. было тесновато. Киевляне развернули фактически небольшую поликлинику с дорогостоящим оборудованием для ЭКГ, ЭЭГ, анализа основного обмена и пр. Целый класс был занят микробиологической лабораторией, где поддерживался высокий уровень стерильности помещения для проведения анализов состава микрофлоры кишечника. У антропологов самыми солидными приборами были установка для рентгена кисти, на основе чего определялся биологический “костный” возраст, и ультразвуковой аппарат для определения толщины мягких тканей лица. Характеристиками крови в нашем отряде никто не занимался, т.к. это направле-

ние изучала группа биохимиков и генетиков из Тбилиси под руководством С.М. Далакишвили; они работали по самостоятельному рабочему графику и маршруту. Практически все специалисты постоянно находились в стационаре (т.е. в помещении школы), кроме диетологов, собиравших данные о питании населения на дому. Помню как они утром, почти всегда напрасно, ждали транспорт, т.е. нашу единственную экспедиционную машину – ГАЗ-51, на которой практически ежедневно и на целый день уезжал начальник отряда в Очамчиру и Сухуми.

Рабочий день был с 9-ти утра и примерно до 17-ти часов, воскресенье – выходной. Размеренной и дозированной работы (как в советско-финляндских экспедициях) никак не получалось, т.к. преобладал нерегулируемый и самоорганизующийся поток людей. Очень возможно, что местные власти просто не смогли регулировать в нужном масштабе поток желающих попасть к приезжим врачам. В первый год работа подобной экспедиции всегда вызывает повышенный интерес у местного населения. Часть жителей Члоу и близлежащих сел привозили к нам на обследование не случайно, а в соответствии с тем списком долгожителей и их потомков, который составляли этнографы (первоначально по похозяйственным книгам сельсовета). Это была приоритетная группа пациентов, ни одного из которых нельзя было упустить из виду. 1-2 сотрудника отряда постоянно работали на регистрации, разъясняли людям куда им следует идти. Ныне я просто удивляюсь, как в этой сутолоке мы – антропологи получили приличные по объему и возрасту выборки взрослого населения уже в первый полевой сезон. Других трудностей в работе не было, если не считать периодического отключения света, что приостанавливало работу некоторых специалистов.

Нам постоянно помогали: А.А. Воронов очень часто встречался с властями в Очамчирах, в редких случаях прибегая к моей помощи, парторг колхоза почти все рабочее время находился у нас в школе, председатель колхоза бывал, но гораздо реже, сельсовет располагался в одном дворе со школой, в качестве переводчиков в отряде работали трое-четверо местных молодых людей, которые любили проводить у нас и свободное время. Уже в 1978 году к теме подключились будущие аспиранты нашего Института – сотрудники Абхазского НИИ Петр Квициния (биолог) и Аполлон Шинкуба (историк).

Примерно с 20-ого июля наш медико-биологический комплекс работал уже в полную мощность. Для антропологов экспедиция – дело привычное, а вот для медиков-киевлян, думаю, она была экзотикой. И они, похоже, остались довольны таким поворотом судьбы. Наш Институт финансировал большую часть их командировочных расходов, обеспечивал жилье, питание, работу. Конечно, полностью они не вкусили всех «прелестей» экспедиционной жизни, т.к. не заботились об организационной стороне: они работали как «белые» люди, занимаясь только своей профессией. Все киевляне, без исключения, оказались очень славными людьми – трудолюбивыми, дисциплинированными, доброжелательными, отзывчивыми, неприхотливыми, компанейскими и т.п. С ними приятно было работать и жалко расставаться. На следующий 1979 год те же сотрудники приехали снова в Члоу.

Естественно, в первый полевой сезон было повышенное внимание и со стороны руководства всей Программы. Александр Александрович Зубов присутствовал при развертывании работ. Позднее приехал Виктор Иванович Козлов. С ним нередко была Галина Васильевна Старовойтова, которая в те годы работала еще в ленинградской части Института как этносоциолог и этнопсихолог. Она была

в дружбе с Альбертом Шевченко. В полевом обследовании она регулярно не участвовала, лишь какое-то ограниченное время проводила цветовой тест Люшера. Очевидно, они встречались с приезжавшими на короткое время, но не обязательно посещавшими нас американцами. Мы, рядовые сотрудники, ни в каких переговорах и приемах не участвовали.

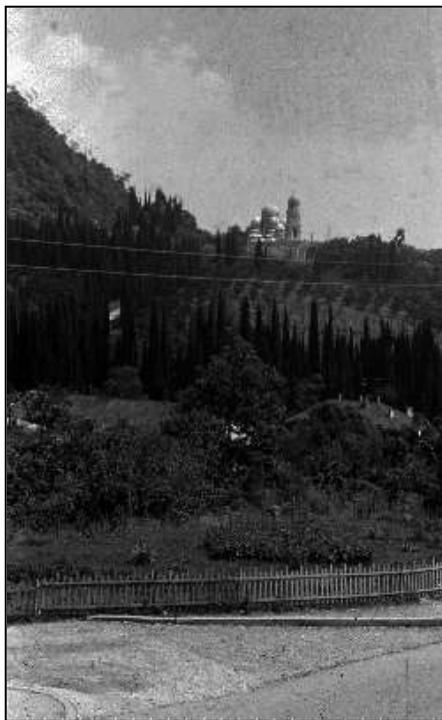
Из иностранцев у нас на несколько дней останавливался только Пол Лин из Канзасского университета – американец китайского происхождения. Никакой научной работы он не проводил.

Еще в самом конце экспедиции, видимо к этнографам, приезжала какая-то красавица-эфиопка. Во всяком случае на одном кавказском застолье, когда мы теплым августовским вечером сидели за длинными столами у кого-то во дворе дома, когда абхазские мужчины роскошно пели хором, а Аполлон Шинкуба бесподобно танцевал, была и эта грацильная долихоморфная темнокожая девушка, причем говорила она по-русски. В связи с ее присутствием некоторое время шли у нас разговоры о наличии африканской примеси у абхазов – исторически зафиксированном факте привоза сюда в XIX в. турками и дальнейшей ассимиляции абхазами двух-трех десятков черных рабов.

В Члоу нередко находился Петр Квициния, приезжавший из своего родного села Атара Абхазская. Тогда он уже по существу начал свою профессиональную подготовку в качестве антрополога. Именно у него в доме я оказалась впервые в гостях за кавказским столом. Среди многих гостей нас было всего человек 7 из экспедиции во главе с А.А. Вороновым, в том числе три женщины. Постоянные «алаверды» за столом никак не давали возможности приступить к еде, отведать желанной мамалыги с сыром и всего остального. По традициям русского застолья мы ждали, когда

же будет перерыв между тостами, внимательно слушали о чем говорят друг другу стоявшие мужчины, обводя голодным печальным взором стоящую перед нами домашнюю еду. Наконец Петр заметил наше глупое положение и разъяснил, что мы-то можем и поесть, не обращая внимания на говорящих. Подобные мелочи были для нас совершенно новыми гранями в жизни.

Еще нас приглашали на свадьбы. Для меня всё было интересно и в новинку, поскольку я впервые была на Кавказе (быть может, во мне пропал этнограф?). В силу своей неосведомленности о некоторых традициях поведения, мы совершали иногда нелепые ошибки. Среди нас – антропологов - не было не только кавказоведов, но и просто этнографов. Всё постигали через собственный опыт. Когда мы первый раз группой пошли на свадьбу, то опять же – в соответствии с нашими установками – мы – женщины, тогда молодые и хорошенькие, старались быть рядом со своими коллегами-мужчинами. В итоге мы оказались, как вы понимаете, в мужской части праздничного стола. Довольно быстро горячие кавказские мужчины обратили на нас повышенное внимание, в противоположность нашим коллегам-северянам, увлеченным тостами и обильной едой. Всем пришлось вскоре уйти, а нашим мужчинам – буквально охранять нас. Наверное они тогда сильно злились, что позвали нас с собой? В таких посещениях традиционных сельских свадеб на меня – горожанку, представителя другой этнической культуры, большое, ярко врезавшееся в память впечатление произвели масштабы действия, огромное количество гостей, ритуал поднесения подарков, отсутствие за столом виновников торжества – жениха и невесты, огромные палатки с длинными столами, вкусная абхазская еда. Например, необычно было видеть в качестве угощения большие, на костях, куски вареной говядины: ее

Вид на Ново-Афонский
монастырь.

отваривали в огромных котлах, а наваристый бульон затем выливали на землю (в моей неэтнографической голове проносилась экономическая мысль: «сколько же супа можно было из него сделать!»).

Повседневное питание для большей части отряда было организовано в сельской столовой на сумму нашего суточного довольствия (кажется – 1,5 рубля в сутки). С этого пайка мы, конечно, были полуголодными. Большинство восполняло этот пробел чаепитиями (кипятильник ведь обязательный предмет в багаже нашего командиро-

вочного!), частыми походами в гости, разнообразными сабантуйчиками. И еще мы объедались яблоками – сочными, кисловатыми, бело-красными, быстро набивавшими оскомину. В тот год эти яблоки буквально устилали дворы местных жителей.

В свободное от работы время все разбрелись кто куда дружеской или профессиональной компанией. Поздними теплыми вечерами собиралась какая-нибудь случайная компания на большом школьном крыльце, где говорили о всякой всячине, иногда за стаканчиком мест-

ного вина. А.А. Воронов, вернувшись в Члоу, любил провести рабочее совещание часов в 8-9 вечера. Несмотря на то, что народу в отряде всегда было человек 40-50, а в каждом классе жили по 5-8 человек, но, по-моему, никто никому не мешал. Дисциплина общежития в стационаре поддерживалась обычно сама собой.

Погода с середины июля установилась очень хорошая – сухая и теплая. Все мы насытились солнцем и свежим воздухом, напоенным ароматом садов, чайных плантаций, но главное – лесным ароматом утопающих в зелени окрестных холмов. Это потрясающий избыток зеленой массы окружающий мир! Сами абхазы говорили, что «любая палка, воткнутая в землю, начинает здесь расти». Когда же мы, находясь в кузове своего грузовика, ехали в Сухуми, то могли наслаждаться влажным эвкалиптовым ароматом черноморского побережья. Медленно бредущие через шоссе коровы, иногда встречавшиеся на пути, свидетельствовали о том, что сельская жизнь идет тут же, рядом. Ах, как это было здорово! Наша молодость была насыщена приятными впечатлениями.

Любимым местом времяпровождения участников экспедиции была горная речка, протекавшая в ста метрах от школы в Члоу: закончив работу, большинство устремлялось туда – на каменистый берег к журчащей под тенью деревьев холодной воде. На море ездили очень редко из-за удаленности от побережья, напряженной работы и дефицита транспорта.

За время экспедиции, вспоминаю, состоялось несколько мероприятий в рамках культурной программы. В честь приехавших в Члоу специалистов и начала работы советско-американской комплексной экспедиции перед нами выступил местный детский танцевальный коллектив. Ребята разного возраста прекрасно исполняли танцы народов

Кавказа. В другой раз состоялась экскурсия на чайную фабрику, расположенную в соседнем селе Моква. Интересно было видеть как в конце производственного цикла грузинский чай с одного транспортера пакуется в шесть разных мешков, проходя через разные ситечки, а в дальнейшем попадая и на разные столы... Были мы и в олеандрово-пальмовом Сухуми, пили на набережной кофе по-турецки, ходили в Ботанический сад и, конечно, в знаменитый обезьяний питомник... Совершенно замечательную экскурсию, именины сердца, организовали нашему отряду сухумские коллеги: поездку на экскурсионных автобусах из Члоу в Новый Афон и посещение уникального природного памятника – Новоафонской пещеры.

В 20-х числах августа медико-биологический отряд завершил работу; одной из последних я улетела в Москву, а в Члоу еще оставался А.А. Воронов с машиной и экспедиционным скарбом.

1979 год: второе лето в Члоу

Дорогой коллега! Начну, пожалуй, по-современному – с ключевых слов (не более 15-ти): стресс, контейнер, шоферы, Альберт, медики работают, антропологи томятся, «баня», выборка собрана, не всякий коллега – товарищ.

Это была самая тяжелая в моей полевой практике экспедиция!!!

У антропологов, ведущих массовое обследование населения, есть неписаное правило: не работать на следующий сезон в том же населенном пункте, т.к. жители утрачивают интерес, начальство – энтузиазм, а мы – возможность эффективной работы. К сожалению, задачи медико-биологического отряда по обследованию популяции Члоу за предыдущий полевой сезон, в силу объективных обстоя-

тельств, еще не были полностью выполнены. Главное, что совершенно недостаточно была охвачена собственно долгожительская ее часть, представленная в основном ближайшими родственниками долгожителей. Решение руководителей темы продолжить работы именно в Члоу, таким образом, гарантировало трудный полевой сезон.

Формально мы выезжали теперь не одним, а двумя отрядами: медицинским во главе с ленинградцем-антропологом Альбертом Шевченко, и антропологическим, который возглавляла я. Однако фактически вся финансовая и хозяйственно-организационная часть работ проходила через московскую часть Института, т.е. легла в значительной степени на меня. Альберту достался свой «горячий цех» – повседневная организационная работа в полевом стационаре.

В начале июля в Члоу нас опять собралось около 40 исследователей. Теперь мы разместились уже в двух помещениях - жили в только что построенном двухэтажном здании интерната, работали здесь же и по-прежнему в основном здании школы, там находились медицинские лаборатории. В состав антропологического отряда были специально включены лаборанты для сопровождения людей к месту обследования, регистрации, информации. Стратегически мы готовились опять к большому наплыву людей, однако ситуация коренным образом отличалась от предыдущего сезона.

Неприятности начались уже в Москве. Собственно неприятность была пока только одна, но сильно беспокоившая меня: задержка отправки контейнера. Как и в прошлом году, мы переправляли в нем десятки раскладушек и спальников, баулы, и даже частично антропологическое оборудование. Я добивалась от нашей хозчасти и дирекции внимания к этой проблеме и отправки контейнера не позд-

нее определенных сроков июня, написала докладную С.И. Бруку с уведомлением о возможном срыве работ и снятии с себя за это ответственности. Мужчины двух Институты ежедневно ожидали вызова на погрузку вещей... (Еще со студенчества, находясь с А.А. Вороновым на юге Таджикистана, помню, как мы две недели не могли начать работу из-за непришедшего контейнера. Потом он нашелся где-то на Урале)... Отправку груза все-таки задержали на две с лишним недели. И хотя Абхазия значительно ближе к Москве, чем Таджикистан, но в Сухум этот проклятый контейнер доехал недели на три-четыре позднее, чем надо, кажется 30 июля. У антропологов МГУ «полетела» в этот сезон программа по рентгену кисти, а у нас – по дерматоглифике. Раскладушки были уже не нужны: администрация школы давно выручила нас закупленными для детей интернатскими кроватями и бельем. Весь месяц я вынуждена была чуть ли не каждый день «кататься» в Сухум на контейнерную площадку вокзала, т.к. позвонить туда было невозможно. Всего через 20 лет с современными средствами связи в это не верится, но, возможно, и сейчас там нет даже обычного телефона.

В тот год мы, казалось, хорошо были обеспечены транспортом: хотя нам и не дали запрошенный УАЗик, было три грузовика – два ГАЗ-51 и один ГАЗ-66. Конечно, – не «мерседесы», но колес много.

К сожалению, наш верный друг Валера Абрамов предпочел на сей раз работу в Монголии, откуда прислал мне даже открытку на день рождения с монголизированным вариантом портрета Ленина. А в Абхазии, таким образом, мы очутились с тремя неизвестными шоферами. И вот здесь нас поджидала еще одна крупная неприятность!

Г.А. Аксянова и шофер экспедиции А. Якушин, 1979 г.

Фактически работало не три, а «полторы» машины. Шофер 66-ого был приписан к отряду Альберта Шевченко и поначалу как будто хорошо работал. Но абхазское вино и пиво ему понравились, и с конца июля он почти не был способен к прямохождению и манипулированию на уровне *Homo sapiens*, демонстрируя архаические способы локомоции либо горизонтальное положение тела.

Палочкой-выручалочкой был Толя Якушин – всегда трезвый, симпатичный, некрупный и поджарый мужчина,

который безусловно, в любое нужное для экспедиции время выполнял все задания. С ним мы почти месяц беспрерывно ездили в Сухуми и Очамчиру: Альберт не любил выезжать из Члоу и ходить по кабинетам. Без Толи мы бы точно пропали, на него всегда была основная надежда. Если не ошибаюсь, то иногда местный колхоз помогал нам машиной.

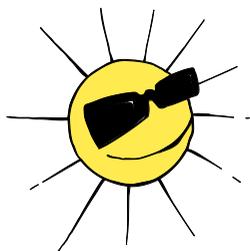
Третий шофер – Алексей, молодой человек 21-ого года, который впервые выехал в экспедицию. Когда утром он отправлялся по конкретному адресу за пациентом, то возвращался через 2-3 часа, после 17-ти часов его машина исчезала из лагеря, а через неделю то ломалась, то вставала на техосмотр. Оказалось, для многих не секрет, что Леша постоянно занимался «халтурой», т.е. подработками у местных жителей. После совета со старшими коллегами – мужчинами и более опытными полевиками – я приняла решение отчислить его из отряда и отправить в Москву. Однако этот шаг получил позднее иную, мягко сказать – недружественную интерпретацию из тех же уст. Целая ночь была потрачена на ответную докладную в дирекцию; одно радуется, что эта история не связана с сотрудниками нашей организации.

Еще одним стрессогенным фактором были и некоторые в общем-то случайные молодые люди, приехавшие на самом деле отдохнуть на юге, а не работать. К сожалению, часть из них, хотя и по рекомендациям, я сама и включила в отряд. Но были среди новеньких и прекрасные помощники, например, студентка нашей кафедры антропологии Лена Лебедева, на которую можно было положиться, как на себя. Она оставалась до последних дней в Члоу и запечатлена вместе со мной и Альбертом на экспрессивном слайде: мы – трое почти сошедших с ума антропологов, сидим на пустых железных кроватях с перевернутыми алюминие-

выми рукомойниками на голове, но с радостью в душе, что, наконец, все позади!

Однако самым большим сюрпризом сезона стало полное равнодушие к нам, вернее к нашему обследованию у местных жителей: в рабочих помещениях редко скапливался народ, на наши письменные приглашения приходил один человек из пятнадцати, местное руководство фактически не помогало в организации населения. Мы с Альбертом каждое утро неимоверными по нервному напряжению усилиями старались организовать и привезти хотя бы 8-10 человек в день, чтобы загрузить медиков: для этого требовалось объехать не менее 15-ти адресов. В этом году обследовались в основном не случайно пришедшие люди, а из списка долгожителей и их родственников, который предоставили нам этнографы. Это существенно сокращало наши возможности по формированию выборки. Медики всю экспедицию работали в оптимальном для себя режиме, тогда как антропологам такие ежедневные объемы были в 3-4 раза ниже стандарта. Но в любом случае специалисты, выполнявшие программу, весь рабочий день при малейшей надежде на пациентов оставались на местах. Для антропологов численность обследуемых прирастала так вяло, что сейчас не все и помнят, что в июле-августе 1979 года в Члоу через медико-биологический стационар прошло-таки более 150 местных жителей. Другое дело, что тянулось все больше месяца, к тому же специалисты были на этапе корректировки своих выборок и поэтому не обследовали каждого пришедшего человека.

Антропологическая часть программы нового сезона в чем-то оказалась редуцированной, а в чем-то расширилась. Так, наша коллега из Баку Улдуз Гашимова, собрала полноценный стоматологический материал по состоянию зубной системы и пародонта у лиц старше 30-ти лет. Альберт

Шевченко явно симпатизировал ей, стараясь уважить мою подругу – молодую стройную женщину ослепительной южной красоты, настоящую «шамаханскую царицу». Кроме того, антропологи апробировали новые методики: Г.В. Лебединская и А.А. Зубов вместе со своим другом-фотографом Валентином Александровичем Головиным – широко образованным, улыбчивым и словоохотливым сотрудником географического факультета МГУ, собирали материал по стереофотографии лица человека.

В целом, второй приезд медиков и антропологов в Члоу, во время которого продолжилось обследование взрослого населения долгожительской популяции, завершился вполне успешно, хотя и с невероятной затратой сил руководителей отрядов.

Мои этнографические наблюдения этого сезона были связаны с похоронным обрядом. Во время нашего пребывания в селе умерла одна очень старая бабушка, имени не припоминаю. Как один из руководителей экспедиции, посвященной изучению долгожительства, я сочла необходимым присоединиться к сельчанам и поклониться ей. Со знакомыми абхазами, проинструктированная ими, я заходила в дом – для поклона, ела на кухне лобио, смотрела что делают местные жители в этой ситуации. Потом еще была на 9-ти дневных поминках, возможно уже в другом доме. На окрестных хуторах поразило очень близкое к жилому дому расположение могил родственников, тщательно ухоженных; тогда я впервые это увидела. Финал земного существования человека – это сторона личной и общественной жизни, которая напоминает о себе повсюду в Абхазии: черный траурный цвет доминирует в женской одежде,

даже молодые мужчины, невзирая на жару, какое-то время носят черные рубашки, на лацканах пиджаков у мужчин можно видеть значки с фотографиями умерших родственников, на некоторых домах вывешены портреты с надписями, время свадеб соотносится со сроками траура, и очевидно, еще немало того, чего я не узнала.

Погода, как и в прошлом году, стояла отменная – солнечная, сухая. Только в самом начале июля были дожди и грязь под ногами на улице. Режим работы тоже был прежний.

Воскресный отдых не был коллективным, каждая компания организовывалась самостоятельно, некоторые на рейсовом автобусе уезжали в Очамчиру. Я помню всего один свой выходной, когда мы, человек 8-10 приятелей, отъехали куда-то к реке на пикничок. Были любители посетить какую-то ближнюю пещеру, освященную местными мифами.

На море опять не удавалось вывозить людей: фактически единственному шоферу Толе нужен был выходной день. Народ, к чести сказать, не роптал. Вспоминается анекдотический случай. Как-то в будни я объявила поездку на грузовике в Очамчиру с санитарно-гигиенической целью – посещения бани. Думаю: наверное, народ хочет уже и помыться по-настоящему. Желающих оказалось человек 20, в основном киевляне. Как только мы выехали на основную трассу, идущую вдоль моря, всех как ветром снесло из грузовика. До бани доехали мы с Улдуз и шофер! На обратном пути все купальщики-ныряльщики, обласканные закатным солнцем и теплым морем, веселые и довольные заняли свои места в родном «авто». Как только мы доезжали до Моквы, то чувствовали себя уже дома: вот за очередным поворотом, вдали на обрыве, возвышалось большое каменное здание – члоусская средняя школа.

Улетали в Москву мы с Леной Лебедевой в самых последних числах августа. Уже созрел инжир, и поспела кукуруза. Приехал отряд Володи Большакова, которому я позавидовала за тихую и спокойную, как мне представлялось, работу. Ему я передала вещи и машины под материальную ответственность.

По возвращении в Москву я сразу занялась финансовым отчетом, не вызвавшим никаких затруднений. А через полтора месяца опять улетела в Абхазию вместе с коллегой по Отделу антропологии – Ириной Пинчуковой.

1979 год: осень

Тогда я вновь приехала в Члоу, чтобы собрать материал в основном по морфологии и прорезыванию постоянных зубов в данной популяции. Я не мыслила себя участником темы только в роли обслуживающего персонала, а считала себя в первую очередь исследователем. Данный материал позволял дать оценку так называемого биологического «зубного» возраста, оценить наличие архаических и современных тенденций в онтогенезе одной из систем человеческого организма, а также охарактеризовать одонтологический тип популяции. В те годы это был уже традиционный раздел в системе расового, т.е. биоисторического анализа группы. Зубной материал, наряду с другими системами антропологических маркеров, при обработке позволил документировать гипотезу существования генетических предпосылок феномена долгожительства как популяционного явления. Об этом свидетельствовали, например, замедленные темпы биологического развития популяции. В дальнейшей работе, когда число сравниваемых абхазских выборок возросло, выявилась к тому же довольно значительная гетерогенность этноса и включенность его

по среднеэтническим характеристикам в массив аборигенных популяций северо-запада кавказского региона.

Этой командировке предшествовала трагикомическая и единственная в моей богатой полевой практике история. Достоверно знаю, что для женских экспедиционных судеб в Институте, моя ситуация не является уникальной. Незадолго до отъезда в командировку меня вызывает зам. директора Людмила Николаевна Терентьева и выражает обеспокоенность в связи с предстоящей уже самостоятельной поездкой, предлагает отказаться от нее.

И. Пинчукова за работой в школе с. Члоу (1979 г.)

Оказывается, после двух тяжелейших (для руководства отрядов) летних полевых сезонов в Члоу, где работа

требовала быть в постоянном контакте с руководящими лицами села (парторг, председатель сельсовета и председатель колхоза) в адрес Дирекции Института пришло анонимное письмо из Члоу с угрозами в мой адрес «выщарапать глаза и вырвать волосы», если я снова приеду. Меня это письмо удивило, но не напугало из-за своей, мягко говоря, необъективности.

Осенью 1979 года в Члоу нас собралось примерно десять женщин, обследовавших детей школьного возраста: группа Натальи Николаевны Миклашевской, которая изучала физическое развитие детей и подростков (НИИ антропологии МГУ), очень приятная немолодая женщина-педиатр из Тбилиси, антрополог Ирина Ладария из Сухуми, которая собирала материал по дерматоглифике, и я вместе с Ириной Пинчуковой, помогавшей в моей работе. Напряженный, но привычный труд позволил охватить нам все наличное детское население в возрасте 6-17 лет, около 500 человек, а по физическому развитию – более 600 человек.

Мы – расоведы работали только в Члоу, а группа Н.Н. Миклашевской обследовала еще детей в школах Тхины и Отапа. С организацией самого обследования никаких проблем не было, что типично для данного антропологического контингента: все дети любят, когда их снимают с уроков, а руководство школы полностью шло нам навстречу. Организационной стороной занималась Наталья Николаевна. Как и летом, жили мы тогда все в здании будущего интерната, где кроме нас уже никого не было. На какое-то время мы с Ирой П. остались вообще одни. Жители соседних домов (как и я сейчас, по прошествии 20-ти лет) удивлялись нашему бесстрашию и предлагали жить у них в доме.

Почти каждые выходные нас приглашали на многолюдную традиционную свадьбу, куда мы с удовольствием ходили, расширяя багаж своих этнографических наблюдений.

ний и вкусовых ощущений. Несколько ярких картин местной природы и неформального общения с жителями Члоу хранятся в моей памяти до сих пор.

Г.А. Аксянова изучает зубную систему абхазских детей.
с. Члоу, 1979 г.

Сейчас я уверенно могу сказать, что это – неиссякаемый источник положительных эмоций в жизни. Вот последнее, совсем последнее утро в Члоу: слегка морозное ноябрьское начало дня, школьный двор, грузный, всегда присутствующий здесь сторож Татовоз со своей семьей, темно-голубое безоблачное небо, на фоне которого видны раскидистые и обнаженные ветки дерева хурмы с оранжево-бурыми почти спелыми плодами; смахивая накатившуюся прощальную слезу, я сажусь в машину и навсегда уезжаю из этого тепло принимавшего нас места обратно – в свой родной столичный мир. В 1990-е годы я с болью в сердце

часто думала: «Дорогой Члоу – близкий и далекий, а как ты живешь-выживаешь сейчас?»

1980 год: осень

В этот год я уже не работала в составе большого отряда, обследующего взрослое население. Но в октябре-ноябре, одна поехала в командировку для продолжения одонтологического обследования абхазских детей Очамчирского района. И это была самая удачная поездка в Абхазию – никаких проблем, привычная работа, хорошая погода, чудная природа и люди. Эта командировка была, с моей сегодняшней точки зрения, примером нашего антропологического научного фанатизма и молодежного безрассудства: в то время я уже ждала ребенка. Работать приходилось целый день и без помощника; всего в школах селений Атара Абхазская, Джгерда и Гвада мною обследовано примерно 500 детей по программе расового анализа и прорезывания зубов. В итоге появился сравнительный материал по отношению к «долгожительской» популяции Члоу, также полученный в Абжуйской Абхазии. Позднее в Москве я сама, фактически ночами, обрабатывала его и писала статью. А самым трудным и нервным, что абсолютно неожиданно, оказалось добиться его публикации в очередной коллективной монографии. Незаслуженная боль! Недавно, в связи с завершением большой работы, коллега из другого Института с юмором спросил, во сколько пачек или флаконов медикаментов мне это обошлось. Тогда данный вопрос тоже был бы уместен.

Всю командировку курировал меня Петр Квициния – встречал, размещал, провожал. В его маленьком доме в ре Абхазской, где он жил с мамой, женой и детьми, я пробыла дней 7-10. Потом недели две работала в Джгерде и

много в Гваде. Жила в большом комфорте у друзей Петра – в семьях местных учителей. Помню как в Джгерде добрая пожилая женщина - мама хозяина дома - помогла разрешить мне первоначальную скованность: «Первый день – ты гость в доме, а на

второй – уже член семьи» – сказала она мне... Там я наконец увидела лавр – не остроконечным мешающимся листиком в супе, а гордым и благородным, красивым вечнозеленым кустом. Живя в абхазских семьях, не только я чему-то, в душе, удивлялась, но и удивляла сама. Так, пищевым подспорьем для меня были растущие в нашем дворе грибы (опята), которые абхазы, как и многие другие народы, не едят.

В выходные дни я иногда уезжала в Сухуми – погостить у антрополога Ирины Ладария, а на ноябрьские праздники успела съездить в Тбилиси, где работала наша коллега, тоже одонтолог, Вера Вацаева (Кашибадзе). Сейчас уже никто из них там не живет, т.к. их семьям в 1990-е годы пришлось покинуть свои дома из-за резкой смены политической ситуации и развернувшихся на территории Абхазии военных событий.

Но давайте закончу на мажорной ноте и расскажу как перед отъездом в Москву побывала... в раю! Да, да, в моей памяти этот эпизод остался как ощущение «рая». Всё на самом деле просто и по-земному: я оказалась в большом роскошном мандариновом саду, где невысокие темнозеленые деревья были усыпаны крупными, спелыми оранжевыми плодами и где можно было их выбирать сколько душе угодно. Теплый осенний день, тишина, кругом ничего нет, кроме этого райского сада... Такое в жизни больше не повторялось! В те годы маленькие желтенькие мандаринчики были для меня штучным предметом в новогоднем подарке. Мы с Петром К. опасались неприятностей в аэропорту из-за этих юж-

ных гостинцев: началась кампания запрета вывоза мандаринов на продажу в Россию через негосударственные торговые структуры. К счастью, опасения были напрасными.

Работа по долгожительской теме для меня - это 4 полевых выезда в Абхазию за период 1978-1980 годы, более 5-ти месяцев «в поле», месяцы подготовительной и отчетной работы, десятки людей из разных организаций, которым в частности и я обеспечивала условия труда и быта, десятки местных жителей, с которыми я общалась в рабочей и нерабочей обстановке, сотни обследованных по двум антропологическим программам, международные симпозиумы в Тбилиси и (заочно) в Нью-Йорке, статьи в монографиях⁴, масса нестандартных ситуаций и – наблюдения, наблюдения, наблюдения... Считаю, что это была большая школа жизни, которая дала мне редкие знания, редкий организационный опыт, возможность непосредственного участия в разработке интереснейшей био-социальной проблематики, а также возможность широкого общения с очень разными людьми.

Поделюсь в заключение некоторыми жизненными уроками, которые вынесла за годы интенсивной общей работы:

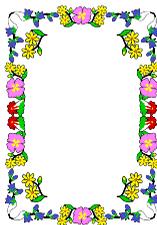
⁴ Аксянова Г.А. Морфологические особенности зубной системы абхазов с.Члоу // Феномен долгожительства. М., 1982. С.189-201; Она же. Характеристика зубной системы (сроки прорезывания, расовые особенности, пораженность кариесом) // Абхазское долгожительство. М., 1987. С.120-126; Aksyanova G.A. Morphological Traits of Dental Systems of Abkhasians from Chlou Village in Connaction with the Phenomenon of Longevity // Proc.1st Joint US-USSR Symp. «Aging and Longevity». April, 1980. Vol.2. New York. s.a. P.158-175.

- Абхазия – это совершенно чудесный уголок на нашей планете, где жизнь людей строится по своим социальным законам, где радушно, терпеливо и с достоинством принимают гостей, где за парадностью может быть скрыта очень неприветливая повседневная жизнь сельских жителей;
- не всякие теоретические конструкции воплощаются в жизнь; каждая часть комплексного исследования сохраняет свою автономность, при этом чем более комплексный и разносторонний характер у исследования, тем труднее в итоге достичь полной идентичности выборок и результатов;
- каждый экспедиционный сезон имеет свои приятные и неприятные «сюрпризы»;
- неважно сколько людей с тобой в экспедиции, важно - сколько из них разделит с тобой ее трудности и не подведет ни при каких обстоятельствах;
- всегда будь готова к несправедливости, т.к. «камни в твой огород» могут полететь с совершенно неожиданной стороны;
- любой жизненный опыт является тем багажом, который, в конце концов, приносит разумному человеку свои дивиденды;
- даже самая трудная экспедиция является, по большому счету, долгосрочным источником положительных эмоций, а тем самым и способом продления твоей жизни.

*Т.В. Красникова**

На окраине Джегрды

казавшись в секторе этнической экологии, я, по правде говоря, не очень рвалась в экспедиционную жизнь, побаивалась лишних эмоций. Но заведующий сектором В.И. Козлов, поручивший мне как выпускнице географического факультета сбор данных об условиях природной среды, которая окружает абхазских долгожителей, сказал, что это необходимо. В Абхазию я должна была отправиться с другой сотрудницей нашего сектора милой Ольгой Комаровой, которой был поручен сбор демографических сведений и которая до того в «поле» также не выезжала. Перед отъездом заведующий, он же – научный руководитель экспедиционных работ прочел нам небольшую лекцию о целях и структуре экспедиции и дал нам инструкцию о том, как мы с Ольгой должны вести себя на черноморском побережье, где местные любвиобильные мужчины устраивают прямо-таки охоту на молодых русских блондинок, к которым мы имели в данном случае несчастье принадлежать. Мы с ней и сами были слышаны о жизни на побережье Кавказа, но этот инструктаж «молодого бойца» с центральным тезисом «не давать никаких авансов» постарались запомнить.

* Записано В.И. Козловым по рассказу Т.В. Красниковой

До Сухума мы доехали роскошно – в отдельном купе спального вагона, любуясь мелькавшей за окном цветущей сиренью и разговаривая большей частью не на научные темы. Поезд приходил в Сухуми в 5 утра, но реалии суровой жизни мы почувствовали на два часа раньше, когда проводница, возможно, заподозрив в нас искательниц курортных развлечений, прервав предутренний сон, довольно бесцеремонно отобрала у нас постельное белье и матрацы. Зато мы получили возможность полюбоваться морем, подходившем в некоторых местах почти к самому полотну железной дороги.

На вокзале в Сухуми нас встречала почти вся мужская часть нашего экспедиционного отряда во главе с его начальником А.П. Павленко, добравшаяся сюда из Москвы на экспедиционной машине. Эта машина, именовавшаяся ГАЗ-53 (в просторечье – «полуторка») оказалась для нас с Ольгой довольно суровым испытанием, так как несмотря на знак Академии Наук СССР, украшавший дверцу кабинки водителя (земной шар в ромбе с волнистой лентой), она больше подходила для каких-то сельскохозяйственных работ, чем для перевозки людей. Правда, внутри кузова наши мужчины, используя экспедиционные сундуки-баулы и спальные мешки, соорудили что-то вроде мягких сидений с острыми углами, но полагавшихся откидных лестниц у машины не было и залезть в кузов даже для мужчин было трудно. Для женщин, носивших, согласно этикету, юбки средней длины (носить в присутственных местах мини-юбки и брюки нам было не положено), перелезание через высокий борт, даже при протянутых в помощь мужских руках, превращалось в страдание. Очень трудно было и вылезать из кузова на землю, так как юбка нередко надувалась колоколом. Со временем мы с Ольгой натренировались подниматься в кузов и спускаться на землю более

элегантно и без сопутствующих стонов, но этот процесс по-прежнему привлекал пристальное внимание всех находившихся поблизости мужчин, и мы продолжали завидовать сопровождавшим нас абхазским женщинам которые делали это более непринужденно и даже отказывались от протянутых для помощи мужских рук.

Нам предстояло работать в селении Джгерда Очамчирского района, находящемся примерно в 60 км к юго-востоку от Сухуми. Но прежде чем отправиться туда, мы прямо с вокзала заехали почти по пути в Абхазский НИИ языка, литературы и истории, чтобы представиться тамошнему руководству и прежде всего – заместителю директора д.и.н. Ш.Д. Инал-Ипа, курировавшему экспедиционные работы в Абхазии. Здесь мы встретились и с сотрудником этого института Петром Квициния, который был в то время и заочным аспирантом сектора антропологии нашего института этнографии АН СССР. Он должен был сопроводить нас до Джгерды. Перед аспирантурой он несколько лет работал экскурсоводом, а потому, устроившись в кузове, сразу стал обогащать нас знаниями о Сухуми и дорожных достопримечательностях с возгласами: «Посмотрите налево..., посмотрите направо...»; в дальнейшем мы не раз работали с ним и он оказывал нам большую помощь в качестве гида и переводчика.

Вначале мы проехали к центру деревни, чтобы официально представиться в сельсовете. Встретили нас очень доброжелательно, а некоторые мужчины, знавшие А. Павленко по предыдущему приезду сюда сразу стали приглашать нас всех на ужин. Но мы снова прогрузились в машину и поехали по какой-то боковой дороге, переехали по мостику через небольшую речку (в сезон дождей она становится широкой и бурной) и вскоре оказались на огороженной широкой зеленой поляне, на краю которой стоял

довольно большой двухэтажный деревянный дом с верандой – место нашего будущего жительства.

Хозяин дома – Саид Джинджолия был тестем Петра Квициния, который заранее договорился с ним о нашем приезде. Старшая дочь и младший сын нашего хозяина уже обзавелись семьями и жили отдельно; средняя дочь училась и работала в Сухуми и дома бывала редко. Поэтому Саид с супругой жили в доме одни и охотно отвели нам второй этаж дома, традиционно предназначенный для гостей. На второй этаж вела внешняя лестница с красивыми бетонными перилами; такие же перила обрамляли террасу первого этажа.

Наш отряд расположился в двух смежных комнатах. Одна из них представляла собой просторную гостиную с окнами, выходившими на противоположные стороны дома: два – на террасу, два – на расположенный за домом огород. В гостиной стояли стол со стульями, сервант и маленький диванчик. Эта комната стала нашей «кают-компанией», где мы работали и отдыхали; вечерами там устанавливались раскладушки со спальными мешками и она превращалась в мужскую спальню. Из гостиной был вход в крохотную спальню, где стояли две кровати, а ни полу лежала гора красивых стеганных одеял. Как я поняла, они входили в приданое невесте сына и использовались главным образом зимой, когда температура воздуха в комнате опускалась до минусовой. Мы с Ольгой устроились в этой комнате и спали на кроватях в своих спальнях мешках с вкладышами, так как из-за близости моря ночной воздух был сырым и прохладным. Хозяева не раз предлагали нам постельное белье, но мы, соблюдая стиль экспедиционной жизни, от него отказывались.

Наши хозяева жили на первом этаже, где имелись две комнаты. Одна – поменьше, с очагом, служила кухней и

столовой, вторая – спальней. Чтобы не тревожить хозяев, мы устроили себе кухню и столовую в расположенной рядом длинной постройке из бетонных блоков, называемой «казармой».

Сотрудники экспедиции О.Д. Комарова и А.П. Павленко с семьей С. Джинджолия во дворе его дома.

Саид Джинджолия построил казарму для проведения в ней свадьбы своего младшего сына с намерением использовать ее в дальнейшем в качестве зимнего загона для скота. У казармы была задняя дверь, которая вела на хозяйственный двор; в этой части мы поставили газовую плиту с баллоном и расположили нашу хозяйственную утварь: посуду, ведра, тазы. Здесь мы готовили еду, мыли посуду и даже, отгородившись занавеской, мылись сами. В ближней к основному входу части казармы мы соорудили из оставшихся после свадьбы узких столов большой широкий стол, за которым мы ели сами и нередко посещавшие

нас гости; в свободное время его можно было использовать для игры в пинг-понг. В казарме было хорошее освещение и вечерами мы подолгу засиживались здесь, а не в гостиной на втором этаже дома.

В нашем отряде не была заведена система сменного дежурства: готовили пищу, мыли посуду, подметали земляной пол и т.п. обычно те члены отряда, которые были более свободными. На обед и ужин нас часто приглашали в гости, поэтому обычно общей трапезой у нас был только завтрак (нередко и вечерний чай), а наиболее частым блюдом – каша, которую готовил сам А. Павленко – привереженец английского «порриджа» и других англицизмов (свою кандидатскую диссертацию он писал о жизни в Англии). На кашу пошла и большая часть топленого масла, привезенного нами из Москвы.

После завтрака мы встречались в каком-то условленном месте со своими переводчиками и приступали к полнению положенной работы. Сведения по заданной мне тематике я собрала без особых затруднений, лишь отчасти воспользовавшись помощью местного школьного учителя географии; кроме того эта тематика, в принципе, касалась не только территории Джгерды, но и всего абхазского региона. Что касается селения Джгерда (абхазы называют его во множественном числе – «Джгерды», так как оно состоит из нескольких поселков), то оно простирается с севера на юг по направлению течения основной здешней реки Дгамыш от юго-западных предгорий Кодорского хребта до слияния верхних притоков реки Тамыш. Население размещено по территории селения двумя ареалами: основной ареал раскинулся на 6 км с запада на восток и около 5 км с севера на юг в бассейне рек Тумиш, Дгамыш, Джигули и Кетвенарва. Эта часть села живописно раскинулась на пересеченной местности, изрезанной небольшими горными

реками (одна из них протекала по границе нашей усадьбы) и их многочисленными рукавами. Усадьбы абхазов расположены на значительном расстоянии друг от друга и имеют большие приусадебные участки с полями кукурузы и люфы, нередко расположенные террасами на склонов холмов; один из высоких холмов, поросший каштанами, примыкал к усадьбе Джинджолия. Другой – меньший ареал расселения был расположен в северной гористой части села на территории пастбищ и имел немногочисленное население.

До поездки в экспедицию я была знакома с Абхазией только мельком – из окна автобуса во время экскурсии из Сочи на оз. Рица, и потому почти все увиденное в Джгерде было для меня новым, а многое удивляло. Удивляла меня стойкость памяти об умерших. В Джгерде (да и в других абхазских селениях) была распространена практика усадебных погребений, представлявших собой обычно красивые беседки, внутри которых стояла высокая плита с вычеканенной во весь рост фигурой умершего. Беседки были освещены электрическими лампочками, и темными абхазскими ночами можно было видеть огоньки, мерцавшие на склонах холмов. Днем, во время передвижения по селению, сопровождавшие нас родственники умерших обычно предлагали нам посидеть около таких могил на сооруженных там скамейках, помянуть покойного, для чего при могиле всегда находились чача и стаканы. Женщины среднего и старшего возраста в знак траура, длившегося годами, были одеты в платье черного цвета с длинными рукавами и закрытой шеей. Только молоденькие девушки носят светлую одежду, но с традиционной черной траурной лентой вокруг шеи.

Глубоко эмоциональное отношение абхазов к вечным вопросам жизни и смерти отразилось в семейно-родовом празднике Джинджолия, проведенном по случаю того, что в том роду уже 10 лет никто не умирал. На праздник съехались все родственники по мужской и женской линии, а также было много приглашенных, в том числе и члены нашего отряда. Старейшины селения провели моление, затем принесли в жертву специально выращенного и оскопленного горного козла. Части разделанного козла сварили в большом котле и кусками его наделили всех присутствовавших в порядке возрастного статуса. По этикету за столом сидели только мужчины и особо приглашенные женщины; местные женщины занимались приготовлением еды, молоденькие девушки стояли за спинами сидевших мужчин с кувшинами вина в руках и незамедлительно наполняли опорожненные стаканы.

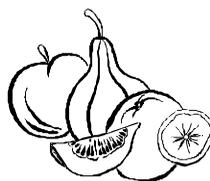
Кроме этого большого, запомнившегося мне застолья нас часто приглашали на рядовые «гостевые» застолья и различные семейные праздники, заменявшие нам обеды и ужины. К концу экспедиции мы уже хорошо представляли себе застольный этикет и порядок провозглашения тостов, научились есть руками горячую круто сваренную кукурузную кашу («абысту»), поддевая ее кусочками копченого сыра и т.п. Я старалась быть за столом малозаметной, зато Ольга Комарова старалась, как говорится, за двоих, и своим ясным, чуть трепетным голосом произносила такие красноречивые тосты, что удивляла даже поднаторевших в этом мужчин; один молодой абхаз признался мне, что в жизни не слышал, чтобы женщины произносила тосты столь красноречиво.

В селении к нам с Ольгой относились с большим уважением. Мужчины, даже совсем пожилые, всегда приветствовали нас стоя. Молодые мужчины не пытались ус-

тановить какое-то близкое знакомство с тесными контактами. В общем, применять полученную в Москве инструкцию по общению с кавказскими мужчинами нам не приходилось. Одновременно с нами в Джгерде работала экспедиция Абхазского НИИ во главе с редко бывавшим здесь Щ.Д. Инал-Ипа. Целью этой экспедиции был сбор материалов для написания сборника статей «Село Джгерда» с его комплексной характеристикой. Устроились наши коллеги очень основательно в здании школы, расставив в классах кровати с одеялами белоснежных, как мы заметили, пододеяльниках. В этой работе были приглашены принять участие и мы (в частности, мне поручили написать природно-экологический обзор села), но реально общались мы довольно редко.

Здесь я должна сказать, что мне очень повезло, что в первый экспедиционный выезд мне удалось пообщаться и поработать вместе с известным кавказоведом Вениамином Павловичем Кобычевым, изучавшим условия труда и физической деятельности абхазских долгожителей. Кобычев не только обогащал нас своими разносторонними знаниями, но и удивлял интенсивностью жизни, как бы предчувствуя, что ему придется уйти из нее досадно рано. Он был инициатором всех посиделок у костра. Ему буквально не сиделось на месте, а когда такое случалось, то он через несколько минут обращал внимание, например, на расположенный рядом высокий холм, и вот мы уже лезли целый час на вершину холма, чтобы насладиться оттуда прекрасным видом на окрестности. Бывало и так, что, просыпаясь утром, мы видели из окна, как рано вставший В. Кобычев работает с хозяином и его помощниками в поле, вскапывая его мотыгой под кукурузу.

С В.П. Кобычевым мы несколько раз поднимались в горы по дороге вдоль

русла реки, что очень помогало мне в географических блужданиях. Наклон местности превышал наклон речного стока, и чем выше мы поднимались по дороге, тем нее становилось ущелье, которое прогрызла река. В торых местах берега возвышались метров на 20 над уровнем воды. Слой черноземной почвы резко контрастировал с широким подпочвенным слоем белых известняков. Река, в это время мелкая и прозрачная, тихо струилась вниз. Но разбросанные там крупные камни и подмытые берега давали яркое представление о том, какой бурной она бывала в половодье. В горах возвышались мощные стволы каштанов, перевитых лианами грабов и буков, а изобилие диких плодовых деревьев и кустарников создавало впечатление, что, если запастись ими летом, то можно спокойно перезимовать только на дикоросах. К сожалению, традиционно лишь очень малая часть их собиралась впрок: чаще всего это были алыча, грецкий и, иногда, медвежий орех, побеги сассапарели, а также мушмулла, дикие яблоки, груши и кизил. По традиции, абхазы не собирали съедобных грибов.

В освободившееся у меня от географической тематики время я помогала Ольге Комаровой выписывать статистические сведения из похозяйственных книг в сельсовете, а также по работе в статистических архивах и архивах ЗАГСов гг. Очамчиры и Сухуми. Кроме того, наш отряд работал с анкетой по верификации возраста старых людей и с анкетой о жилищно-бытовых условиях долгожителей. Работа не отличалась большой сложностью, но ее успешность во многом зависела от наших сопровождающих – местных помощников-переводчиков. Некоторые вопросы молодые переводчики не могли по этикету задавать самим долгожителям и тогда работа с ними строилась по цепочке: интервьюер – переводчик (сопровождающий) – старший родст-

венник долгожителя (обычно – его сын или дочь) – сам долгожитель. Признаю, что в некоторых случаях мне не хватало журналистской, так сказать, напористости, поэтому я предпочитала ходить на анкетирование вместе с Ольгой Комаровой или с кем-то из наших мужчин. Пользуясь случаем, хочу отметить родственницу Саида Джинджолия молодую и активную Сусану, которая пользовалась большим уважением и доверием односельчан и оказала нам существенную помощь в качестве переводчицы.

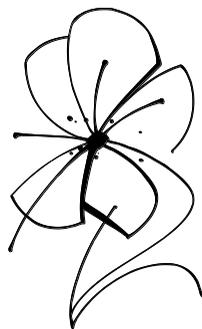
Примерно в середине моего пребывания в Джгерде к нам заехал наш заведующий сектором и научный руководитель В.И. Козлов. Ознакомившись с ходом нашей работы, он признал ее вполне удовлетворительной. Похвалил он и мою деятельность, попросив показать наиболее достопримечательные места селения, что и было сделано на следующий день. На третий день В.И. Козлов остался после завтрака дома, чтобы оформить какие-то свои записи, но, вероятно, быстро завершил эту работу и, видимо, будучи столь же деятельным, как его хороший приятель В. Кобычев, занялся сооружением запруды в речке на границе усадьбы. Запруда, честно говоря, оказалась невысокой и не намного улучшила наши водные процедуры, а сам строитель, проведя часа два в холодной воде по колено, вечером стал мучиться от зубной боли и на следующий день оставил наше общество.

После отъезда В.И. Козлова наш непосредственный начальник А.П. Павленко, вероятно, для восстановления своего статуса, стал более придирчивым, особенно ко мне, так как подобно многим другим историкам смотрел на географическую науку с некоторым недоумением. Мне пришлось некоторое время поработать с удвоенной энергией с анкетой по верификации возраста старых людей, чтобы наверстать упущенное время. К тому же, лучших перево-

дчиков Павленко оставлял для себя, а мне доставались не вполне качественные в этом отношении люди, вроде робкого парня, недавно демобилизованного из армии.

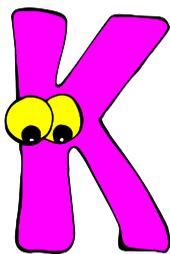
Однако по возвращении в Москву эти и другие мелкие неприятности были вскоре забыты. В памяти надолго остались большая зеленая лужайка перед домом с цветущими на ней дикими маргаритками, темные абхазские ночи с густым как парное молоко воздухом, рассекаемым огоньками светлячков и пронизанном странным кваканьем древесных лягушек, безлюдный участок морского побережья, куда мы иногда ездили купаться, доброжелательные лица знакомых абхазов и другие милые сердцу картинки.

Я принимала участие еще в двух абхазских экспедициях, но поездка в Джгерду осталась самой памятной.

А.Н. Ямсков

*Эх, дороги
Жизнь на колесах.*

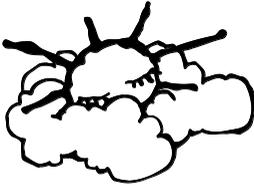
Как известно, экспедиция начинается и заканчивается поездкой от дома в регион полевых исследований и обратно, и почти всегда она также включает в себя более или менее длительные переезды по изучаемому региону. Надо сразу сказать, что в памяти участника экспедиции всегда остаются многочисленные «дорожные впечатления», о которых немало сказано на страницах данной книги моими коллегами и спутниками. Тема эта, однако, практически неисчерпаема, так что и мне есть, что добавить об организации наших переездов и наиболее ярких впечатлениях от дорожных происшествий.

Перелеты.

При изучении долгожителей и русских крестьян-старожилов в Закавказье сотрудники сектора этнической экологии и приглашенные в качестве помощников лаборанты (чаще всего студенты, а также аспиранты или молодые сотрудники других подразделений Института этнографии АН СССР), объединенные в экспедиционный отряд и возглавляемые начальником отряда, обычно приезжали «в поле» примерно на один месяц, сменяя друг друга. Таким образом, разные отряды сектора последовательно и непрерывно работали в течение всего полевого сезона – с конца мая

до сентября. Для того, чтобы попасть в Закавказье, мы практически всегда прибегали к услугам «Аэрофлота», используя аэропорты Сухума, Тбилиси, Баку и Еревана. При встречах и проводах сотрудников, прилетая на Кавказ или вылетая после экспедиции домой в Москву, мне приходилось также побывать и в аэропортах Ленинакана (ныне Гюмри), Кировабада (ныне Гянджа) и Грозного.

Если о перелетах в столицы Закавказья и обратно добавить к общеизвестному особенно нечего, то вот провинциальные аэропорты временами преподносили нам сюрпризы, иногда – приятные. Например, закончив работы в 1987 г. в молоканских селениях Азербайджана и Армении и возвращаясь через Ереван, мы воспользовались гостеприимством нашей коллеги и участницы последнего этапа экспедиции Ирины Владимировны Долженко – известного специалиста по этнографии молокан Армении, остановившись в ее ереванской квартире на несколько дней. Однако авиабилет на начало августа (сезон отпусков) в столице республики мне в течение нескольких дней достать так и не удалось, поэтому по совету знатоков решил лететь в Москву из Ленинакана, куда легко и быстро добрался на междугородном автобусе. Приехав вечером 1 августа в аэропорт, я (как это не раз бывало при отъездах домой или при возвращении из отпуска на Черноморском побережье) тут же купил авиабилет на ближайший свободный рейс (кажется, на 4 или 5 августа), но попытался вылететь в этот же вечер за счет освобождавшейся в советские времена на всех авиарейсах примерно за 1 час до вылета брони. Однако по техническим причинам рейс перенесли на полдень 2 августа, когда в Ленинакан прибывает новый самолет из Москвы. Застраившие в аэропорту пассажиры, немного понервничав, в большинстве своем разъехались на ночь по домам. Мне же пришлось провести всю ночь в малолюд-

ном здании провинциального та на глазах его работников, дежуривших в тот раз, и от нечего делать частично рассказать некоторым из них о ситуации, в которую я попал, о наших экспедициях и т.п., перемежая рассказы просьбами помочь поскорее улететь домой.

На следующий день, когда посадка была уже закончена и все пассажиры заняли свои места, а освободившаяся бронь распределена среди тех, кто записался на нее раньше меня (а таких любителей рассчитывать на авось набралось в тот раз около 10 человек, хотя лишь часть из них дождалась отложенного вылета), я остался в одиночестве у выхода на посадку. Но в этот момент меня, уже отчаявшегося улететь этим рейсом, тоже пригласили в самолет, причем два сотрудника аэропорта проводили меня пешком по летному полю и посадили в салоне совсем рядом с кабиной пилотов (кажется, это было одно из служебных мест для стюардесс). При этом мой билет даже не проверили и не сделали на нем обязательных при посадке отметок аэропорта (впрочем, до этого авиабилет все же проверяли при постановке меня на очередь на освобождающуюся бронь), а багаж – небольшой чемодан – вообще никто не проверял, и я вынужден был взять его с собой в салон самолета. Помнится, в бухгалтерии Института этнографии весьма удивлялись тому, что я представил к оплате авиабилет без отметки аэропорта о вылете.

Хочется особенно подчеркнуть, что это было именно проявление дружелюбия и искреннего желания помочь научному сотруднику из Москвы со стороны работников аэропорта, поскольку я не предлагал им денег (к концу экспедиции у меня их и не осталось), и не мог подкрепить свою просьбу каким-либо серьезным официальным статусом. Этот

случай наглядно показывает как общую доброжелательную атмосферу тех лет в Закавказье, так и некоторую безалаберность и пренебрежение к правилам и инструкциям по безопасности полетов в небольших аэропортах в поздние советские времена, во что ныне верится с трудом, учитывая проблемы сегодняшнего дня из-за воздушного терроризма и частых угонов авиалайнеров.

Переезды.

В ходе самой экспедиции в большинстве случаев значительное время и усилия сотрудников уходят на переезды из одного района работ в другой. Последнее замечание особенно верно для так называемых «маршрутных» этнографических полевых работ, которые предполагают относительно недолгое пребывание отряда или исследователя на одном месте - обычно от недели до двух недель, с последующим переездом в другую достаточно отдаленную местность. Работая в какой-либо местности, отряд постоянно размещается в одном селении, где и ведутся основные исследования, но одновременно обычно обследуется и группа близлежащих сел, куда сотрудники добираются на отрядной машине или даже пешком. Так, во время работ среди молокан и духоборцев, когда я ежегодно выезжал в экспедиции в Закавказье, мне довелось в 1986-1990 гг. поработать в 7 отрядах в течение 5 полевых сезонов (в общей сложности 223 рабочих дня): четыре отряда работали в 2-х местностях, 2 отряда - в 3-х местностях, и только один отряд - в одной местности. Таким образом, организация работ наших отрядов в большинстве случаев соответствовала именно маршрутным этнографическим исследованиям.

Временный лагерь. Остановка отряда в пути.

Сказанное выше, однако, не означает отсутствия «стационарных» этнографических полевых работ в наших исследованиях молокан и духоборцев Закавказья. В селекции Ивановка Исмаиллинского района Азербайджана, например, наши отряды работали по несколько месяцев подряд и приезжали в эти низкогорья южного склона Большого Кавказа в течение ряда лет. Но и здесь, в Ивановке, отряды сектора этнической экологии тоже сменялись примерно раз в месяц.

Переезды из аэропорта в район работ обычно длились по много часов, а из одного района работ в другой – иногда занимали два дня и соответственно требовали ночевки в пути. Справедливости ради надо сказать, что мы обычно старались совмещать необходимые из-за отдаленности мест работы ночевки с остановками на отдых, а в конце работы отряда часто задерживались на таких стоянках и на пару

дней. Это сюжет, однако, требует особого описания и потому будет отдельно рассмотрен ниже. Сейчас же ограничимся лишь замечанием о том, что такие стоянки позволяли, вне зависимости от времени прилета или отлета членов отряда, новому отряду выезжать в дорогу рано утром и тем самым обычно избегать ночевки в пути.

Тем не менее, в памяти остались пара случаев разбивки отрядного лагеря на покрытом сплошным густым лесом Сурамском хребте (историческая и географическая граница между Западной и Восточной Грузией) недалеко от автотрассы Тбилиси – Сухуми, а также на берегу реки Куры у автотрассы Тбилиси – Баку (западные районы Азербайджана). В таких случаях мы обычно отъезжали от шоссе на пару километров и в относительно уютном месте ограничивались установкой тента. Спали чаще всего на раскладушках под открытым небом, перекусив вечером и утром бутербродами, консервами, салатами и вскипятив на переносной газовой плите лишь чай.

Однако разбивка даже такого временного лагеря все же требовала установки раскладного стола и устройства сидячих мест – частью из вьючников («вьючных ящиков»), частью из раскладных стульев, которыми поныне обычно пользуются рыболовы (из двух алюминиевых трубчатых рам-ножек, скрепленных с одной стороны брезентовым сидением). Чаще всего не обходилось и без костра, который, однако, никакой утилитарной роли у нас не играл. На случай ненастной погоды у нас всегда была палатка (на большой отряд – даже две), а часть людей могла спать и в крытом кузове автомашины ГАЗ-66.

Кстати, экспедиционное оборудование мы получали на складе нашего Института этнографии АН СССР каждую весну у Лейлы Османовны (зав. складом), загружая им экспедиционную машину в Москве, а потом, осенью, вновь

сдавали его на склад после возвращения автомобиля из перерыва с места работы последнего отряда. Обычно мы получали со склада в первую очередь раскладушки и спальные мешки – ватные, столь же теплые и толстые, как обычные матрасы (их и делали из матрасов), в брезентовых чехлах. Для равнин Закавказья они обычно были слишком жаркими, поэтому мы часто использовали только вкладыши и брезентовые чехлы, оставляя сам мешок выполнять роль матраса, но в горах (например, на берегах озера Севан) мы по достоинству оценили теплоту этих толстых и огромных по своим размерам спальных мешков.

Помнится, определенные хлопоты и сложности у новичков вызывал как раз процесс свертывания спального мешка в чехле и упаковывания его перед каждым переездом в специальный брезентовый же цилиндрический мешок. Другой хозяйственной проблемой, кстати, была стирка вкладышей при смене отрядов, так как обычно весной на складе взять существенный запас чистых вкладышей сразу на все отряды не удавалось из-за их постоянного дефицита, а качественно их отстирать в полевых условиях тоже не всегда было возможно. Поэтому многие постоянные сотрудники наших отрядов имели собственные вкладыши и потому не мучились с этими стирками в последний день своего полевого сезона, который мы старались провести, отдыхая на берегу моря.

Каждый сезон мы также брали со склада раскладной алюминиевый стол и комплект складных стульев, переносную двух конфорочную газовую плиту и большой газовый баллон (который периодически приходилось обменивать на полный уже в районе работ), посуду - алюминиевые ложки и вилки, эмалированные миски и кружки, кастрюли и ведра, а также топор, пару лопат, большую алюминие-

вую канистру для питьевой воды (вероятно, литров на 50 - 60), пару брезентовых тентов и палатку.

Особое значение в переездах играли вьючники – прямоугольные сундуки с металлическими углами и окантовками каждого из ребер, высотой примерно по колено, также выдававшиеся для экспедиции. Когда-то их действительно навьючивали на лошадей, и это название накрепко к ним приклеилось. Но и после перехода к грузовым автомобилям-вездеходам эти очень прочные ящики оказались чрезвычайно удобными - в них мы возили посуду, некоторые продукты питания (растительное масло, сахар, чай, хлеб), а также использовали их в качестве сидений при стоянках и, главное, при переездах.

Из вьючников, накрытых развернутыми спальными мешками, в кузове получалась своего рода разборная банкетка, вытянутая поперек кузова, причем за этим сооружением возвышались другие вещи отряда и потому у сидящих на вьючниках была возможность откинуться назад и, как в уютных огромных креслах, дремать всю дорогу. Правда, первый ряд сидящих в кузове размещался сразу же за кабиной на настоящей банкетке – деревянном ящике с толстым мягким поролоновым покрытием, перегораживавшим весь кузов ГАЗ-66 и использовавшимся водителями Экспедиционной автобазы АН СССР для перевозки запасных частей, инструментов и личных вещей. На стоянках в пути или на отдыхе водители обычно спали на этих банкетках, хотя в Закавказье они часто предпочитали тоже ночевать на раскладушке под открытым звездным небом. Первый ряд сидящих в кузове поэтому не имел возможности откинуться назад (спинки у этой банкетки, естественно, не было), но зато отсюда был неплохой вид прямо на дорогу над кабиной или между кабиной и крытым кузовом – у ГАЗ-66, как известно, между кабиной и кузовом раз-

мещены запасные колеса и потому существует достаточно значительное пространство.

Общий вид с. Чухурюрд Шемахинского района.
1986г. (фото В.В. Степанова)

Обычно начальник отряда ехал в кабине с водителем, а сотрудники отряда – в кузове. В больших отрядах (более 5 – 6 человек) многие хотели сидеть впереди, чтобы смотреть на дорогу – ведь нам при переездах часто в течение одного дня удавалось проезжать из высокогорий Большого или Малого Кавказа на равнину или берег моря, или из пустынно-степных внутренних районов Азербайджана – во влажные субтропики Ленкоранской низменности с роскошной почти тропической растительностью. Смена ландшафтов и внешнего облика селений и людей не могла не интересовать специалистов

по этнической экологии, поэтому места с видом на дорогу чаще всего бывали в дефиците.

Однажды в сентябре 1984 г., проезжая с юга через Лачин в Кельбаджарский район Азербайджана, мы устроили из вьючников сидячие места вдоль открытого в тот раз заднего борта кузова ГАЗ-66 и ехали, наслаждаясь прекрасными видами на этот красивейший уголок горного Азербайджана, покрытый за Лачином густыми лесами. Однако на проселках было столь пыльно, что к вечеру мы с ног до головы буквально покрылись толстым слоем пыли, которая проникла и во все наши вещи. После этой поездки нам пришлось долго выбивать одежду и отмываться самим, и более таких опытов мы уже не ставили – задний борт кузова на переездах всегда плотно закрывался брезентовым пологом и специально подготовленным толстым листом фанеры. В бытность мою студентом Географического факультета МГУ, мне не раз приходилось ездить по автодорогам Центральной и Северной России на грузовике ЗИЛ-130, сидя на вьючниках у открытого заднего борта, но таких серьезных проблем с пылью в тех местах обычно не бывало.

Возвращаясь к экспедиционному оборудованию и институтскому складу, стоит также вспомнить и про одежду – мы обычно брали на лето несколько штормовок, брезентовых плащей и телогреек, а также рюкзаки. Одновременно еще в Москве машина загружалась продуктами на весь экспедиционный сезон – тушенкой, сгущенным молоком, гречкой, чаем, сахаром, макаронными изделиями и т.п. Все это, в первую очередь остро дефицитные в те годы тушенку и гречку, мы также получали без особых хлопот через склад Института этнографии, оплачивая уже во время работы отряда из выплачивавшихся нам полевых и командировочных денег (довольно скромных, но в целом

достаточных для покрытия расходов на питание). Кстати, с первой половины 1990-х гг. этот склад и вся практика выдачи экспедиционного оборудования и продовольствия в нашем Институте исчезли, равно как и аренда вездеходов ГАЗ-66 на специализированной автобазе Академии Наук для дальних экспедиций.

Особую и непростую процедуру представляла собой загрузка машины перед переездом, особенно после долгой стоянки в селе, когда все личные и отрядные вещи были разгружены и на пустой машине ездили только на работу в соседние селения, в райцентр на встречи к местному руководству или на базар, в баню и т.п. Загрузка машины требовала определенного опыта, ибо многочисленные вещи требовалось уложить в кузове компактно (чтобы осталось достаточно места для членов отряда), удобно (чтобы в пути ничего не звякало и не брэнчало, а на остановке или ночевке можно было бы достать необходимое, не разгружая всю машину) и быстро. Ныне я с гордостью вспоминаю, что часто делать укладку вещей в кузове приходилось мне - это было своего рода признание со стороны коллег, выступавших при этом в роли подающих и выполняющих мои указания, что именно и в какой последовательности приносить и подавать в кузов. Правда, работать в кузове при этом было неприятно – душно и тесно, но первоначально укладывающему вещи обычно деятельно помогали водители.

Кстати, водители Экспедиционной автобазы АН СССР заслуживают особых слов благодарности и восхищения⁵ - в отличие от сотрудников, они уезжали «в поле»

⁵ Практически все водители, с кем мне доводилось работать в экспедициях сектора этнической экологии, оставили о себе очень хорошее впечатление. Конечно же, были и шероховатости в наших отношениях, особенно когда мне приходилось вы-

практически на полгода (с начала мая до начала – середины октября), и получали за все это время весьма скромную, по московским меркам, зарплату. Обычно зимой они отчасти наверстывали материальные потери, работая в Москве таксистами или водителями автобусов – редко кто из них оставался на академической автобазе водителем или автомехаником со скромной зарплатой и на зимний период.

Как правило, это были молодые или среднего возраста люди, и привлекали их экспедиции, насколько я могу судить по многим откровенным разговорам в пути, именно возможностью увидеть новые места и людей, столь не похожих на Москву и москвичей, а также побыть в кругу научных работников с их почти ежедневными нескончаемыми разговорами за вечерним чаем обо всем на свете и о своей профессии в частности. К тому же в этнографической экспедиции значительную часть времени они могли отдыхать или работать всего по паре часов в день, но зато при перегонах и переездах им приходилось трудиться буквально с рассвета и до заката.

Особенно важно подчеркнуть, что в те времена на Экспедиционной автобазе АН СССР работали действительно профессионалы своего дела, ибо в экспедиции только от водителя зависело техническое состояние автомашины и, следовательно, сама возможность для отряда куда-либо уехать и что-то там сделать. Если же в машине были серьезные неполадки, то это вызывало долгое стоя-

ступать в роли начальника отряда и тем самым командовать водителем. Однако о Вячеславе Малюткине, Сергее Федотове, Юрии Воронецком, Петре Бездетнове и Юрии Щитове у меня остались очень теплые воспоминания, и я с удовольствием пользуюсь случаем назвать имена этих людей, без профессионализма и честной, временами очень тяжелой работы которых итоги наших исследований были бы намного скромнее.

ние на одном месте во время ремонта и, особенно, поиска необходимых запасных частей. В самом худшем случае приходилось ждать посланцев из Москвы с Экспедиционной автобазы, привозивших нужные детали через неделю или даже более после случившейся аварии.

Между прочим, если отношения начальника отряда и водителя складывались плохо, то последний иногда мог злоупотреблять своими исключительными по сути возможностями влиять на экспедицию – машина тогда могла «сломаться» в самый ответственный момент (иногда для убедительности даже в дороге, но недалеко от места удачной стоянки) и волей-неволей приходилось задерживаться на пару дней для ее «ремонта» или «наладки двигателя». Впрочем, это были исключительные случаи, причем члены отряда обычно в большинстве своем молчаливо поддерживали водителя и ничуть не возражали против задержки.

Кстати, надо признать, что никакие требования советского КЗОТа о предельно допустимом времени непрерывной работы и максимально разрешенном пробеге в течение одного рабочего дня водителя никогда нами не соблюдались, но при переездах и перегонах существенно превышались. Сами водители считали это само собой разумеющимся, и только в явно конфликтных ситуациях водителя со всем отрядом и его начальником некоторые из них могли начинать разговоры о том, что есть определенные правила переезда и перегона машины и что после проезда, кажется, 600 км в день водитель имеет право остановиться на отдых и ночевку прямо на шоссе, на ближайшем специальном месте для стоянки автотранспорта. Впрочем, реально такого в наших экспедициях не случалось ни разу.

Тем не менее, наряду с начальником отряда, именно водитель во многом определял психологическую атмосферу в экспедиции и, в конечном счете, успех всей работы и

настроение сотрудников отряда. Нам в этом отношении в подавляющем большинстве случаев везло с водителями Экспедиционной автобазы. Показательно, кстати, что во время отдыха на стоянках, если им не приходилось возиться с машиной, они охотно помогали с приготовлением еды и мытьем посуды, участвуя в подобных дежурствах по собственной воле и на равных со всеми остальными. С другой стороны, мне кажется, что эта общепризнанная важная роль водителя во время работы экспедиции и соответствующее внимательное отношение к нему научных сотрудников и лаборантов во многом и привлекали наших водителей на Экспедиционную автобазу АН СССР, несмотря на низкие оклады и часто тяжелые условия жизни «в поле». Вероятно, во всех других организациях и учреждениях, работая шофером, человек такого уважения в те годы обычно не удаивался.

Водители отряда во время стоянки в селе часто выполняли и еще одну важную миссию - будучи, как правило, очень хорошими автомеханиками, они часто помогали местным жителям с ремонтом их автомашин. Это существенно улучшало отношения сотрудников отряда с местным населением, и нам нередко в благодарность приносили различные гостинцы - фрукты, домашнее вино, выпечку или домашний сыр. Пожалуй, только врачи вызывали еще большую радость сельчан от нашей остановки в их селении. Наряду с этой дружеской помощью, водители иногда и подрабатывали в селениях - опять-таки ремонтируя автомашины или подвозя в свободное время людей и небольшие грузы (чаще всего на базар в соседний райцентр). Особое место занимали просьбы местного колхозного или совхозного начальства помочь с ремонтом автомобилей (общественных или частных) - в этих случаях начальнику отряда приходилось посредничать, и в итоге нам либо давали остро дефи-

цитный в условиях экспедиции бензин, либо помогали иным существенным образом (фруктами из общественного сада, возможностью обедать в колхозной столовой по символическим даже для советского времени ценам, и т.д.).

Поездки на отдых.

Наряду с абсолютно необходимыми по условиям работы переездами и местными поездками (в соседние селения, за продуктами или водой, к местному начальству и т.п.), мы не раз осуществляли и, скажем так, не совсем обязательные для экспедиции поездки.

Наиболее запоминающи-

мися, видимо, остаются как раз поездки «на пикник» или «на экскурсию» – кстати, весьма редкие и бывавшие далеко не в каждом отряде. Если столицы республик Закавказья мы неплохо осмотрели в дни приездов и отъездов, то вот с небольшими городами или местностями нам удалось познакомиться именно при специальных «туристических» поездках, решение о которых принимал весь отряд (с уча-

Шемахинский район, азербайджанский
яйлаг, 1986 г. На переднем плане -
А.Н. Ямсков

ствием водителя, естественно) и только если это позволяли наличие свободного времени и бензина. Впрочем, иногда для таких случаев мы даже покупали бензин на свои собственные деньги.

Из моих поездок наиболее запомнились посещения пещерного монастыря Вардзиа в Южной Грузии в 1988 г., а в Азербайджане - заповедника Кобыстан, древнего горного села ремесленников Лагич с узкими мощеными крутыми улицами, ханского дворца в г. Шемахе. Однажды, 6 июля 1986 г., в Шемахинском районе мы даже съездили на нашем ГАЗ-66 высоко в горы на летние пастбища-яйлаги к пастухам-падарам (племенная группа кочевников-азербайджанцев), где нас радушно усадили у костра и отменно угостили сыром и лавашем прямо рядом с одними из, наверное, последних на этом свете алачугов (азербайджанский аналог юрты - переносного разборного жилища кочевников).

Впрочем, как таковых поездок «на пикник» было всего несколько за много лет моих полевых работ в Закавказье – мы гораздо чаще выбирались на машине на день или полдня к побережью для купания – будь то берега озера Севан, Каспийского или Черного морей.

При работе в горах Западного Азербайджана (далеко от моря или Севана) пикники в свободное время устраивались довольно часто, но мы просто уходили пешком на горную речку за несколько километров от села и там купались (точнее, обливались водой из мелких бурных и очень холодных речек) и загорали.

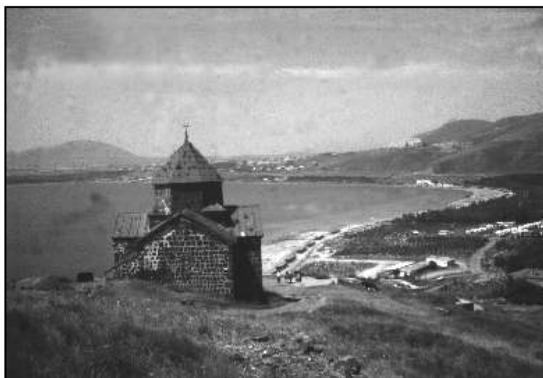
Особое и огромное место в наших лучших воспоминаниях о Закавказье, однако, занимают остановки на отдых при смене отрядов вблизи Сухуми, а также Тбилиси или Баку.

«Чертов мост» через реку Цогас.
В горах выше с. Верхняя Аскипара Казахский район,
Азербайджан, 1986 г.

Кстати, отчасти это действительно диктовалось производственной необходимостью – все или часть членов нового отряда могла прилететь уже во второй половине дня, или же закончивший полевые работы отряд вылетал вечером или в конце дня - во всех таких случаях просто приходилось останавливаться на ночевку в нескольких десятках километров от аэропорта. Мы, естественно, для таких повторявшихся случаев выбрали действительно великолепные места, где проводили, по правде сказать, по паре – тройке дней в начале или в конце полевых работ.

В первую очередь, конечно же, речь идет о Тамыше – участке дикого черноморского пляжа примерно в 40 км к югу от Сухуми, немногим не доезжая до Очамчиры. В этом месте село и огороды его жителей отделены от берега моря

На озере Севан, Армения

идушим параллельно ему мелиоративным рвом, ибо здесь в море впадает сразу несколько небольших рек и речек и прибрежная полоса, видимо, была ранее сильно заболочена. В наши дни, однако, болот

почти не осталось, а для армейского, по его первичному назначению, вездехода ГАЗ-66 с обеими ведущими осями и регулируемым (из кабины водителя) давлением воздуха в шинах преодолеть вброд несколько малых рек (глубиной по колено) прямо у места впадения их в море и проехать несколько сотен метров по рыхлому песку пляжа проблемы не составляет.

Итак, мы приезжали в Тамыш и подъезжали к турбазе(!) на берегу моря, а оттуда на глазах изумленных туристов и местных жителей ехали прямо по пляжу, форсируя попутно пару речек. Поскольку никакой легкой автомобиль такого сделать не способен, мы вскоре оказывались на положении Робинзонов – буквально в нескольких сотнях метров от турбазы мы могли в течение целого дня не увидеть ни одного человека. Лишь иногда мимо нашего лагеря проходили любители дальних пеших прогулок или рыболовы из числа отдыхающих. До домов поселка было тоже совсем близко, но нас отделял от огородов и садов жителей Тамыша ров и заросшие речки, частью протекавшие почти параллельно берегу. К сожалению, эти прегра-

ды легко преодолевали также коровы и свиньи, которые частенько навещали нас на рассвете и сжевали не одну рубашку или полотенце. Зато мы жили практически на пляже в первозданной тишине, нарушаемой только шумом морского прибоя и кваканьем многочисленных лягушек в соседних речках и болотцах.

Неплохое место для ночевки было у нас и на Тбилиском море – водохранилище вблизи города. Но здесь, к сожалению, было достаточно многолюдно и шумно, особенно в выходные дни, так что особо задерживаться нам не удавалось – в лучшем случае на один день и одну ночь. Прекрасные условия для стоянок давал также Севан, где часть побережья, из-за спуска озера и отступления его берегов, тоже представляет собой широкие песчаные пляжи, недоступные обычным туристам на легковых автомобилях. Но от Еревана до этих уединенных мест надо было ехать более сотни километров, поэтому на Севане мы останавливались на день - два - обычно лишь при переездах с одного места работ на другое, то есть в середине работы отряда.

Хуже всего было отдыхать в окрестностях Баку – этот индустриальный центр на Апшеронском полу-острове почти не имеет условий, удовлетворявших нашим требованиям. Однако и здесь мы отыскали сносное местечко на северном побережье полуострова в районе поселка Мардакяны (к северу от Баку), хотя останавливались там только на ночевку при встречах или проводах отрядов.

Однако и на Каспийском море в итоге отыскалось действительно прекрасное место для отдыха - примерно в сотне километров к югу от Баку, за Кобыстаном, в окрестностях Пирсагата. Там мы тоже нашли практически безлюдный красивый пляж в широком заливе, недалеко от автотрассы, но закрытый от нее холмами. К сожалению, в этом месте мне довелось побывать всего дважды, когда

наш отряд возвращался после работы у ленкоранских молкан и субботников. Если же мы, что бывало гораздо чаще, работали под Шемахой или в районе Кировабада (Гянджи), то заехать сюда по пути в или из Баку уже не было возможности - слишком большой крюк пришлось бы делать.

В таких местах, и особенно в Тамыше, мы разбивали лагерь более капитально, то есть ставили не только тент (натягивавшийся от кузова нашей машины), но и палатку на случай дождя. Впрочем, ночевать большинство предпочитало все равно на открытом воздухе. Я, как и некоторые другие, часто ставил раскладушку прямо в паре метров от прибрежья, но в любом случае ширина пляжа и берега в Тамыше на этом месте не превышала метров 30 - 40, а далее начинались ров или русла речек, болотца и т.п. Кстати, из-за открытости этого места в сторону моря нас почти не беспокоили комары, которых, однако, в ближайших болотцах было очень много, что подтверждали и своим огромным количеством лягушки.

Перегоны.

Согласно инструкциям Экспедиционной автобазы АН СССР, при следовании («перегоне») автомашины в район полевых работ водителя должен был обязательно сопровождать представитель отряда. В Закавказье автомобили шли своим ходом, но в Сибирь или Среднюю Азию, в целях экономии бензина, машины из Москвы отправляли на железнодорожных платформах в сопровождении представителя отряда. Ехать в течение недели или 10 дней на товарной платформе было малоприятным испытанием, судя по моим разговорам студенческой поры с испытанными это сотрудниками географических экспедиций в Средней Азии. Однако поездка на машине в течение 4 – 5 дней на

Кавказ, с моей точки зрения, бывала очень интересной и доставляла мне удовольствие.

Надо сказать, мне довелось сопровождать нескольких водителей на перегонах Москва - Закавказье, причем мы проезжали по западному (мимо Сочи по берегу Черного моря), центральному (через Крестовый перевал и Военно-Грузинскую дорогу) и восточному (через Дагестан, вдоль берега Каспия) путям. Однажды, весной 1983 г., мне пришлось даже проехать с водителем Славой Малюткиным из Ташкента через Ашхабад – Красноводск (ныне Туркменбаши) на Баку, воспользовавшись паромной переправой через Каспийское море. В конце экспедиций сектора этнической экологии, в качестве своего рода подарка судьбы и апофеоза странствий по дорогам страны, я с водителем Юрием Щитовым осенью 1990 г. за неполных 6 дней проехал из Барнаула (Алтайский край) через Западную Сибирь, Северный Казахстан, Урал и Поволжье до Москвы.

В принципе все перегоны проходят довольно похоже – почти все светлое время суток, с короткими перерывами на еду, машина ГАЗ-66 идет по автотрассе со скоростью около 80 – 90 км/час. Главная задача сопровождающего – следить, чтобы шофер не уснул за рулем (формально) и, в реальности, просто глазеть по сторонам и обмениваться впечатлениями с водителем. Отчасти сопровождающий выполнял те же функции, что и штурман во время авторалли, - следил за дорогой, сверяя маршрут с дорожными картами и атласами⁶ и предупреждая о приближающихся

⁶ Нашей «главной книгой» в экспедициях поэтому служил «Атлас автомобильных дорог СССР», и у меня в рабочем столе в Институте до сих пор хранится издание 1988 г., купленное когда-то совместно с Алексеем Петровичем Павленко на наши личные деньги именно для использования при переездах и перегонах. При переездах по Закавказью мы также применяли

поворотах или о возможных местах для краткого отдыха или ночлега. Однако похоже, что основная миссия сопровождающего заключалась все же в том, чтобы помочь водителю вечером и утром – приготовить еду на двоих и вымыть посуду. Спали мы на перегонках либо на улице на раскладушках (на Юге в хорошую погоду), либо в машине – водитель в кузове на своей банкетке, а сопровождающей – в кабине в особой «люльке» (гамаке, подвешивающемся над рулем под крышей кабины), где было довольно тесно. На ночевку, однако, мы всегда старались отъехать на пару километров от шумной автотрассы куда-нибудь в лес, к речке или озеру.

Мне хорошо запомнился переезд через Среднюю Азию, из Ташкента в Баку – автотрасса дважды пересекает пустыню Каракумы (между Чарджоу и Мары и между Ашхабадом и Красноводском⁷). В предшествовавшей антропологической экспедиции к белуджам Туркмении водитель Слава Малюткин, похоже, заболел, как позже выяснилось, инфекционным гепатитом (желтухой), и именно при пересечении пустыни где-то после Мары среди барханных песков ему стало совсем плохо, так что нам пришлось остановиться еще в первой половине дня, даже не отъехав от шоссе. Хотя это было в самом начале июня 1983, днем

туристические картосхемы республик, так что в итоге у меня собралась неплохая коллекция этих весьма условных карт. К сожалению, листы настоящей топографической карты масштаба 1 : 500 000 стали издаваться для широкой продажи только в 1992 г. и потому в те годы они были для нас практически недоступны, ибо связываться с использованием в экспедиции секретных изданий, в том числе таких карт, было крайне хлопотно.

⁷ Здесь приведены названия туркменских городов, бытовавшие в советский период.

стояла уже сильная жара, что особенно чувствовалось в моменты безветрия. К тому же тогда мы ехали на небольшой машине УАЗ-469 с одноосным крытым прицепом (загруженным раскладушками, спальниками, консервами и нашими вещами), и тень от такой машины в середине дня была очень маленькой. Я до сих пор, вспоминая тот день, вновь вспоминаю и беспокойство за водителя, и боязнь, что его болезнь может быть серьезной и заразной, а также ощущение ужасной жары и тщетные попытки полностью спрятаться в кузовую тень от машины. Перед глазами же встает незабываемая картина – вокруг раскинулись барханные пески, и по раскаленному асфальту шоссе при малейшем ветерке начинает струиться песок, как это бывает зимой в Москве при снежной поземке.

Впрочем, уже к вечеру Славе стало лучше, и мы вновь тронулись в путь. Поскольку всю дорогу мы вместе пили водку из одной трехлитровой банки, я тоже впоследствии заболел желтухой и тоже, работая в отряде уже в Абхазии среди долгожителей, далеко не сразу догадался о том, что же это за болезнь. Однако мне в конце концов диагноз поставили в сельской больнице, и у меня хватило сил, несмотря на возражения врачей, улететь в Москву и уже в родном городе лечь в больницу, где я сразу же попал под капельницу. Слава же, кажется, вовремя так и не догадался о желтухе и проработал весь тот экспедиционный сезон без каких-либо перерывов. Когда же без малого через месяц стало известно о моем заболевании, он уже чувствовал себя совсем хорошо. Более того, именно в момент пика своей болезни он сделал весьма трудный перегон Ташкент - Ашхабад - Баку - Сухум.

Еще одно воспоминание о перегонах связано с поездкой из Сухуми через Тбилиси на Москву с Петром Бездетновым 11 - 16 октября 1984 г. С одной стороны, это была поездка с уникальными и незабываемыми приключениями,

но с другой стороны, лишь по прошествии многих лет я могу уверенно сказать, что рад тому, что мне довелось испытать все это.

Начиналось все вполне трагикомично – мы всем отрядом на вездеходе ГАЗ-66 под руководством Владимира Александровича Большакова 28 сентября 1984 г. умудрились чуть было не утонуть в море и действительно почти утопили (правда, на время) свою экспедиционную машину. Итак, после целого дня, проведенного в Сухуме у коллег из Абхазского Института истории, археологии и этнографии, мы вечером возвращались на любимую стоянку в Тамыше. Море штормило, поэтому при переезде через последнюю перед стоянкой и самую большую речку пришлось держаться чуть дальше от моря, чем обычно. Но оказалось, что машина слишком отделилась от полосы прибоя и потому просто уткнулась бампером в противоположный крутой берег речки, ведь только в самой полосе прибоя берега речушки достаточно пологие, чем мы всегда успешно пользовались. Довольно сильное течение речки и штормящее море тут же занесли песком и галькой передние колеса машины, так что выехать задним ходом тоже не удалось.

Я сидел в кузове, и когда попытки выехать самостоятельно прекратились, мне пришлось выпрыгивать прямо в море из дверцы на боковой стороне кузова. Машина стояла в воде по самые фары, так что даже бампер был полностью под водой. Мы разгрузили необходимые вещи и с грехом пополам переночевали, обсуждая проблему - может ли штормом смыть машину в море и как нам объяснить потерю машины, если это все же произойдет. Однако даже штормящее Черное море не смогло сдвинуть с места застрявшую и занесенную песком и галькой машину.

«Уходим под воду, плевать на погоду...»
1984 г. по дороге из Сухуми в Тамыш. У машины стоят А.
Ямсков и П. Бездетнов (фото В.А. Большакова)

На следующий день, под дождем, мы в течение всего дня усердно изображали из себя Сизифов, и с теми же успехами – не прекращавшиеся попытки откопать машину были тщетными из-за штормящего моря и разлившейся от дождей речки, быстро вновь заносивших ее песком и мелкой галькой, а вытащить машину трактором было нельзя, не откопав предварительно переднюю ось.

На второй день, 30 сентября, море утихло, и дождь кончился. Мы довольно быстро сами откопали машину, предварительно отведя русло речки в сторону и отгородив наш ГАЗ-66 от моря небольшой дамбой из веток, досок и

бревен с песком и галькой. Откопав машину, стали поднимать переднюю ось домкратом, периодически подкладывая под приподнимавшиеся колеса гальку и доски. В итоге машину удалось выровнять, и она своим ходом выехала на твердый берег. К вечеру приехали в Сухум, но на вездеходе сказались две ночи и один день, проведенные в морской и речной воде с песком – отказало сразу все электрооборудование, так что даже выехать из города не удалось и пришлось ночевать в кузове машины прямо на одной из приморских площадей Сухума, рядом с гостиницей.

Затем, когда водитель Петр Бездетнов исправил неполадки, и мы проводили часть коллег в Москву, 1 октября вечером мы вновь вернулись в Тамыш и стали там жить, купаясь и загорая днем, зажигая из плавника огромные костры в прохладные вечера. Так прошли 5 дней, пока 6 октября мы не проводили в Москву Владимира Александровича Большакова, после чего оставались уже вдвоем, вновь в Тамыше, вплоть до 11 октября. Однако эти 11 дней октября, которые мы в роли «дикарей» провели на Тамышском пляже, не были нарушением каких-либо инструкций либо нашим самоуправством – мы подчинялись производственной необходимости, то есть ждали, когда начнется четвертый квартал текущего года и выпустят талоны на бензин на этот квартал, когда эти талоны получают на Экспедиционной автобазе АН СССР наши коллеги в Москве, и когда они перешлют их, с оказией либо по почте, в Сухум. В эти дни я периодически ходил на почту в Тамыше или ездил автобусом в Сухум, чтобы позвонить в Институт этнографии и выяснить ситуацию с талонами, без которых мы не могли возвратиться. Водитель Петр Бездетнов за это время постарался перебрать, прочистить и наладить все пострадавшие при утоплении машины узлы.

Вообще проблема обеспечения автотранспорта горючим во время экспедиции и, особенно, перегонов была весьма непростой. С одной стороны, нам приходилось приостанавливать работы на минимум несколько дней в конце июня – начале июля и в конце сентября – начале октября из-за смены кварталов и, следовательно, замены типа талонов на бензин и автомобильное масло по всему Советскому Союзу. Просроченные талоны на автозаправочных станциях не принимали, то есть они, в случае неиспользования в отмеченные на талоне сроки, просто пропадали и требовали достаточно хлопотной процедуры списания. Правда, в итоге мы приспособились устраивать в экспедиционном отряде своего рода небольшие каникулы на эти периоды летнего полевого сезона, но коллегам в Москве приходилось в это время довольно тяжело - надо было оформить официальный запрос на талоны в Институте этнографии, передать его на Экспедиционную автобазу, затем получить там сами талоны, и, наконец, переправить их в Закавказье – чаще всего с одним из сотрудников следующего экспедиционного отряда, но иногда – с кем-то из коллег по нашему Институту или из родственных закавказских научных центров, ехавших в соответствующую республику, или даже по почте. С другой стороны, далеко не всегда по талонам можно было получить горючее - нередко на автозаправочных станциях не было нужной марки бензина А-76 (в сельских районах, где мы работали, больше использовали низкосортный бензин А-72, не подходящий для двигателя ГАЗ-66). Поэтому почти в каждом отряде его начальник старался по возможности установить хорошие отношения с руководством района (райкомом КПСС) или колхоза либо совхоза, где проводились полевые исследования, и выпросить, обычно перед отъездом, литров 60 - 80 бензина А-76. Чаще всего это удавалось, что

расценивалось обеими сторонами как символ дружеского расположения. Если безвозмездное получение бензина в деревенском гараже выглядело для большинства из нас в те годы вполне естественно, то встречавшиеся иногда случаи устных распоряжений или телефонных звонков райкомовских руководителей о выдаче нам бензина с автозаправки в гараже какого-либо ближнего к райцентру совхоза или колхоза или даже с обычной районной автозаправки, не имевших никакого отношения к работе нашего отряда, вызывали у москвичей удивление и расценивались как проявление «кавказской экзотики».

Возвращаясь к рассказу о Тамыше, скажу, что лишь днем 11 октября, получив в Сухуме талоны на бензин, мы смогли выехать в Москву. Однако происшедшее с машиной «купание» не прошло бесследно – скорость ее движения существенно упала, а расход топлива – сильно возрос и намного превысил расчетный. В итоге нам много раз приходилось покупать бензин на свои собственные деньги, ибо талоны кончились еще на Северном Кавказе. Петр, правда, иногда выпрашивал у водителей по половине ведра, и пару раз, несмотря на аварийное состояние нашей машины, даже брал на буксир сломавшиеся на дороге легкие грузовики при условии снабжения нас горючим (на Ставрополье и в Ростовской области).

Тем не менее, в последний раз бензин у нас кончился около 3 часов ночи 16 октября, и машина встала прямо на обочине шоссе в районе Домодедово. В это время суток дороги даже в ближнем Подмоскovie совершенно пустынные, причем в тот год рано выпал снег и ударил морозец в -2 или -3 градуса. Мы залезли в кузов и легли спать, ведь бросить машину было нельзя, да и идти куда-то ночью по снегу и легкий мороз в летней обуви и одежде было невозможно. К

тому же Петр перед этим вел машину с раннего утра предыдущего дня.

Итак, мы залезли в кузове в свои спальники и, набросав на себя сверху еще спальников, прекрасно заснули. Как это ни покажется удивительным, но в промороженном кузове я даже не замерз, и потом у меня не было ни кашля, ни насморка. Проснулись мы уже утром, из-за шума машин на трассе. На наше счастье, вода в радиаторе все же не замерзла, мы быстро выпросили вновь полведра бензина (для этого у машины в те годы просто выставлялось пустое ведро, и кто-нибудь довольно быстро останавливался и безвозмездно отливал от трети до половины ведра на дороге до заправки) и доехали до заправки.

«В той дали голубоватой ослепленный тонет взор...
Так и тянет нас куда-то в тот заманчивый простор!»
А. Ямсков и В. Степанов в Шемахинском районе, 1986 г.

К середине дня удалось добраться до Экспедиционной автобазы на Варшавском шоссе, а я по счастью живу сравнительно недалеко от нее. До сих пор помню, как на меня - давно небритого, в телогрейке, сандалиях и белой летней «прибалтийской» шапочке с большим пластиковым козырьком - удивленно взирали москвичи на заснеженных улицах города. Кстати, по рассказам Петра Бездетнова, на автобазе наша машина окончательно сломалась и более самостоятельно передвигаться не могла, так что нам весьма повезло, что мы все же доехали на ней до Москвы.

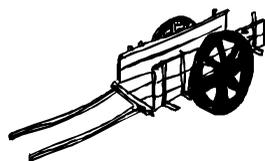
Однако в большинстве случаев перегоны из Закавказья оставляли только самые хорошие воспоминания - долгое, как правило, ожидание талонов на бензин в Тамыше на берегу Черного моря; 4 – 5 дней дороги по Кавказу, южнорусским степям и Среднерусской возвышенности в начале - первой половине октября; долгожданный приезд домой к благам цивилизации, по которым после перегона особенно скучаешь. Вообще мне очень нравилось наблюдать осень в Черноземной России, ведь это одно из самых красивых и красочных времен года, а Среднерусская возвышенность давала возможность увидеть увядание степных островков на склонах высоких холмов и перелесков и роц в балках и распадках. Дома я обычно сразу после осеннего перегона машины, держа в памяти только что виденные пейзажи Центрально-Черноземного района, перечитывал описывавших эти места классиков – И.А. Бунина и И.С. Тургенева.

Весенняя дорога на Кавказ тоже имела свои достоинства, ведь в мае мы видели цветущие луга Центральной России и, южнее, еще зеленые островки степной растительности, а потом, на Северном Кавказе, попадали в настоящее лето с ранними овощами и зеленью на придорожных базарчиках и купанием в море в течение двух - трех дней, сэкономленных при перегоне за счет почти кругло-

суточной работы водителя. Ведь эти дни отдыха были временем ожидания прилета наших коллег из Москвы, а сам день приезда отряда рассчитывался, исходя из нормативов суточного перегона автомашины.

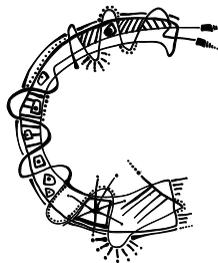
Думается, что именно в автомобиле во время долгой дороги у человека возникает самое четкое и яркое ощущение настоящего путешествия – движения по поверхности Земли из одних ландшафтов в другие, из районов расселения одного народа в места, где живут совсем другие по культуре и внешнему облику люди и где по-иному выглядят селения и дома местных жителей. Переезды и перегоны как раз и давали нам подобные географические и этнографические впечатления. Вот почему я весьма высоко ценю представившиеся мне в те годы возможности достаточно много поехать по России, а не только по Закавказью.

Очень жаль, что с концом советской эпохи в отечественной этнографической науке завершился и период описываемых в данной книге масштабных коллективных экспедиций. По крайней мере, подобных незабываемых дорожных впечатлений и непосредственных ощущений исследователи, работающие в поле индивидуально или малой группой и передвигающиеся по району работ на местных поездах или междугородних автобусах, уже никогда не смогут получить.

Н.И. Григулевич

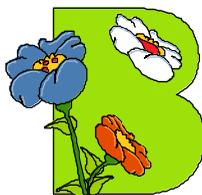
Мой Кавказ

*Чем за общее счастье без толку страдать –
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освободить.*

Омар Хайам

Дорогу осилит идущий

июне 1982 г. я пришла работать в сектор этнической экологии Института этнографии АН СССР. Сектор был создан по инициативе профессора, д.и.н. Виктора Ивановича Козлова. До этого, после окончания биофака МГУ, я семь лет проработала в лаборатории иммунологии клетки Института эпидемиологии и микробиологии Академии медицинских наук СССР. Моя работа была связана с изучением радиорезистентности костной ткани и предполагала большой объем исследований, которые проводились не только в нашей лаборатории, но и в целом ряде смежных НИИ. Я и предположить не могла, как изменится моя жизнь с переходом на новую работу.

В начале восьмидесятых годов в секторе этнической экологии продолжалось изучение темы «Долгожительство». Однако вместо уже достаточно хорошо изученной Абхазии основным исследовательским полигоном стано-

вится территория Азербайджана. Когда мы обсуждали с Виктором Ивановичем тему моего будущего исследования, я призналась ему, что мечтала заниматься проблемами психологии личности. На это Виктор Иванович справедливо возразил мне, что вопросами психологии в проекте ведет такой специалист, как, к сожалению, ныне покойная, Галина Васильевна Старовойтова. А мне он предложил заняться разработкой нового направления под условным названием “Этническая экология традиционного питания и проблема долгожительства”. Честно признаюсь, что вначале я не была в восторге от этого предложения. Но сегодня, по прошествии почти двадцати лет с того памятного разговора, я очень благодарна Виктору Ивановичу за помощь в начале моего пути в гуманитарных науках. Результатом многолетних полевых исследований в Азербайджане, Грузии, Армении, а последние 10 лет и в Поволжье явилась монография,¹ доклады на международных конгрессах и конференциях, а самое главное – это незабываемые экспедиции, встречи с необыкновенными людьми и не менее поразительной природой Закавказья.

Уже в начале июля 1982 г. наш маленький экспедиционный отряд в составе Виктора Ивановича Козлова, Володи Большакова, врача Евгения Алексеевича Брюна, двух молодых людей, имена которых я к сожалению уже не помню и вашей покорной слуги прилетел из Москвы в Баку и, погрузив экспедиционное имущество в рафик, двинулся по направлению к Ленкорани, где по статистическим данным были очаги долгожительства. В Баку к нам присоединился Эльдар Намазов, которого иначе, как «Эльдарчик», никто не звал – молодой, довольно свободно державшийся, неплохо образованный и начитанный научный сотрудник Института ар-

¹ Григулевич Н.И. Этническая экология питания. Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М. 1996

хеологии и этнографии Азербайджана, бывший аспирант В.И. Козлова.

Шлагбаум, будка с солдатами, ужасная жара. И тут мы надолго застреваем: у кого-то нет разрешения на въезд в погранзону, которое нужно было оформить еще в Москве. Пока идут неизбежные в таких случаях разбирательства и препирательства, вспоминаем забавные надписи такого, например, содержания: «Широко шагает Азербайджан» или «Ленин с нами», которыми были украшены самые немыслимые ландшафты вдоль нашего пути от пустынь и такыров до благодатной ленкоранской земли.

А еще мы вспоминаем заповедник Гобустан, расположенный в часе езды от Баку, куда мы заезжали по дороге. Рисунки древнего человека покрывают обширные участки скалистого плато, на которое мы долго взбираемся по серпантину. Зрелище с вершины плато открывается совершенно грандиозное. По силе впечатления оно превосходит даже потрясение от самих рисунков. Может быть, таким увидели лунный ландшафт впервые ступившие на Луну американские астронавты? Почему в этом ныне абсолютно безлюдном, прокаленном жгучим солнцем месте поселился тот древний человек, который и оставил эти изумительные рисунки нам с вами, своим далеким потомкам, так называемым *Homo sapiens*?

А может быть в далекой древности эти безжизненные сегодня пыльные пустыни - такыры - были цветущим краем, раем, парадизом? Я не могу поверить, что люди могли поселиться в безводной пустыне и создать такие прекрасные рисунки. Следовательно, там, где поселяется человек, неизбежно рано или поздно появляется пустыня. А ведь в то время не было фабрик, заводов, газет, пароходов. Возможно, впрочем,

что основной причиной этого было ухудшение климатических условий.

Ленкорань, ты моя, Ленкорань...

Но пора вернуться к пограничному посту. Все формальности, кажется, улажены и мы можем двигаться дальше. А вот и долгожданные красные черепичные крыши уютного городка Ленкорани, едва различимые в густой и блестящей зелени влажных субтропиков. Аккуратные домики лепятся друг к другу и взбегают на пригорки, кое-где сквозь зелень просвечивает синее-синее море.

На следующий день было воскресенье, и мы пошли смотреть настоящий восточный базар. Впечатление было грандиозное. Такого я не видела больше нигде и никогда. На этом необыкновенном базаре все продавалось мешками. Мешок пшеницы, мешок фасоли, мешок баклажан, мешок съедобных каштанов, мешок болгарских перцев, мешок грецких орехов и т.д. и т.п.

Глаза разбегались, голова не успевала вертеться в разные стороны и скоро начинала кружиться от всего этого восточного многообразия и великолепия. В багажниках машин кудахтали куры и гоготали гуси, степенно сидели важные индюки, помахивая красными носами. Продавцы непрерывно зазывали тебя, хватали за руки и норовили всучить свой товар во что бы то ни стало. Горы персиков, груш, абрикосов, дынь и арбузов наполняли своим терпким пряным ароматом и без того раскаленный воздух маленького городка и начинало казаться, что ты – Шахерезада, к ногам которой сказочный джин доставил на ковре-самолете все восточные сокровища. Я купила два больших платка из чистого шелка, по типу тех, что местные жительницы носят обычно на голове. Из красного я сшила костюм, который иногда ношу и теперь, а черный кому-то подарила.

Вечером того же дня, гуляя по несколько поостывшим улочкам города, мы набрали на большущий свадебный шатер, раскинувшийся прямо посреди улицы. Через щели в брезенте (женщинам, особенно посторонним, вход на торжество заказан) можно было наблюдать, как жених с гостями - мужчинами под аккомпанемент зурны и бубна отплясывает, как нам показалось, один и тот же бесконечный танец. При этом все присутствовавшие непрерывно лужали семечки, которые, справедливости ради надо сказать, вообще являются неотъемлемой частью местной действительности.

Невесты нигде не было видно, и даже мать жениха наблюдала за церемонией, как и мы, подглядывая в щелочки шатра. В.И. Козлов, как почетный гость, был приглашен на эту свадьбу, а мы пошли дальше гулять по вечерним улочкам Ленкорани, дышавшим относительной (по сравнению с дневным пеклом) прохладой.

Ленкорань сама по себе не являлась целью нашего путешествия. В те годы (1982-1983) в секторе этнической экологии все еще продолжалась работа по изучению феномена долгожительства на Кавказе. И наш путь лежал дальше на юг, в высокогорный городок Лерик, столицу Талыша, где по предварительным данным был отмечен высокий процент людей преклонного возраста. Талыш - своеобразное государство в государстве, район, населенный выходцами из Ирана - талышами.

“Эх, дороги, пыль да туман...”

До Талыша нужно было еще добраться. И тут нас подстерегало не совсем приятное (а точнее говоря даже опасное) происшествие. На одном из крутых поворотов горной дороги на наш рафик на огромной скорости налетел

самосвал. Скорость была настолько большая, что дверь рафика рядом с водительским сиденьем была срезана начисто. Слава Богу, мы все отделались легким испугом и небольшими ушибами, за исключением Володи Большакова, сильно ударившегося головой о крышу рафика.

И вот тут мы стали свидетелями правосудия «по понятиям». За рулем самосвала сидел совсем молодой человек, почти мальчик. Через пять минут после происшествия вся его семья, возглавляемая отцом и матерью, прибежала к месту аварии и с криками и причитаниями стала упрашивать нас уладить это дело полюбовно, иными словами без оформления положенных в таких случаях документов. В конечном счете так все и произошло. В присутствии начальника местной милиции, так и сиявшего от удовольствия, стороны заключили мировую. Нам был выделен почти новый УАЗик, а поврежденный рафик встал на ремонт.

Чтобы закончить автомобильную тему, скажу, что на этом УАЗике мы не только доехали до Лерика, но и совершали на нем радиальные выезды в окрестные селения. Кто не был на Кавказе, не представляет себе, что такое горные дороги. Сами по себе довольно узкие, они еще усеяны огромными валунами, свалившимися с крутых горных уступов. Начинаешь чувствовать себя не очень уютно, представляя себе, как такой «камушек» падает с большой высоты на брезентовую крышу УАЗика. Но, как говорится: «кто не рискует, тот не пьет шампанское!»

Самое пикантное в езде по этим дорогам - это, конечно, местные водители. В то время как экспедиционный ГАЗ-66, управляемый московским водителем, спокойно и степенно преодолевал горный серпантин, наш УАЗик, за рулем которого сидел все тот же местный водитель - джи-

гит, буквально ставил скоростные рекорды, тут же исчезая из поля зрения. И вот в один прекрасный день мы таки зависли передними колесами над пропастью. Отдадим должное нашему водителю – реакция у него была отменная! На такой скорости он все же успел затормозить. В противном случае эти, столь дорогие моему сердцу записки, вполне возможно не увидели бы свет. Впрочем и мы оказались на высоте - никто из сидящих в УАЗике даже не ойкнул.

Как-то в другой раз во время нашего очередного вынужденного «ралли» на дорогу внезапно, как это бывает только в горах, спустился густой туман. «Ну все, наконец-то нашим эскападам пришел конец. Слава Богу, теперь-то мы будем передвигаться на нормальной скорости» - подумала я. Но не тут-то было! Я явно недооценила способности кавказских джигитов ориентироваться на горных дорогах даже в таком тумане, когда не видно пальцев на вытянутой руке. Скорость нашего «феррари» почти не снизилась. Вот это были незабываемые ощущения!

В пути нас поджидали не только неприятности. По дороге в Лерик мы проезжали мимо древнего кладбища, на котором сохранились захоронения еще зороастрийских времен. Расположено оно в густой самшитовой роще, все ветви которой пестрят от многочисленных разноцветных тряпочек. По древнему языческому поверью, если загадать желание и завязать на ветке самшита в этом святом месте тряпочку - оно обязательно сбудется. Древние надгробья, украшенные богатой резьбой с изображениями горных туров и почти стершимися надписями, на две трети ушли в землю. В роще царит удивительная прохлада, тишина и покой, тихо журчит ручей.

Порядок и чистоту в священной самшитовой роще поддерживают (по очереди) жители близлежащего села. А все, кто проезжает мимо нее, обязательно оставляют в ус-

ловленном месте, под большим валуном, свои пожертвования, на которые и живут люди, ухаживающие за рощей. Интересно, что деньги эти никогда не пропадают, хотя все знают, где они лежат.

Талышские горы (фото Н.А. Дубовой)

Эти места древних захоронений очень почитаются в народе. Важные события в жизни семьи (свадьба, рождение ребенка, похороны) обязательно сопровождаются закалыванием ритуального барана и трапезой недалеко от древнего кладбища. При этом угощают всех, кто попадает на пути или посещает в это время священную рощу. Мы как раз застали там многочисленное семейство и тут же были приглашены к столу.

Вообще азербайджанцы и талыши, как и все кавказские народы, чрезвычайно хлебосольны и гостеприимны. Гостеприимство это очень искреннее и идет из глубины

души. Не успеваешь переступить порог сельского дома, как тебя усаживают в густой тени и подают неизменный, обжигающе горячий чай в традиционных стаканчиках грушевидной формы. Если бы не этот чай, мы навряд ли смогли бы так продуктивно работать в условиях столь жаркого климата. Достаточно сказать, что в 1983 г. в Казахском, Зардобском и Ахсуинском районах температура воздуха в тени доходила до 45 -50 градусов по Цельсию! Июльская жара 2001 г. в Москве по сравнению с этим - просто курорт.

“Этот плод никогда не надоест...”

В районном центре Талыша Лерике наша экспедиционная группа поселилась в единственной в городе гостинице, из окон которой взгляду открывались бесконечные голубые и сизые виноградники, покрытые дымкой тумана. Весь город находится на больших перепадах высот, и, гуляя по нему, приходится все время то спускаться, то подниматься в гору. В условиях высокогорного недостатка кислорода (две тысячи метров над уровнем моря) для меня это была задача не из легких. Местные жители, всю жизнь вынуждаемые самими природными факторами к такой ежедневной гимнастике, безусловно, прекрасно адаптированы к этим условиям и демонстрируют чудеса бодрости и оптимизма, зачастую даже в весьма преклонном возрасте.

Особенность работы в этом районе заключалась в том, что пожилые талыши, старожилы и долгожители, которых мы опрашивали по довольно пространной анкете, практически не знали азербайджанского языка, который, как известно, относится к тюркской языковой группе, в то время как талышский - к иранской. Поэтому нам приходилось вести опрос, прибегая к помощи двух переводчиков.

Сначала наш вопрос переводили на азербайджанский, а другой переводчик уже транслировал его на талышский. В обратном порядке переводили ответы должожителей. Все это создавало некоторую нервозность и усложняло нашу работу, внося сомнения за точность ответов.

На всю жизнь я запомнила самый первый в жизни опрос, в котором принимала участие. Проводил его наш неподражаемый Володя Большаков. Высокий, порывистый, с большой окладистой бородой, он сам чем-то напоминал кавказца. С громким возгласом «Гомарджоба!», оставшимся, видимо, еще со времен работы в Абхазии, он смело переступил порог дома и сразу приступил к опросу должожителя. Глядя на все это, я думала: «Никогда в жизни так не смогу!!! Мамочки, как же мне этому научиться? Нет, точно так не смогу». До сих пор помню этот леденящий душу страх, сковавший меня по рукам и ногам. Но «дорогу осилит идущий»... Позади много лет работы на Кавказе, а теперь уже и в Поволжье.

В должожительской анкете присутствовал, на мой взгляд, не совсем корректный вопрос, который звучал так: «Сколько лет вы хотели бы еще прожить?» Мне казалось, что задавать такой вопрос пожилому, не всегда здоровому человеку довольно бестактно, о чем мы неоднократно и спорили с Виктором Ивановичем и Володей, которые настаивали на его необходимости. Я даже как-то в запальчивости сказала, что сама этот вопрос задавать не буду, хоть убейте.

И вот как-то раз мы опрашивали в том же Лерикском районе должожителя – пастуха. Все шло своим чередом, и вот уже Большаков задает последний злополучный вопрос: «Сколько бы вы еще хотели прожить?» Старожил на некоторое время задумывается, потом его красивое, испещренное глубокими морщинами лицо расплывается в хитрой

улыбке, и мы слышим поразительный по своей поэтичности ответ: «А ты знаешь, дорогой, ведь этот плод никогда не надоест!»

В Лерике бросалась в глаза необыкновенная красота местных девушек. На ум сразу приходила Шамаханская царица. Даже очень пожилые долгожительницы поражали тем, что принято называть «следами былой красоты» на лице. Однажды, придя опрашивать долгожительницу, мы почувствовали, что она пребывает в состоянии крайнего стресса и не в состоянии отвечать на наши вопросы. Обратившись к ее родственникам, мы выяснили, что ее внук (а скорее всего это был правнук) когда услышал, что мы собираемся поговорить с его бабушкой, прибежал к ней со словами: «Бабушка, там приехали из Москвы и тебя с собой заберут!» Можете себе представить состояние пожилой женщины, которая за всю жизнь дальше соседнего райцентра не ездила! Когда мы ей объяснили, что хотим только поговорить, она успокоилась и дальше беседа проходила в обычном русле. Я заметила на лбу этой еще очень красивой женщины маленькую татуировку в виде ромбика, но все мои вопросы на эту тему остались без ответа.

Как-то раз прогуливаясь по узким улочкам Лерика, Виктор Иванович справедливо подметил, что все местные мужчины ходят по городу, держа под мышкой круглый хлеб, который выпекается по традиционной технологии в глиняных печах – тандырах. И сказал, что немедленно тоже приобретет такой же, чтобы не отличаться от других джигитов.

Под конец моей первой, и поэтому самой незабываемой, экспедиции на Кавказ, то ли под действием высотных факторов, то ли из-за каких-то других причин, у меня поднялась температура и я слегла. Состояние было отвратительное: боль в желудке, сильная слабость и жуткий озноб

несмотря на окружающую жару. Я лежала в нашей гостинице под кучей одеял, дрожала от озноба и думала: «Вот, помираю... Все бы ничего, но почему так далеко от дома, от близких и родных мне людей? Как это, черт возьми, несправедливо!»

Дверь моей комнаты периодически приоткрывалась, и кто-нибудь из местных товарищей предлагал мне свою помощь в лечении. В конце концов, наши ребята организовали что-то вроде круглосуточной охраны меня от добровольных «помощников». Виктор Иванович, видя, что мое состояние не улучшается, предложил вызвать местного доктора. На что получил энергичный отказ: «Нет, нет и еще раз нет! В таком случае я лучше сама помру!»

Вылечил меня Евгений Алексеевич Брюн (психиатр и по совместительству доктор нашей экспедиции), накормив какими-то довольно противными таблетками, которые, между тем, оказались весьма эффективными. На следующий день, когда мы должны были уезжать, я уже чувствовала себя совсем сносно. Вообще тема всяческих недугований в экспедициях – это особая, незабываемая тема и я еще буду возвращаться к ней неоднократно.

В одном из сел Лерикского района нам показали усадьбу человека, у которого было три официальных (разумеется, по исламским законам) жены, каждая из которых со своими детьми жила в отдельном доме. Говорили нам об этом на пониженных тонах, но самого факта не скрывали. Не забывайте, шел 1982 год! Стало быть, традицию исламского многоженства советская власть победить так и не смогла. А может быть, не очень-то и хотела? Так же полупрошпота нам рассказывали о полуподпольных медресе, в которых желающих обучали исламу. Так что жизнь, несмотря на официальную пропаганду, шла своим чередом.

Первая экспедиция запомнилась мне не только необы-

чайной яркостью впечатлений от богатейшей природы и очень красивых (как нравственно, так и физически) людей, но и атмосферой дружеского веселья, постоянных розыгрышей и «приколов», которой она сопровождалась. Вообще, надо сказать, что Володя Большаков как начальник экспедиции был просто великолепен. Он успевал и работу организовать и дать нам как следует отдохнуть. И все это получалось у него как-то легко и весело. А это - редкое качество!

“В Москву, в Москву!”

Обратный наш путь в Баку прошел уже без особых приключений. На бакинском рынке Женя Брюн учил нас покупать персики (как человек, выросший в Средней Азии, тут он был вне конкуренции). Я купила для мамы инжир и, как ни странно, даже умудрилась довести его до Москвы. Дело в том, что эти спелые нежные плоды фигового дерева (так еще называется библейская смоковница) совершенно не выносят транспортировки. Лучше всего их потреблять снимая прямо с дерева, что мы неоднократно и делали в домах наших гостеприимных старожилков.

Запомнился широкий приморский бульвар, любимое место прогулок бакинцев. Он весь был усажен оливковыми деревьями, среди матовой, светлой зелени которых блестели многочисленные, еще незрелые плоды. Зайдя в одну приглянувшуюся нам чайхану, я с удивлением наблюдала, как компания молодых людей 18-20 лет оживленно общается за чашкой чая. Дело в том, что в чайхане подают только чай и сахар. Таковы незыблемые традиции. И уж конечно, никаких спиртных напитков вы там никогда не увидите. Вот этому, безусловно, нам бы не грех поучиться.

В Баку мы стали свидетелями грандиозных по своему размаху и широте приготовлений к приезду Л.И. Брежнева

(это был его последний официальный визит). По ночам асфальт, по которому должен был проследовать торжественный кортеж, раскрашивали «в цветочек». Весь город, вообще говоря, не отличавшийся особой опрятностью, пытались срочно привести в порядок. Людей снимали с работы, и они целыми днями, стоя на чудовищной жаре, вынуждены были размахивать флажками и выкрикивать приветствия, репетировав встречу вождя.

Леонид Ильич прилетал в Баку как раз в тот день, когда мы улетали в Москву. Ничего не подозревая, мы на институтской легковушке двинулись в сторону аэропорта. Но не тут-то было! Все дороги были наглухо перекрыты. В конце концов нам пришлось объехать весь город и подъехать к аэропорту с противоположной стороны.

Запомнились бесконечные нефтяные даже не вышки, а примитивные качалки, судя по их допотопному виду, качавшие нефть еще со времен царя Гороха или на крайний случай, со времен 26 бакинских комиссаров и по площади занимавшие, как нам показалось, треть городских предместий. Вокруг них все было залито черной, переливавшейся на солнце всеми цветами радуги, нефтью. Стоял необычайно тяжелый и специфический аромат нефтяных испарений. И все это в черте города!

Но вот, кажется, весь этот кошмар наконец позади, и мы подъезжаем к аэропорту. Здесь-то нас и ожидал главный сюрприз дня! На огромном щите – портрет Леонида Ильича в белом парадном кителе и при всех многочисленных регалиях. В первый момент мы опешили от изумления, а через минуту, когда уже готовы были разразиться шутками и хохотом, молоденький сотрудник бакинского института обернулся к нам и с непередаваемой гордостью сказал: «Вот, такой портрет только у нас есть!» И мы поняли, что шутки придется отложить до самолета, что и было сделано.

В июле 1983 г. мы с Натальей Пчелинцевой прилетели в Тбилиси, где нас встречал начальник отряда Алексей Петрович Павленко. Мы поехали в Музей истории Грузии, где его сотрудник – Константин Константинович Чолокашвили или как принято говорить в Грузии «уважаемый батано Котэ» любезно провел нас по экспозиции музея и даже специально для нас открыл «золотую кладовую» и показал все ее сокровища. Потрясающие по красоте и удивительной тонкости ювелирные работы древних шумеров, греков и римлян! Особенно мне запомнилось ожерелье из чистого золота, все составленное из маленьких черепашек чудесной филигранной работы.

Надо сказать, что сотрудники местных НИИ истории и этнографии принимали самое активное участие как непосредственно в наших экспедициях, так и в процессе их подготовки и связанных с этим многочисленных организационных хлопотах. Особенно хочется поблагодарить за такое участие сотрудницу Института археологии и этнографии Азербайджана Атигу Измайлову. Мы вместе работали в поле и я очень благодарна ей за то, что она ненавязчиво ввела меня в сложный мир обычаев и обрядов сельских жителей Азербайджана.

В частности, Атига-ханум рассказала мне, что в республике практически нет детских домов, так как если родители ребенка погибают или по какой-то объективной причине не в состоянии воспитывать его, заботу о нем берут на себя его родственники. Однажды мы вошли в дом, где был грудной ребенок. Я обратила внимание на резную деревянную люльку бешик с отверстием посередине (к ней обычно прилагается деревянная трубочка особой формы, которую используют, если в люльке находится мальчик), какие часто

встречаются в музеях, где представлена бытовая культура кочевых народов Востока. Атига пояснила, что это «бешик» – традиционная люлька кочевников; ребенка можно привязать к ней, приторочить к седлу и в путь! В настоящее время в некоторых районах Азербайджана ее продолжают использовать в качестве колыбели для новорожденных детей.

Иногда у нас возникали забавные коллизии. Дело в том, что Атига – белокура от природы (такое довольно редко встречается у коренных жителей Азербайджана), ну а у меня, напротив, типично «кавказская» внешность. И вот, заходим мы как-то раз в один очень гостеприимный сельский дом, нас встречают доброжелательные пожилые женщины, берут меня за руки и ведут вглубь дома, при этом беспрерывно что-то говорят. Я пытаюсь объяснить, что я из Москвы и по-азербайджански не понимаю. Тогда на меня очень внимательно смотрят и выносят однозначный приговор: «Э, дорогая, зачем обманываешь, а?» Я беспомощно оглядываюсь на Атигу, взглядом прося выручить меня. Она по-азербайджански пытается объяснить нашим хозяевам то же самое, но не тут-то было! Своим глазам они привыкли доверять больше. Но вот мы входим во внутренний дворик, нас знакомят с долгожительницей, после традиционного стаканчика чая начинается обычная работа и все недоразумения забыты. Мы расстаемся лучшими друзьями и по прошествии стольких лет я вспоминаю этих замечательных людей с любовью и благодарностью.

Я думаю, всем нам надолго запомнился вечер, проведенный у Атиги-ханум дома в Баку и чудесный азербайджанский плов, который она приготовила, следуя всем традиционным канонам. Мне, как специалисту, изучающему в частности традиционное питание, это было особенно интересно.

Азербайджанская кухня не менее богата и разнообразна.

разна, чем грузинская и армянская. Очень многие блюда в них почти одинаковы или похожи. Но она не такая острая и пикантная, хотя в ней так же присутствует огромное количество пряных трав.

Однако, пора все же вернуться в Тбилиси. Вечером мы расставили свои раскладушки в закрытом дворике Музея истории Грузии и ночевали прямо под открытым небом, любуясь на огромные, бархатные южные звезды. Кажется, протяни руку - и можно легко дотянуться до такой звездочки.

Полевые будни - праздники для нас!

Наутро нам предстоял утомительный путь в Казахский район Азербайджана, куда мы еле живые прибыли только к вечеру. Жили мы в здании интерната. Готовили по очереди. Самое большое испытание, которое нас поджидало - это поистине африканская жара. В тени температура доходила до 45 - 50 градусов по Цельсию. Мое с детства не очень здоровое сердце сразу взбунтовалось. Вот тут-то без гостеприимства местных жителей, с неизменным чаем и роскошными фруктами, нам пришлось бы совсем туго.

Не стоит, наверное, утомлять читателя такой мало-значительной подробностью, что в вышеозначенном интернате отсутствовал даже намек на душ или что-либо подобное. И единственной возможностью постоять под прохладной водой в такое пекло, была баня, куда экономный Алексей Петрович очень не любил нас водить. И вот наконец, после нескольких дней непрерывных просьб с нашей стороны, он сменял гнев на милость и мы пешком (видимо в целях экономии горючего) отправлялись в очень неблизкий путь. В бане мы открывали только холодную воду и стояли под ней буквально до посинения. По прошествии 10

– 15 минут мы начинали чувствовать, что к нам, кажется, возвращается нормальное дыхание.

Жуткая жара практически не ослабевала и ночью. И тут нам с Натальей Пчелинцевой крупно повезло. Один местный житель любезно уступил нам свой вентилятор. Мы поставили его на столик между нашими кроватями, чтобы прохладный воздух равномерно распределялся между нами, укутывались мокрыми полотенцами и так с грехом пополам доживали до утра. А утром начинали пить спасительный обжигающе горячий чай. И так доживали до вечера.

Как всегда, при работе по теме «Долгожительство в Азербайджане», особую проблему составляли переводчики. Обычно мы обращались за помощью в райком партии, а оттуда уже следовали соответствующие распоряжения директорам школ и прочим товарищам, способным оказать нам посильную помощь. Посещения этих самых райкомов - это отдельная тема: «Власть и народ». Первый секретарь, как правило, располагался на втором этаже здания в большом кабинете с неизменным длинным столом для совещаний и кондиционерами (о радость!). Поэтому, попадая в такой кабинет, мы обычно не слишком торопились его покинуть. Да и восточный этикет подразумевал как минимум чаепитие. В некоторых райкомах во внутренних двориках - садах были устроены искусственные пруды с гордо бороздившими их тихие заводи царственными лебедями и беседки для приема особо почетных гостей.

Но я, кажется, немного отвлеклась по своему обыкновению от генеральной линии моего сбивчивого повествования. Итак, переводчики. Анкета по традиционному питанию, которую я разработала для сбора полевых материалов, была (и остается) весьма солидной и требовала для своего полного заполнения не только большого количества

времени, но и сосредоточенности и спокойной обстановки вокруг. Но... «Покой нам только снится», – сказал поэт и был удивительно прав.

Как только мы, после предварительной разведки боем, приходили в дом долгожителя, нас окружала плотная толпа его родственников и соседей, которые поначалу молча слушали нашу беседу, затем начинали комментировать вслух наши вопросы и, что еще хуже, перебивая друг друга и невероятно громко галдя, через голову наших, если можно так выразиться, «официальных» переводчиков, задавать эти вопросы окончательно растерявшемуся старожилу. Все наши вопли о том, что неплохо бы оставить нас в покое и дать возможность хоть немного нормально поработать, обычно оставались без внимания. А по прошествии 10 - 15 минут «тусовка» сильно утомлялась и следовал, как правило, один и тот же вопрос, обращенный к нам: «Слюшай, дорогая, а зачем тебе все это нужно, а?» Вот тут-то нужно было воспользоваться минутной слабостью «противника» и, припугнув его еще полутора – двумя часами опроса, заставить ретироваться (хотя бы на время).

Да, нелегка ты доля полевого работника! Но нет худа без добра. После такого «тренинга» в азербайджанских селах, последующая работа в русских (духоборческих, молочанских, субботнических) селениях на Кавказе показалась мне просто легкой и приятной прогулкой.

В Уджарском районе к нам в помощники для решения организационных вопросов прикрепили второго секретаря райкома комсомола Икрама. Это был молодой человек лет 27, приятной наружности и с хорошим чувством юмора. Как-то мы стояли перед зданием райкома партии и вдруг на наши бедные головы из репродуктора с диким грохотом обрушилась какая-то песня явно местного колорита. Наш шофер Слава, к слову сказать бывший афганец,

был просто вне себя. Надо сказать, он вообще особой сдержанностью не отличался и в редкие минуты сильного подпития пугал «гнилых интеллигентов» страшилками из области фронтовых будней афганской войны. Видя такую ситуацию и желая ее разрядить, наш комсомольский лидер рассказал, что когда он служил в армии и, откуда-нибудь доносилась подобная музыка, братья по оружию спрашивали его: «Икрамчик, а кого хоронят?»

Однажды, при переезде в другой район, я (даже не заметив этого) забыла погрузить в наш верный УАЗик оцинкованный таз, в котором мы обычно стирали белье, и он оказался безвозвратно утерян для нашего маленького хозяйства. Алексей Петрович, как человек крайне ответственный и хозяйственный, страшно переживал эту потерю и беспрерывно сокрушался: «Где же наш тазик, черт возьми?» В этой ситуации нас защитил верный оруженосец, а по совместительству шофер, Слава, который после очередной жалобы Алексея Петровича на таинственно исчезнувший предмет обихода, громко гаркнул командирским голосом: «Я тебе сейчас покажу тазик, так его и разэтак!» После сей грозной реплики, несчастный таз был забыт раз и навсегда. Вообще, Слава очень опекал женскую часть нашей экспедиции, что, учитывая его внушительную фигуру, было весьма кстати в условиях работы в сельской местности одной из закавказских республик, где, как известно, мужская часть населения отличается особым темпераментом.

Маленькие книжные (и не только!) радости

Сегодняшний читатель, избалованный всяческим изобилием книг, уже забыл, а молодежь и не застала то злополучное время, когда хорошие книги добывали с боем или из-под полы, или сдавая несметное количество маку-

латоры на вожделенные талоны, или выстаивая километровые очереди. А посему отдельного разговора заслуживают книжные магазины сельской местности тогдашнего (восьмидесятые годы теперь уже прошлого века) Азербайджана (частично о них сказано в статье В.И. Козлова).

Несметные сокровища таили они в своих более чем скромных стенах. Это были и вожделенные собрания сочинений русских и зарубежных классиков, бессмертные Ильф и Петров, элитарный Велимир Хлебников, вечные О. Генри и Конан Дойл, ну и, разумеется, «дюфситнейшие» братья Стругацкие и книги из серии «Жизнь замечательных людей».

Особую статью расходов для жаждущих поднять свой культурный уровень составляли пластинки единственной на тот момент в стране фирмы звукозаписи в Апрелевке, которые в Москве были малодоступны для простых смертных (от наших А. Вертинского и А. Козина до ихних «The Beatles», А. Челентано и пр.) А еще меня поразило обилие иностранных иллюстрированных журналов, в основном из стран народной демократии, которых мы тоже в Москве в открытой продаже не наблюдали и которые, как правило, продавались в покосившихся и донельзя ободранных сельских ларьках.

Как видит внимательный читатель, желающие без труда могли удовлетворить свой интеллектуальный голод, что иногда приводило к весьма комичным ситуациям. Однажды студентка биофака, принимавшая участие в нашей экспедиции, переоценила свои возможности. Она так набила целый рюкзак книгами, что когда мы вернулись из экспедиции в Москву и уже получили свои вещи в аэропорту Домодедово, выяснилось, что она не только не в состоянии его нести, но с трудом отрывает от пола. Мы пытались помочь ей совместными усилиями, но рюкзак (а это был обычный тогда, как теперь говорят, «футбольный мя-

чик») и тут одержал бесспорную победу. Так как нас никто из знакомых не встречал, пришлось обратиться за помощью к прилетевшим одновременно с нами молодым людям, судя по их внешнему виду, возвращавшимся из стройотряда, которые и выручили нашу товарку.

“...До ста лет ты намерен прожить, ну и что?...”

Возвращаясь непосредственно к нашей научной деятельности, должна отметить, что проработав несколько полевых сезонов по теме «Долгожительство в Азербайджане», мы собрали обширный материал, который и был представлен в одноименной монографии, участие в работе над которой принимали не только сотрудники сектора этнической экологии и Института (тогда еще «этнографии») в целом, но и работавшие вместе с нами медики из Киева (прежде всего С.М. Кузнецова) и Баку (Ч.Ю. Касумов), а также уже упоминавшаяся мной сотрудница Института археологии и этнографии Азербайджана Атига Измайлова.

Основной вывод, следовавший из наших трудов, звучал приблизительно так: «Достоверно подтвердить наличие устойчивой долгожительской популяции в Азербайджане не представляется возможным, учитывая не совсем аккуратное ведение похозяйственных книг, а также характерное для Кавказа подчеркнутое уважение и почитание людей старшего и особенно весьма преклонного возраста». Иными словами, так как исторически на Кавказе быть пожилым человеком весьма престижно, и где-то даже выгодно, мы не исключали возможности (и в некоторых случаях она была нами документально доказана) того, что люди при отсутствии свидетельств о рождении, специально завышали свой возраст, чтобы получить те или иные льготы.

Хочется особенно заострить внимание на отношении

к пожилым людям на Кавказе. Это удивительно красивые обычаи, которые не только облегчают и продлевают (что неопровержимо доказано, в частности нашими исследованиями) жизнь пожилых людей, но и создают особую атмосферу всеобщей доброжелательности и взаимного расположения людей друг к другу. Когда это видишь, особенно впервые, кроме благодарности и восхищения народами, не только выработавшими такие традиции, но и сумевшими несмотря на все исторические катаклизмы сохранить их (а может быть и себя благодаря этому), возникает чувство белой зависти. Я думаю, внимательному читателю не надо объяснять источник этого чувства.

Много лет проработав «в поле» на Кавказе, я пришла к твердому убеждению, что если бы мы могли заимствовать эти традиции (боюсь, это чистая утопия, такие вещи обычно впитывают с молоком матери), то очень многих проблем, с которыми люди сталкиваются в современной России, просто бы не существовало. Но, к сожалению, не только история не знает сослагательного наклонения.

Открывая Новоголовку.

В один прекрасный день (а было это в 1986 году) тогдашнего заведующего сектором этнической экологии Виктора Ивановича Козлова осенила как всегда весьма плодотворная идея: а почему бы нам не поработать в русских (тогда еще весьма многочисленных) селах в Закавказье? Дело в том, что в этих местах работали историки религии, в частности знаменитый Александр Ильич Клибанов, автор серии фундаментальных монографий по истории духоборческих, молоканских и субботнических учений, а также фольклористы, изучавшие богатый устный, письменный и всяческий иной материал.

Что же касается изучения традиционной культуры жизнеобеспечения и этнической экологии в широком понимании этого слова, которые являлись краеугольным камнем и составляли фундамент комплексных исследований нашего сектора с момента его основания, то мы были бы здесь первопроходцами. Так оно и случилось.

Для первой экспедиции (июль-август 1986 года) был выбран куст молоканских селений в районе нам хорошо уже знакомой Ленкоранской низменности. Начальником нашего отряда был Андрей Александрович Воронов. В его состав входили: ныне покойная Галина Васильевна Старовойтова, Светлана Михайловна Кузнецова (невропатолог из Киева), студент истфака МГУ Миша Козлов (сын Виктора Ивановича), две студентки из Москвы, ваша покорная слуга, ну и разумеется шофер нашего неизменного ГАЗ-66.

Это – совсем даже не Новая Гвинея!
Это – с. Новоголовка, август 1986 г.

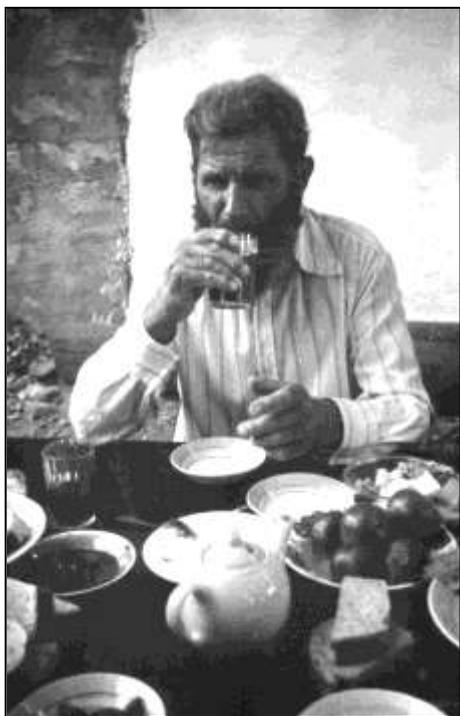
Помню, как привычной уже дорогой мы едем из Баку в сторону Ленкорани. Однообразие долгого пути скрашивают как всегда колоритные и приправленные острым юмором байки Галины Васильевны. Дорогу внезапно прерывает погранзаезда (или погранпост?) перед въездом на территорию длиннущей погранзоны, протянувшейся вдоль побережья Каспийского моря вплоть до территории Ирана, с ее неизменными солдатиками и шлагбаумом.

Тщательная проверка всех документов. На этот раз у нас все в порядке, и даже имеется бумага от военкома Баку, с просьбой оказать всяческое содействие. Это уже А.А. Воронов при поддержке директора Института археологии и этнографии Азербайджана А.А. Аббасова постарался. Впоследствии она сослужит нам добрую службу. А здесь лишь отмечу, что равного Андрею Александровичу по «вхождению» в начальнические кабинеты я не припомню. Он проделывал это просто артистически. Какая бы адская жара ни стояла на дворе, он одевал специально припасенный для этой цели костюм, галстук, брал свою любимую красную папку с документами и в бой! Обычно такие нехитрые приемы производили на местных начальников неизгладимое впечатление. Ну и не последнюю роль тут играли осанистая и представительная фигура Андрея Александровича, его пышная борода и очки в толстой роговой оправе.

Рабочая остановка в райцентре Джалилабад, обязательный поход в райком партии, первый секретарь которого – Ибрагим Мусаевич Курбанов – закатил в нашу честь шикарный прием в своей не менее грандиозной резиденции, где он царствовал в окружении скромных цесарок, радужных фазанов, гордых лебедей и золотых рыбок. Все это хозяйство располагалось во внутреннем дворе здания райкома партии, на фоне искусственного водоема с ажур-

ной беседкой посередине, где и проходил прием особо важных гостей. Древние восточные традиции наиболее комфортного обустройства жилища и тут давали себя знать. Что ни говори, а «восток дело тонкое!» Получив уверения в полнейшей поддержке наших исследований местными властями и самые добрые пожелания успехов, спешим далее, к месту нашей будущей работы.

И вот, наконец, наш верный ГАЗ-66 въезжает на пыльные улочки села Новоголовка. Это достаточно большое поселение раньше почти целиком населяли последо-

Завтрак.
Молоканское с. Новоголовка,
август, 1986 г.

ватели молоканского учения, что-то вроде русских протестантов. Молокане считают (и тут трудно с ними не согласиться), что Бог - в сердце каждого человека и, стало быть, при общении с Ним верующие люди не нуждаются в посредниках. Исходя из этой логики они отвергают как церковные обряды (крещение, венчание и пр.), поклонение иконам и сами иконы, так и самих служителей церкви (священников и пр.), как ненужное звено при общении с Богом. А вот Библию они не только признают священной

книгой, но и знают ее так, как мало кто из нас. Причем это касается не только людей пожилого возраста, но и совсем молодых.

Но я, как обычно, немного забегаю вперед. А между тем наш гостеприимный хозяин, председатель новоголовского колхоза им. В. Куйбышева Рашид Мамедкул-оглы Нусратов, уже выделил нам помещение для проживания, которое представляет собой его же собственный недостроенный дом. Обследуем наше новое жилище: нет ни окон, ни дверей, да и зачем они нужны в условиях такой чудовищной жары (не забывайте про влажные субтропики)! Внешне все вроде бы нормально, можно заселяться, что мы и делаем.

Но в первую же ночь мы поняли, что жить в этом доме не сможем, так как панели, которыми он был обшит, источали невероятно удушливый синтетический запах, да, если честно, и без этого печального обстоятельства духота внутри была невыразимая. Что же делать? Мы принимаем решение спать на улице, в саду, который окружает наше временной пристанище, где и расставляем свои верные раскладушки. Но здесь нас подстерегает новая напасть - полчища разнообразных насекомых не дают сомкнуть глаз. И тут на первый план выступает А.А. Воронов с уже упоминавшейся мной «охранной грамотой» от военкома республики, с каковой он и отъезжает «бить челом» к райвоенкому.

Этот поход к начальству увенчался полной и окончательной победой: военком приказал выделить нам марлевые пологи по числу членов экспедиции, под каковыми мы и ночевали целый месяц. На фотографиях тех дней наш лагерь выглядит весьма специфически: длинные ряды белых марлевых балахонов, свисающих с деревьев, короче говоря, нечто среднее между дурдомом и санаторием для

инфекционных больных.

Но на этом наши приключения не закончились. В первое же утро на свежем воздухе, часов эдак в пять-шесть утра мы были разбужены истошными воплями, как потом выяснилось, одного почтенного местного жителя азербайджанской национальности, который по своему обыкновению прогонял стадо буйволов как раз через садик, где мы мирно почивали. Бедные животные, давно привыкшие к этому маршруту, никак не могли взять в толк, что за посторонние предметы появились на пути их следования и, удовлетворяя свое природное любопытство, пытались заглядывать своими большущими рогатыми головами под наши пологи. При этом они громко мычали, явно возмущаясь таким поворотом дела.

Среди дам началась легкая паника, переходящая в тяжелую. Так как Андрей Александрович оказался единственным среди нас «стойким оловянным солдатиком», который несмотря на тяжелые экологические условия проживания в доме, все же ночевал именно там, он ничего этого просто не увидел и не услышал. И от страшных рогатых зверей нас мужественно оборонял Миша Козлов, весьма метко кидая в них чем ни попадя, в основном камнями, в изобилии разбросанными по саду. Надо сказать, что подобные атаки мы выдерживали еще на протяжении нескольких дней, пока наконец после многочисленных наших просьб не был изменен маршрут следования стада.

Кое-как устроившись на новом месте, в первый же вечер мы расположились в саду и стали обсуждать наши планы на следующий день. Увлечшись нашими разговорами, мы не сразу заметили, что в кустах неподалеку периодически вспыхивают сигаретные огоньки. Как потом выяснилось, это была ненавязчивая «охрана», заодно выполнявшая функции соглядатаев, так как председатель колхоза

принял нас за очень важную проверяющую комиссию из Москвы. А проверять там, как мы вскоре выяснили, было что... Жители Новоголовки потом рассказали нам, что среди них была проведена «разъяснительная» работа, чтобы они держали язык за зубами и не вздумали жаловаться на свою тяжелую участь.

Утром ни свет ни заря белая председательская «Волга» завизжала тормозами у нашего «Эдема». Из нее вышел председатель, как и положено восточному мужчине, с солидным брюшком, гордо выставляемым вперед, и с криками: «Мэксика, о Мэксика!» (кто-то из наших зачем-то сказал ему, что моя мама родом из Мексики), бодро направился в нашу сторону. На водительском сиденье сидел молодой парень, как потом выяснилось, племянник председателя.

В первое время работы на Кавказе, особенно в Азербайджане, удивляла эта повсеместная семейственность. Например, браки между двоюродными братом и сестрой там отнюдь не редкость, особенно в сельской местности. Точнее сказать, они там скорее являются правилом, чем исключением. Объясняется эта древняя традиция необходимостью приумножить, или, по крайней мере, не уменьшить семейный капитал, часть которого в противном случае перешла бы в собственность другой семьи или другого рода.

Со временем к этому привыкаешь, и воспринимается все это «безобразия» лишь как еще одно проявление местных традиций, а отнюдь не как криминал. Тем более, что некоторые генетики в своих работах показали, что такие браки чреватые не только отрицательными последствиями близкородственного скрещивания, как считалось ранее. Дело в том, что наследуемые положительные качества обоих супругов у их потомков в таком близкородственном браке будут сохранены, а в некоторых случаях даже уси-

лены⁸. Как видно, древние традиции имеют под собой серьезный фундамент.

А что же наш председатель? Он уже успел комфортно расположиться за нашим столом и о чем-то оживленно беседует с Андреем Александровичем. Как они понимали друг друга, для меня остается полной загадкой и по сию пору, так как довольно быстро выяснилось, что по-русски наш хозяин практически ничего не понимал, что и привело к тому, что он принял нас за важную комиссию из Москвы.

Единственное же (кроме ставшего уже привычным: «Мэксика, о-о-о, Мэксика!»), что я смогла понять из его пространных речей, было то обстоятельство, что он называл себя и своих соплеменников загадочным словом «ураты». То есть, не причислял себя к азербайджанцам, а наоборот, выделял в какой-то другой народ или племя. Проконсультировавшись по приезду в Москву со специалистами нашего Института, я особой ясности в этот вопрос не внесла. Но Атига Измайлова подтвердила мои предположения о том, что под таинственным названием «ураты» скрывалось самоназвание рода.

Баба Нюра

Ну вот, кажется, Мамедкул-оглы соизволил наснуть, и мы можем наконец-то приступить к работе. Мне очень повезло, потому что первый молоканский дом, в который я попала, принадлежал пожилым супругам Клышниковым – Анне Степановне (бабе Нюре) и ее мужу Тимофею Алексеевичу. Эта чудесная пара молодоженов (они поженились несколько лет назад, когда дедушка овдовел) вспоминается мне так ярко и красочно, как будто мы общались вчера,

⁸ Спицына Н.Х. Проблемы исторической генетики. М. 1993. С.131.

а не пятнадцать лет назад. И это не удивительно, уж такие это замечательные люди.

Баба Нюра – маленькая, сухонькая, сгорбленная, необыкновенно подвижная, с удивительными, сияющими добротой и озорным юмором глазами, в неизменном аккуратном платочке, всегда хлопочет по дому и при этом успеваает рассказывать о своей жизни. И как рассказывать! Она то громко (слегка туговата на ухо) поет озорные частушки, то вдруг, хитро прищурившись, спрашивает: «А у кого в селе самый вкусный хлеб? А? У меня, милка моя, у меня». И я понимаю, каким-то шестым чувством улавливаю, что это так и есть, можно даже не проверять и не сравнивать.

А баба Нюра уже вопрошает далее: «Ну, а у кого самый красивый фартук и самый красивый платок в церкви (так молокане называют свой молельный дом) был? Не знаешь, я чай?» И тут же бежит за доказательством, каковое я потом и зафиксирую на фото пленке. Действительно, очень красиво, тончайшее кружево собственной же баб Нюриной работы.

Она в свои почти 75 лет все шьет и вяжет сама, да как здорово! А она продолжает: «А кто из девок лучше всего пел?»

Молоканское село Новоголовка. Супруги Клышниковы, Тимофей Алексеевич и Анна Степановна, 1986 г.

Ответ читателю, полагаю, очевиден. Вот такая она, моя дорогая баба Нюра. И сколько в этом бесхитростном разговоре здорового отношения к себе, как к личности с большой буквы. Никакого вам нашего интеллигентского самокопания, комплексов и рефлексии! Ощущение такое, как будто говоришь не со старушкой преклонного возраста, а с молодой женщиной или даже девушкой. Недаром говорят, что возраст – это состояние души.

Дед Тимофей внешне полная противоположность своей второй половине. Высокий, косая сажень в плечах, абсолютно прямая спина, ни единого седого волоска в густой черной шевелюре и не менее густой бороде, в неизменной шляпе с полями и в довершение ко всему – кавалер ордена Ленина – ну просто «настоящий полковник»! Неизменно в хорошем состоянии духа, очень гостеприимный, всегда за работой в своем чудесном саду. Моя фотокамера зафиксировала его на высоченной лестнице, когда он срывал для нас чудесные сочные и нежные плоды фигового дерева. В 1986 г. он, будучи пресвитером, возглавлял молканскую общину Новоголовки и, как величайшую святыню, показал мне старинную Библию в кожаном переплете, которую чудом удалось сохранить в очень непростое для всех советских людей, а для так называемых «сектантов», к которым огульно причисляли и наших молкан и духоборцев, особенно – сталинское время.

Любимый рассказ бабы Нюры – это сватовство деда. Когда он овдовел, решил посвататься к ней. А она в то время уже довольно давно жила в семье своего сына в городе нефтяников Сумгаите, помогала воспитывать внука. И вот баба Нюра начинает: «А знаешь, сколько баб в селе было? Восемьдесят пять!». «Нет, восемьдесят семь», – спокойно поправляет ее дед. «Ну вот, видишь, даже восемьдесят семь! А он все равно за мной поехал! Да в такую даль! Да на третий

этаж зашел! А внук как услышал, что к бабушке приехали свататься и она, стало быть, может уехать, как заплачет! Тогда дед дал внуку пять рублей, что-то вроде калыма за бабушку, и он тогда успокоился и отпустил меня замуж. А знаешь, как он скучает, когда я сына навещать уезжаю? Нет? Встречает меня на остановке и говорит, что без меня не может! Вот так», – завершает свой удивительный рассказ баба Ньюра. Дед лишь молча улыбается в бороду, да изредка машет на бабушку рукой, дескать, «не преувеличивай!». А под конец не выдерживает и убегает в сад за очередной порцией инжира, не забывая крикнуть нам на бегу: «Отдыхайте, дети мои, отдыхайте!»

Еще баба Ньюра поведала мне, что когда в селе появился первый трактор, они думали, что теперь он все будет делать сам, без особого вмешательства человека. И даже куплеты сочинили в этой связи: «Трактор пашет, трактор сеет, трактор песенку поет». К сожалению, трактор не оправдал возложенных на него больших надежд и по-прежнему доля ручного труда в сельской местности огромна.

В этом доме всегда царила атмосфера искренней любви этих пожилых людей друг к другу, которая своим удивительным светом согревала всех, кто переступал порог их двора. О доме же их хочется рассказать более подробно. Он того заслуживает. Достаточно сказать, что на момент нашей экспедиции ему уже исполнилось 150 лет.

Дело в том, что в окрестностях Новоголовки никаких лесов нет и не было даже во времена первых молоканских поселенцев. Когда строили этот и другие старые дома, лес (а это огромные, в три обхвата бревна) привозили очень издалека. Если спуститься в подвал дома, то на его потолке хорошо видны эти самые большущие бревна, которые и составляют, если так можно выразиться, «костяк» дома. В подвале в старинной деревянной емкости хранится пшени-

ца и другие припасы. Сам дом довольно большой, что тоже поражает воображение, так как на самом деле это всего лишь половина от того, первого домищи, возведенного прадедом деда Тимофея. Когда его сыновьям пришло время жениться, он из одного дома построил два. О его легендарной силе напоминает огромный валун, лежащий во дворе дома, который он отнес в другое место, чтобы не мешал, после чего потерял зрение. Вот такие это были былинные богатыри, не мы! Дома так называемых «кулаков» в годы коллективизации были частично разобраны и пошли на строительство колхозных амбаров, которые в 1986 году еще производили вполне внушительное впечатление.

О прочности этих домов говорит и тот факт, что баба Нюра со своим мужем пережила в нем несколько серьезных землетрясений (Новоголовка расположена в зоне высокой сейсмической активности). Меня поразило отношение этих людей к смерти. Если трясти начинало ночью, они даже с кровати не вставали, справедливо полагая, что «на все воля Божья». Воистину: «По вере вашей да будет вам...»

Хвори душевные и физические

Воду для питья и готовки мы брали из скважины поблизости от того места, где жили. Никто почему-то не предупредил нас, что внутрь ее употреблять нельзя. Но через пару дней мы уже и сами догадались об этом. По закону подлости я стала первой жертвой некачественной воды. Прием всяческих лекарств никакого эффекта не дал. Тогда Миша Козлов пошел в село и у кого-то взял засушенную траву зверобоя, каковую он исправно заваривал, ставил передо мной кружку с целебным напитком и говорил: «Пей до дна».

Две недели я кроме этого самого зверобоя и таблеток

гастрофарма, несказанно пугавших всех своими гигантскими размерами, ничего внутрь не употребляла. Слабость была такая, что когда мы поехали купаться на море, меня из него просто вынесло на берег. Пришлось даже отказаться от похода в гости к директору сельской школы, о чем я, наверное, буду сожалеть до конца своих дней. Дело в том, что среди прочего на стол была подана черная икра, но не в маленьких баночках, а в здоровенных мисках(!). Вот оно, кавказское гостеприимство!

Между тем, почти все сотрудники экспедиции потихоньку пополнили ряды занемогших. Я тихо подозреваю, что без желтухи или чего-то подобного дело не обошлось. Во всяком случае, склеры глаз у всех нас сильно пожелтели. Наблюдались и другие симптомы. Андрей Александрович свалился последним, как и положено капитану корабля. При этом он сразу забыл о врачах, больницах и прочих атрибутах цивилизации, которыми грозился мне и другим сотрудникам, и, как простой смертный, мужественно сносил неизбежное, забаррикадировавшись в своем домике и гоня толпы огромных, очень мохнатых и довольно страшных пауков, почему-то облюбовавших место нашей постоянной дислокации.

Окончательное излечение наше от страшного недуга произошло следующим образом. Как-то раз все уехали на море, захватив с собой цистерну с питьевой водой, за которой мы теперь специально ездили в дальний колодец. Я же осталась в лагере, так как очень плохо себя чувствовала. Вдруг я поняла, что сижу без питьевой воды. Что делать? И тут я вспомнила, что в центре села, в том месте, где раньше была нефтяная скважина, бьет источник минеральной воды. Я принесла целый бидон этой воды и выпила его в течение дня. Что тут началось! К вечеру у меня случилось такое обострение, что я думала – все, это конец.

Зато на следующий день все прошло. Известно, когда лечение эффективно, вначале его часто сопровождает ухудшение состояния. Все наши больные последовали моему примеру и быстро вылечились.

Не могу не вспомнить здесь еще один крайне неприятный эпизод, разыгравшийся в те же дни. К сожалению, наш экспедиционный шофер не отличался особой трезвостью, оправдывая это обстоятельство тяжелым детдомовским детством. Но это было еще полбеды. Дело в том, что округа была наводнена винодельческими заводами, производившими дешевое и некачественное вино, по типу печально знаменитого портвейна «Агдам». Кто-то все время поставлял это пойло (канистрами!) нашему шоферу. Андрей Александрович старался контролировать процесс и беспощадно выливал эту гадость на помойку. Но как-то раз он все же не уследил за нашим «большим ребенком» и тот наклюкался «до чертиков». После чего стал гоняться с монтировкой за «гнилыми интеллигентами», не забывая при этом обзывать нас «жидами» и другими, не вполне литературными, но, видимо, обычными для него в таких случаях выражениями.

Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что в этот вечер С.М. Кузнецова и М.В. Козлов уехали куда-то по делам, и в лагере оставались одни женщины, не считая хвораго А.А. Воронова. Это, видимо, и придало нашему «герою» особую смелость. В первый момент я просто впала в шоковое состояние, так как ни с чем подобным в жизни мне сталкиваться не приходилось. Анечка, студентка биофака МГУ, пыталась привести меня в чувство следующей аргументацией: «Надюша, ну ты нашла из-за чего переживать! Да я еще в школе и не такое в свой адрес слышала, не говоря уже о нашей коммунальной кухне». Но это почему-то показалось мне слабым утешением.

В конце концов А.А. Воронову удалось-таки успокоить дебошира и на следующий день он даже попросил у всех прощения. Но состояние шока у меня, как у натуры крайне впечатлительной, прошло не скоро. Кто бы мог подумать в том далеком теперь уже 1986 году, что пройдет всего несколько лет и подобные заявления можно будет услышать не от допившегося до белой горячки работяги, а из уст вполне уважаемых (по крайней мере, на первый взгляд) политиков и даже, не побоюсь этого слова, некоторых генералов!

“Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай!”

Вся эта история произвела на меня крайне тяжелое впечатление, и я с удовольствием приняла приглашение бабы Нюры переночевать у них дома. Дело в том, что я хотела посмотреть, как она выпекает свой действительно неповторимый хлеб. Но каждый раз, когда я приходила к ней утром, она с гордостью объявляла: «Все уже готово, вот, попробуй, какой вкусный!» И я поняла, что единственное, что мне остается, это прийти к моим «старосветским помещикам» вечером и переночевать, тем более, что баба Нюра опару ставит с вечера. «Заодно и прослежу весь процесс», – подумала я, попросив бабушку разбудить меня ночью, если она будет что-то подмешивать в тесто.

Меня уложили в соседней комнате на пышной перине, к которой еще надо было приспособиться. Долго я не могла заснуть. Мешали духота и злополучная перина, от которой прохладой почему-то не веяло. Наконец я провалилась в долгожданный сон, и, как мне показалось, почти сразу же проснулась от какого-то громкого стука. Оказывается, была уже глубокая ночь, часа эдак три – четыре, и баба Нюра встала, чтобы добавить кое-что в свою опару. Но меня ей было жал-

ко будить, и она тихонько отправилась на терраску, где и происходило священнодействие с тестом. Но дед был начеку! Он стал что есть мочи дубасить в стену и кричать: «Надя, вставай скорее, а то опять опоздаешь!». Я вскочила и таки успела зафиксировать для науки рецепт удивительного хлеба бабушки, которая, немного смахивая на бабу Ягу (но очень добрую!) или волшебницу Бастинду из Изумрудного города, колдовала над тестом при свете тусклой лампочки и яркой звезды, заглядывавшей в окно террасы.

Утром я помогла бабе Нюре разжечь русскую печь и через час мы уже лакомились ароматным, с хрустящей корочкой хлебом. Немного погодя я попросила моих старичков одеться по парадному, чтобы я могла сфотографировать их во всем блеске. Они засуетились, забегали в поисках красивых туалетов (баба Нюра, разумеется), а дед Тимофей, вспомнив о том, что является кавалером ордена Ленина за доблестный труд, решил по такому случаю достать его из сундука. Но длительные поиски, к сожалению, не увенчались успехом, и тогда он вспомнил, что внуки недавно играли с орденом и понял, что теперь найти его будет, ой, как непросто.

И вот, рассматривая те памятные для всех нас фотографии, я вижу бабу Нюру во всем блеске ею же сшитых туалетов (платье темного ситца, оттеняющий его белоснежный фартук и такой же батистовый платок, украшенные изысканной ажурной вышивкой), а рядом в своей повседневной одежде ее верный спутник жизни, сияющий радостной улыбкой и не сводящий с нее влюбленного взгляда. Уже будучи в Москве, я послала бабушке посылку с ситцами, чтобы она могла обновить свой гардероб. А в ответ получила роскошные гранаты и съедобные каштаны. Ну и, разумеется, неизменные семечки, которые мы потом долго уничтожали всем сектором.

Поминки

В Новоголовке же мы присутствовали на поминках по пожилой женщине, умершей сорок дней назад. После службы в молельном доме нас пригласили на поминальный обед, где собралось очень много народа – практически все пожилые люди села. Тогда мне впервые бросилось в глаза, что вначале трапезы обязательно подают чай, причем очень горячий, и только потом закуски и первое блюдо. Это явное заимствование из азербайджанской кухни обусловлено скорее всего необходимостью как можно лучше адаптироваться к необычайно жаркому климату этих мест.

За день до поминок несколько женщин сообща готовят самое трудоемкое блюдо – неперемный у молокан атрибут любого сакрального или торжественного стола – домашнюю лапшу. Мне было крайне любопытно наблюдать весь этот процесс и даже позволено самой в нем поучаствовать. Помню жарко горящую русскую печь (в Закавказье их часто ставят еще и на дворе, чтобы не обогревать летом дом), в которую на специальной длинной палке заносят огромный тончайший блин и держат там некоторое время, чтобы он там немного просушился. А уже потом, сложив его определенным образом, мелко, мелко крошат на лапшу. Вкус такой лапши ни с чем не сравнится и забыть его невозможно! Даже сейчас пишу, и слюнки текут.

На поминках и других сакральных мероприятиях существует определенный порядок рассаживания гостей. Как правило, пожилые люди садятся за отдельный стол, те, которые помоложе - за другой. Хозяйева вообще за стол не садятся, а только успевают ухаживать за гостями, разнося многочисленные угощения. В конце обеда опять подают чай, но теперь уже со сладостями (чаще всего - это выпечка собственного приготовления).

Черный пляж

В воскресенье мы всей компанией отправились на море немного отдохнуть. Остановились на совершенно пустынном, что в тех местах дело обычное, пляже. И тут, выйдя из душевой машины, мы увидели, что песок-то на пляже совершенно черного цвета. Вот это экзотика! Чистый, черного антрацитового цвета, песчинка к песчинке. И тут я вспомнила, что когда-то отец, работавший в свое время на Кубе, рассказывал мне, что там есть знаменитый остров Пинос, по форме напоминающий большую запяную, на котором имеются роскошные пляжи с черным песком, куда, дескать, возят самых почетных гостей. Да, когда-нибудь и в Азербайджане будет свой фешенебельный курорт. Весь вопрос только в том, – когда?

Пробыв на море несколько часов, мы отправились в неблизкий обратный путь. За целый день на пляже появилась только одна машина с семейством, дружной и шумной гурьбой забегавшем в воду прямо в одежде. Из чего мы сделали вывод, что у местных жителей нет традиции проводить свободное время на море.

Верочка

Еще один человек, который очень помог нам в Новоголовке, это Верочка Соболева, которая работала в сельсовете бухгалтером. Она рассказала мне, что еще несколько лет тому назад отношения между молочанами и азербайджанцами были очень хорошими. Соседи помогали друг другу во всем, и каких-то конфликтов между ними не было. Достаточно сказать, что молочане, как пожилые, так и молодые, прекрасно знают азербайджанский язык и свободно на нем изъясняются. Меня поразил тот факт, что когда мама

Верочки рассказывала мне какой-нибудь эпизод, касающийся отношений с соседкой-азербайджанкой, и дело доходило до воспроизводства ее прямой речи, она тут же переходила на азербайджанский и, с непередаваемым местным колоритом и интонациями, продолжала свой рассказ. Она же поведала мне, что многочисленным приемам переработки молока, которыми молокане в совершенстве овладели, их научили соседки – азербайджанки.

Как-то мы с Верочкой зашли в дом ее подруги, чтобы побеседовать с ее родителями, которые, как оказалось, после обеда легли отдохнуть. А подруга между тем стала собирать угощение, и, в частности, поставила на стол копченую колбасу. В этот момент ее отец вышел из дома и присел на крыльце. Увидев колбасу, он очень заволновался и стал на повышенных тонах вопрошать, кивая в мою сторону: «Ты чем же ее кормишь? Ты что же это ей даешь, а? Ну-ка сейчас же убери!» Я была в полном недоумении. И тут девушки засмеялись и все разъяснилось само собой: «Да это папа принял тебя за азербайджанку, которые, как известно, свинину не едят, и испугался, что ты обидишься». Таких примеров внимательного и уважительного отношения друг к другу русских (в данном случае, это были молокане) и коренных народов Кавказа можно привести множество.

К сожалению, в 1986 году, когда мы работали в Новоголовке, ситуация с межнациональными отношениями изменилась в худшую сторону, и молокане оказались там на положении национального меньшинства. Ни одна сколько-нибудь значимая в колхозе должность им не принадлежала. Люди рассказывали, что азербайджанцы, чтобы захватить их участки, ставили свои дома прямо с тыльной стороны молочанских усадеб, постепенно захватывая их земли.

Обычными стали конфликты из-за полива участков (дело в том, что в засушливых местностях этот полив осуще-

ствляется в порядке определенной очереди), которые усугублялись тем, что климат в последние годы меняется в сторону еще более засушливого. Раньше большим подспорьем в хозяйстве служила рыба, в изобилии водившаяся в мелких ответвлениях Каспия, которые подходили чуть ли не к самому селу. Но в связи с обмелением Каспия, вода ушла очень далеко от села, и рыбы не стало.

Поражала чудовищная бедность, сквозившая во всем облике когда-то очень богатого села. Пожилые люди, как правило, жаловались на очень плохое здоровье и отсутствие денег на лечение. Молодежь - на бесконечные поборы начальников разных уровней, начиная со средней школы и далее. Вся эта ситуация усугублялась тем обстоятельством, что Джалилабадский район находился, как я уже упоминала, в глубине огромной пограничной зоны, куда без специальных документов въезд был строго запрещен, и стало быть, был оторван от «большой земли». Многочисленные попытки хождения по инстанциям и жалобы оставались, как правило, без ответа. В результате люди были вынуждены покидать родные места и мигрировать по большей части в Краснодарский и Ставропольский края. На этом примере можно ясно видеть, как тесно переплетаются в судьбах людей экологические, климатические, экономические, этические проблемы и как непросто бывает распутать этот клубок.

Гражданская война в Новоголовке

Татьяна Федоровна Дудина, которая родилась в Новоголовке в 1912 году, поведала драматическую историю из времен гражданской войны в Закавказье. Части Красной армии под командованием молодого командира Волкова вели неравный бой с превосходящими силами противника в окрестностях Новоголовки. В горах Волкова и других военных

взяли в плен и зверски убили. Тогда же мирных жителей впервые стали брать в заложники.

Мать Татьяны Федоровны обмывала труп Волкова. Она занималась народной медициной и помогала односельчанам по мере сил. В тот момент она была в положении и после этого трагического события у нее случился выкидыш, и на следующий день она умерла. Отец Татьяны Федоровны предложил свою одежду, чтобы в нее обрядили Волкова. Но его однополчане отказались, и он был похоронен в военной форме. Хоронили его всем селом на сельском погосте. За остальными убитыми родные приезжали из Пришиба, Калиновки, Привольного (села в окрестностях Новоголовки).

В молебном доме

Еще в первые дни нашего пребывания в Новоголовке А.А. Воронов поговорил с руководителями молоканской общины и попросил для всех нас разрешения присутствовать на воскресном молебне в молебном доме. Таковое разрешение и было им получено и в назначенный день мы, предварительно облачившись - девушки в юбки по щиколотки и блузки с длинным рукавом и платочки, а мужчины в рубашки с длинными рукавами - отправились на службу.

Молебный дом представляет собой обычный жилой дом, который община выделила специально для этой цели. Деревянные стены изнутри украшены вышитыми полотенцами, посреди горницы стоит стол, где обычно сидят чтецы. Вдоль стен лавки для молящихся. В основном служба проходит сидя, но иногда все становятся на колени. Мы скромно сели в сторонке, чтобы не смущать людей и затаив дыхание, стали ждать начала службы.

Сначала человек, назначенный в этот день читать псалмы, стоя, открыл огромную старинную Библию в кожа-

ном переплете и громким речитативом, который до сих пор стоит у меня в ушах, полузапел – полупродекламировал отрывки из писания. Остальные молча слушали, не крестясь (молокане, как мы это уже отмечали выше, не признают обряда крещения и, соответственно не крестятся). И вдруг одна пожилая женщина запела, как мне показалось вначале, очень слабеньким голоском. Кто-то стал ей подпевать, и вот уже все верующие распевают на разные голоса только что прослушанные псалмы.

Я ощутила, как мороз бежит по коже. Такого пения я уже никогда и нигде больше не слышала. Подкатили слезы, но это были слезы радости за этих необыкновенных людей, которые в таких невероятно тяжелых экологических, климатических, экономических, наконец, условиях сумели сохранить себя, свою веру, свою богатую самобытную культуру. Эта молоканская служба в скромном деревянном домике потрясла меня до глубины души и осталась самым сильным впечатлением за все годы полевых исследований в Закавказье.

*“Летайте самолетами Аэрофлота...,
если, конечно, сможете в них попасть!”*

Не могу не вспомнить еще одно путешествие, а лучше сказать непутевое приключение. 30 июля 1987 года, Москва. Я собиралась вылететь в экспедицию, начальным пунктом которой был славный город Ереван, столица тогда еще советской Армении, где меня должны были встречать А.Н. Ямсков и А.П. Павленко. Мой самолет вылетал из Москвы около семи утра. Таксист немного припозднился и, уважив мою просьбу ехать как можно быстрее, развил почти космическую скорость, благо в

тогдашней Москве отсутствовал даже намек на какие-либо пробки. Вбежав в здание аэропорта Внуково, я с облегчением перевела дыхание: очередь на регистрацию моего рейса тянулась вдоль всего здания, стало быть я не опоздала! И я скромно пристроилась в самый хвост вышеозначенной очереди, справедливо полагая, что без меня, дескать, не улетят. Но, никогда не говори «никогда»!

Прошло пять, затем десять минут и я поняла, что очередь не двигается, ну просто-таки замерла на одном месте. Понять, что же происходит, как обычно в таких случаях, было не так-то просто. Наконец мы поняли, что регистрация по каким-то таинственным причинам или идет очень медленно, или вообще не идет. А время неумолимо приближалось к семи часам, то есть к моменту, когда самолет должен был вылететь из Москвы. Народ стал волноваться все больше и больше, все засуетились, стали куда-то бегать, что-то кричать. Это все больше напоминало панику на тонущем корабле.

И вот, когда стрелки часов почти вплотную приблизились к цифре семь, из окошечка высунулась милая девушка и объявила всем стоящим в очереди (а таковых было несколько десятков человек!) что регистрация закончилась, а все не прошедшие ее считаются опоздавшими и вообще говоря могут сдать свои билетки в кассу, с почти полной потерей стоимости, так как больше они им (билетки, стало, быть) не пригодятся. Вот так, коротко и ясно.

Что тут началось с обманутым народом, почти полностью состоявшим из уроженцев солнечной Армении, я просто не берусь описать. Крики, вопли, чертыхания! Все ринулись к вожденному окошечку, пытаясь хоть как-то облегчить свою печальную участь, но оно предусмотрительно хлопнулось, и милая девушка быстренько удалилась в спасительные недра аэропорта Внуково, оставив страждущих вы-

лететь в сторону горы Арарат наедине с их, как теперь принято говорить в определенных кругах, «мышинными проблемами».

Первые несколько минут я пребывала в полнейшем столбняке. Холодный пот прошиб меня при мысли о том, что мои товарищи через два часа приедут встречать меня в аэропорт Звартноц, а я даже не могу предупредить их о случившемся (о, где же вы, где, мобильные телефоны, о которых тогда никто слыхом не слыхивал, видом не видывал!). Страшно заныла левая рука, и стало трудно дышать – верный признак сердечного приступа. Потом я все же сообразила позвонить маме, которая смогла связаться с Алексеем Петровичем и предупредить его. Пришлось стоять в очереди к телефонам-автоматам около 40 минут, так как мои товарищи по несчастью тоже предупреждали своих родных и близких о переносе вожделенного свидания на неопределенное время.

Но что же делать дальше? Как купить билет в разгар сезона? Как и, главное, кому доказать, что ни на какой самолет мы не опаздывали, а нас просто-напросто выражаясь современным языком, «кинули» не вполне порядочные сотрудники аэропорта, видимо за большие деньги продавшие билеты на наш самолет другим людям? И тут наиболее активная часть коллектива решила: нужно написать письмо с жалобой в министерство гражданской авиации и выделить небольшую делегацию, которая непосредственно вручит его какому-нибудь важному дяде для принятия неотложного решения по нашему вопросу. Короче, старый, избитый способ: «Вот приедет барин, барин нас рассудит».

На этом и порешили. Процесс составления письма сам по себе был бы очень забавным, если бы не печальные эмоции, его сопровождавшие. Я очень жалею, что не сохранила его черновик. Было бы сейчас над чем посмеяться. Я попыталась, как могла, его отредактировать. В конце письма шли

наши подписи и это, пожалуй, было самой экстравагантной его частью. Достаточно сказать, что Джульетты и Гамлеты были самыми скромными в этом замечательном списке имен, а учитывая то обстоятельство, что в нем приводились еще и отчества, скучно бы не показалось никому. Ну, вот, кажется и все, ходоки отправились в Москву, прихватив с собой для пущей убедительности целую футбольную команду детишек. А мы остались в томительном ожидании решения нашей не-веселой участи.

Но кто сказал, что в наших рядах царило уныние? Нет, я вас спрашиваю, а что, собственно, такого случилось? Ну, да, самолет таки улетел без нас. Ну и что? Жизнь, оказывается, на этом не заканчивается.

Наш пестрый табор довольно быстро оправился от первого потрясения, вскоре уже слышались шутки-прибаутки, кто-то достал нехитрую провизию, и, поделившись с другими, принялся трапезничать, кто-то вовсю резался в карты. Природные жизнелюбие и оптимизм армянского народа и тут пришли ему на выручку. Да и что сказать, бегая по аэропорту в попытках добиться хоть какого-то вразумительного объяснения случившемуся с нами безобразию, я стала свидетельницей того, как наш солдат, раненый в Афганистане, – молодой парень на костылях, оказался в похо-

Две бабушки-молоканки на улице с. Новоивановка, 1987 г.

жей ситуации и даже к нему отнеслись вполне безразлично.

А дело, между тем, шло к вечеру. И вот наконец-то из министерства вернулась наша делегация и, о радость, с положительным ответом, суть которого сводилась к тому, что все желающие попасть в Ереван, могут вылететь туда утром следующего дня (!), но уже из другого аэропорта (Домодедово). Мы с радостью согласились.

Так закончилось еще одно приключение, связанное с экспедиционными поездками, после которого я стала придерживаться незыблемого правила – приезжать в аэропорт за два часа до начала регистрации, чего и вам желаю. Наверное, не стоит здесь упоминать о том, что никому и в голову не пришло извиниться перед нами, или там, не дай Бог, заплатить компенсацию за моральный ущерб. Искушенный в такого рода вещах читатель и сам понимает, что ничего такого не было, да, по тем временам, и быть не могло. Зато теперь есть о чем поведать потомкам.

На следующий день в Ереване меня таки встретили коллеги по сектору этнической экологии и наш экспедиционный отряд уже под руководством Н.А. Дубовой продолжил работу в Армении и Азербайджане.

Молокане, прыгуны, субботники...

Экспедиционная работа сектора этнической экологии в русских селах отнюдь не ограничивалась территорией Азербайджана. В августе 1987 года мы работали в Армении, где наш отряд под руководством Н.А. Дубовой обследовал села Лермонтово и Фиолетово, расположенные относительно недалеко друг от друга на среднегорном плато. Молокане Армении, как и повсюду в Закавказье, специализируются, в частности, на выращивании изумительной по качеству белокочанной капусты и чеснока, что приносит им неплохой доход.

Бросалось в глаза изобилие мотоциклов, легковых машин, лошадей в личном подсобном хозяйстве и вообще более высокий уровень жизни людей, особенно по сравнению с Новоголовкой.

Достаточно сказать, что в одном молоканском дворе хозяин с гордостью продемонстрировал нам большущий бассейн, где резвились форели, а заодно буквально завалил нас огромными букетами цветов из своего сада.

Потом мы старались обхо-

дить этот дом издалека, так как история с цветами повторялась каждый раз, как только мы показывались на горизонте. В другом доме нас исправно поили парным молоком, что особенно умиляло восторженно настроенных девушек.

В Фиолетово же преобладали прыгунские¹ семьи. Запомнился разговор в семье молодой женщины, у которой на тот момент уже было 7 человек детей. Из разговора с ней я

Молоканская семья из с. Лермонтово, Армения, август 1987 г.

¹ Прыгуны – представители более радикального молоканского толка.

поняла, что для прыгунов это отнюдь не предел (в селе были семьи с 16 и более детьми). И хотя эта семья была не из зажиточных, все дети были хорошо ухожены и, что, пожалуй, самое главное – здоровы.

Молоканское с. Лермонтово. Армения, август 1987 г.

Колоссальное впечатление оставило посещение древнего армянского монастыря Гегард, вырубленного талантливыми зодчими в скалах. Был яркий солнечный день и стены древних базилик мягко отсвечивали розовым светом. Внутри храма было прохладно, сумрачно и очень торжественно. Полумрак слегка рассеивался от многочисленных свечей, которые ставились в специальные поддоны прямо в потемневший от золы песок. Со стен на тебя смотрели старинные мозаики с изображением святых угодников и мучеников.

Когда я вышла из храма, меня ослепил яркий солнечный свет, и я не сразу поняла, что же за суэта происходит на улице. А кругом сновали люди, бродили белоснежные овечки с красивыми платками на шеях, доносился ни с чем не сравнимый запах шашлыка. Оказывается, был какой-то праздник, и люди приводили в храм ритуальных овечек, чтобы священник освятил их. За воротами храма их закалывали и закатывали пир на весь мир. Честно говоря, наш экспедиционный народ (особенно женская его половина) был слегка шокирован таким поворотом дела. Мне кажется, что это еще один яркий пример того, как языческие традиции тесно переплетаются с христианскими. Настолько тесно, что зачастую трудно бывает отделить одно от другого.

Н.И. Григулевич с жительницами с. Лермонтово.
Армения, август 1987 г.

Н.А. Дубова (за что я ей очень благодарна, так как я смогла примерить на себя роль руководителя, оценить, как она нелегка и понять, что я конкретно для нее совсем не подхожу), взяла на себя смелость и отправила меня во главе небольшого отряда¹ в высокогорное село Новоивановка, которое находится на самой границе Армении и Азербайджана. Дорога туда очень живописная, проходит через знаменитое озеро Севан, где мы разумеется, сделали остановку для того, чтобы искупаться. В Новоивановку мы приехали на нашем утлом УАЗике лишь под конец дня, совершенно измученные дорогой, так как наш шофер, будучи впервые на Кавказе, слегка заплутал.

Наш верный УАЗик на фоне школы в Новоивановке, где мы жили. Кедабекский район Азербайджана. Яков Ильин – крайний слева (август 1987 г.)

¹ В него входили студенты московских вузов – молодожены Катя и Андрей (это было их свадебное путешествие), внучка сотрудника нашего Института Юля Кривелева и наш шофер Саша.

На наше счастье дядя Яша Ильин, школьный сторож, о котором нам рассказали ваши коллеги, ранее уже побывавшие в Новоивановке, внял нашим просьбам и истопил для вас баню, выйдя из которой мы почувствовали себя возрожденными к новой жизни и, розовые и счастливые, (что ясно видно на фотографиях, запечатлевших этот радостный момент), расположились под раскидистым деревом в школьном дворе. И дядя Яша поведал нам свою историю.

Как известно, в иудаизме обряду крещения соответствует обрезание. Субботники свято соблюдают этот обряд. В одном из крупнейших субботнических сел Азербайджана Привольном, которое славится своими знаменитыми виноградниками, куда мы заезжали по пути в Новоголовку, в этой связи нам поведали трагикомический случай. Молодой человек, русский, влюбился в девушку из Привольного. Надо отметить, что такие браки обычно мягко говоря, не приветствуются общинами духоборцев, молокан, субботников. Молодые люди стараются создавать семьи внутри общины. Но любовь – страшная сила. Для нее, как известно, преград нет. Молодому человеку было поставлено условие принять субботническую веру, и соответственно, пройти обряд обрезания, что во взрослом состоянии связано с большим риском для здоровья. И молодой человек согласился на это не самое простое условие!

Дядя Яша рассказал нам, что во время войны очень боялся попасть в плен к немцам, которые, как известно, были заняты радикальным решением еврейского вопроса. А еще он поведал нам, что в конце 1939 года, когда мы крепко «дружили» с рейхом, будучи где-то в последних классах школы, он безапелляционно заявил во всеуслышание, что война между нашими странами неизбежна. После чего директор школы схватил его за шиворот и чуть не размозил ему голову об стену.

Жили мы прямо в здании старенькой школы, куда нас пустил все тот же наш ангел-хранитель дядя Яша. И вот в первую же ночь мы проснулись от сильного шума и уже приготовились обороняться от невидимого противника. Андрей вышел на разведку и с удивлением узнал дядю Яшу, который с грохотом разбирал что-то в старых, пыльных школьных шкафах. Оказывается, приехал директор школы и приказал срочно провести инвентаризацию учеб-

102-летняя баба Сара в объятиях Юли Кривелевой. Субботническое с. Ново-ивановка, август, 1987 г.

ного оружия, находившегося на балансе школы. Почему это надо было делать ночью, мы так и не поняли. Никаких межнациональных конфликтов тогда еще не было и в помине, и единственное разумное объяснение, которое приходило на ум - проверить, не стащили ли мы парутройку берданок для личного пользования...

Утром мы, предварительно разделившись на группы, отправились с нашими анкетами по домам. Я, прихватив Юлечку, пошла проведать самую старую

жительницу села бабу Сару. Мы застали ее во дворе, за старинной прялкой. Где и сфотографировали на память. Тогда бабе Саре было уже целых 102 года! Жила она совершенно одна, но полностью справлялась со всем хозяйством. Она рассказала, что всю жизнь праздновала субботу, и соответственно, ничего не делала в этот день. Нельзя даже разводить огонь в печи, готовить, зажигать свет и т.д. и т.п. «А кто же вам помогает по субботам, баба Сара?» - поинтересовалась я. «Да мой сосед - азербайджанец» - невозмутимо ответствовала бабушка.

с. Новоивановка, 1987 г., август.
Мария Ильина печет для нас прощальные пироги

Действительно, в те годы большинство населения Новоивановки уже составляли азербайджанцы, которые, как видно из этого примера, очень уважительно относились к своим соседям - субботникам. Правда, все это было

до печально знаменитого карабахского конфликта, во время которого Новоивановка попала под бомбежки и была практически разрушена. Учитывая, что это было одно из последних субботнических сел в Закавказье, урон, который был нанесен этой самобытной культуре так называемым «локальным конфликтом», не поддается никакому подсчету. Не говоря уже о трагических судьбах ни в чем не повинных людей.

На прощание жена дяди Яша тетя Маша испекла для нас пироги и замечательный хлеб по старинным рецептам в русской печке, что и было мной зафиксировано на фото- пленке. В это же время дядя Яша все подшучивал над Юлечкой из-за ее девичьей худобы и говорил, что ей необходимо поправиться хотя бы до размеров (очень не маленьких!) тети Маши, а то молодые люди ее не будут любить. Юля же между тем, пользуясь как раз хрупкостью фигуры, легко вспорхнула на русскую печку, где ее сияющую рожу я и сфотографировала на память об удивительных людях, встречу с которыми подарила нам судьба.

Ивановка

Наш путь лежал дальше, вглубь Азербайджана, в знаменитое молоканское село Ивановка. Мы должны были выехать рано утром, чтобы затемно успеть добраться до места. Но случилось непредвиденное. Накануне вечером, придя с работы, мы обнаружили нашего шофера в абсолютно нетрезвом виде. Оказалось, что в наше отсутствие он смог добраться до запасов экспедиционного спирта, который хранился на случай чьей-нибудь болезни, и умудрился уничтожить их полностью. Мы несколько приуныли, думая, что теперь не скоро сможем привести его в чувство. Но на следующий день Саша нас не подвел и мы из графика движения не выбились.

Да, чего бы мы стоили без наших героических шоферов!

При подъезде к Ивановке бросились в глаза огромные распаханые поля темного, почти угольного цвета (это дает о себе знать знаменитый горный чернозем) и аккуратные ряды виноградников, протянувшиеся до самого горизонта. Село большое, очень ухоженное (все дорожки заасфальтированы, кругом разбиты цветники, благоухают розы) - прямо черноморский курорт, да и только! Дома добротные, двухэтажные, с большими участками, некоторые даже с бассейнами, печные трубы украшены коваными замысловатыми флюгерами.

Во всем чувствовалась хозяйская рука. И рука эта принадлежала бессменному председателю колхоза имени М.И. Калинина Николаю Васильевичу Никитину (ныне, к сожалению, покойному). Он в течение многих лет был членом ЦК Азербайджанской компартии, что, наряду с выдающимися организаторскими способностями, помогало ему поддерживать высокий экономический статус Ивановки. Ни с чем не сравнимое впечатление произвел на нас сельский дворец культуры, отделанный мрамором, с лепным потолком и паркетными полами. В нем работали многочисленные кружки и секции. Так, моя новая

Внутренний интерьер Дворца культуры в с. Ивановка.

приятельница Люба Житкова, будучи школьницей, возглавляла гандбольную команду Ивановки, с которой они объездили весь тогда еще Советский Союз.

Нас пригласили на свадьбу, которая, как это практиковалось в годы лигачевско-горбачевской всеобщей борьбы со спиртным, была безалкогольной. Нам показали убранство комнаты для новобрачных, которая вся была увешана белоснежными крахмаленными вышитыми полотенцами. Из гостей на свадьбе присутствовали также армяне из соседних сел, с которыми у жителей Ивановки издревле были кунацкие отношения.

Азербайджанцы переняли у русских способ выпечки хлеба в русской печи. с. Ивановка, август 1987 г.

Вообще, отношения с коренными народами Кавказа у молокан всегда были очень тесными и как правило друже-

ственными, что зачастую определялось тем фактом, что они выступали в роли работодателей. Так, азербайджанцы, которых раньше называли «татарами», как правило работали в молоканских хозяйствах пастухами, особенно на отдаленных пастбищах. До революции, когда молокане на Кавказе по благосостоянию занимали одну из ведущих позиций, они выступали посредниками в довольно частых и в те времена межэтнических конфликтах и спорах, иногда даже укрывая в своих домах тех, кому грозила физическая расправа. Этим они завоевали непререкаемый авторитет и уважение среди местных жителей.

В самом селе также живут представители коренных национальностей, но Никитин был категорически против того, чтобы их количество увеличивалось, как это случилось в других русских селах (например, в Новоголовке), где русские фактически перешли на положение национального меньшинства, со всеми отсюда вытекающими печальными для них последствиями. В Ивановке, как и в других русских селах, а может быть и в большей степени, шел процесс взаимной интеграции культур рядом живущих и тесно взаимодействующих народов.

Когда я работала в доме Любы Житковой, которая тогда еще была студенткой географического факультета университета в Грозном, она познакомила меня со своим братом, который учился в Баку в медицинском институте. Закончив учиться, они вернулись в Ивановку работать и до сих пор живут там. То есть в те годы миграция из Ивановки была минимальной. Сейчас, особенно после карабахского кризиса, ситуация изменилась и молодежь все больше подумывает о том, чтобы перебраться в Россию.

Интерьеры молоканских домов - это отдельная тема. Когдаходишь в такой дом, впечатление такое, что все занавески только что накрахмалили и только что повесили, а

пол только что помыли. Все сияет чистотой и уютом. Вообще, трудолюбие у этих людей удивительное. Недаром многие молокане, перебравшиеся в Москву, сделали тут блестящие карьеры. Люба показала мне бассейн в саду и прелестную беседку, всю увитую плющом. А на кухне – итальянскую газовую плиту с пьезоподжигом, о которых мы в Москве в те годы даже и не слыхивали. Потом она несколько раз приезжала ко мне в Москву погостить и мы очень подружились.

Редкие минуты отдыха. Во дворе гостиницы в с. Ивановка, август 1987 г.

Мне нужно было уезжать и чтобы не останавливаться в Баку в гостинице, я воспользовалась любезным предложением одной из жительниц Ивановки переночевать у ее дочери Галины Духаниной, которая жила с двумя дочками (ее муж в это время работал во Вьетнаме) в одном из старых районов города. Это был довольно ветхий одноэтаж-

ный дом с коридорной системой, где мирно уживались армяне, азербайджанцы, русские.

Вообще Баку был в то время наполовину русским городом. На его улицах чаще можно было слышать русскую речь, чем какую-то другую. Теперь ситуация конечно сильно изменилась. Люба Житкова недавно рассказывала мне, что в один из последних своих приездов в Баку, когда она с друзьями гуляла по набережной, какой-то иностранец (как потом выяснилось, это был англичанин), прямо таки атаковал ее, будучи уверен на сто процентов, что она тоже англичанка. Подвели европейские черты лица.

Галя Духанина очень обрадовалась моему приходу, расспросила все новости об Ивановке и своей маме и познакомила меня со своими ближайшими подругами – армянкой и азербайджанкой, которые очень помогли ей, когда она болела. Потом выяснилось, что в соседней комнате жили ее родственники по мужу, стало быть тоже молокане. Но отношения с ними почему-то были более чем прохладные. Потом, когда разразился армяно-азербайджанский конфликт, и произошли трагические события в Сумгаите и Баку, я часто вспоминала этот бакинский скромный домик, где так мирно уживались представители разных национальностей. На следующий день мы отправились с Галей на рынок, и я смогла воочию убедиться, как хорошо она знала азербайджанский язык и как уверенно и с достоинством держалась. Вспоминаю ее с чувством любви и благодарности за настоящее молоканское гостеприимство.

В Грузии: Месхет – Джавахетия

25 мая 1988 года мы прилетели в Сухуми, где нас встретил начальник экспедиции Анатолий Николаевич Ямсков. В отряд входили Лена Оборотова, аспирант Вик-

тор Катунин, моя подруга Татьяна Крылова, студентка Олечка и наш шофер Сергей. Нам предстояло переночевать прямо на берегу моря в местечке Тамыш, где традиционно останавливались, будучи в Абхазии, наши экспедиционные отряды. Это место находилось в отдалении от многочисленных в то время турбаз, и добраться туда мог только наш славный ГАЗ-66, так как по дороге нужно было преодолеть довольно бурный ручей, в котором обитали многочисленные раки.

Погода нам не благоприятствовала, было довольно прохладно для этого уже почти летнего времени года и купаться мы не смогли. Но все равно, было упоительно прогуляться по галечному совершенно безлюдному пляжу, подышать живительным морским воздухом, смешанным с дымом костра, полюбоваться на резвящихся неподалеку стройных молоденьких лошадок. На утро, собрав нехитрые пожитки, мы двинулись в далекий путь в Месхет-Джавахегию, которая находится на границе Грузии с Арменией и Турцией. Это место, где живут потомки русских старожилов – духоборцы.

По дороге сделали только одну остановку в горах, чтобы перекусить и немного размять вконец затекшие ноги. И ближе к вечеру уже въезжали в райцентр Богдановку. Сразу бросились в глаза земляные крыши, покрытые дерном, которые блестели на солнце изумрудной травой и пестрели одуванчиками. Была Троица - один из самых главных религиозных праздников – и по улицам, видимо со службы, шли духоборцы и духоборки в своих необычных, расшитых яркими шелковыми и шерстяными нитками костюмах. Лица их были торжественны, строги и полны удивительного достоинства.

Не задерживаясь в Богдановке, мы проследовали дальше и наконец добрались до основной цели нашего пу-

тешествия – большого духоборческого села Гореловки, бывшей в прошлом столицей Духоборья. Нас встретили сотрудники Института Александр Буганов и Светлана Инникова, к тому времени уже недели две работавшие в Гореловке. Светлана рассказала, что работать им было не просто, люди здесь привыкли никому особенно не доверять и найти общий язык с ними нелегко.

Духоборы на веранде сиротского дома после службы.
с. Гореловка, Грузия, июнь 1988 г.

Действительно, большие, добротные дома были окружены высокими металлическими заборами, из-за которых доносился лай кавказских овчарок, а иногда они сами показывали во всей красе свои огромные мохнатые морды, не предвещавшие ничего хорошего тому, кто вздумает на-

рушить их территорию. Каждый, кто встречался на пути, приветствовал тебя неизменным «Здорово!», на что полагается отвечать: «Слава Богу!».

«Как же преодолеть эти препоны, физические и духовные?» – думала я и ясного ответа не находила. Гореловка расположена высоко в горах (две тысячи метров над уровнем моря). Эти сухие цифры практически означают уровень альпийских лугов. Иными словами там не растут деревья и кустарники, да и вообще что-либо вырастить – большая проблема. В июне, когда мы собственно там и работали, было еще очень холодно, и одевались мы только что не по зимнему. Дома в это время года уже не отапливаются из целей экономии привозного и соответственно, дорогого топлива. Полы в них по традиции делают земляные, что тоже не способствует особому теплу. А первые поселенцы по рассказам их потомков вообще были вынуждены жить в землянках, вырытых на скорую руку в мерзлой земле (на дворе стояла лютая зима). Поэтому до весны ровно половина из них не дожила. Вот в каких суровых условиях ковался духоборческий характер.

Русские крестьяне, исповедовавшие духоборческое учение, проповедовали непротивление злу насилием, отказывались брать в руки оружие и, соответственно служить в армии. За что их жестоко преследовали власти. Когда в начале XIX столетия они получили возможность основать компактные поселения на Кавказе, руководители общины охотно ею воспользовались. Их не испугали расстояния, дикая природа и суровый климат высокогорного края, ставшего для них новой Родиной, и иноэтническое окружение. Переселенцы стоически перенесли все тяготы нелегкого пути и первые, самые нелегкие годы жизни на новом месте.

Но вернемся в июнь 1988 г. Когда я пришла в дом Сластухиных Николая Васильевича и Марьи Петровны, первое, что они сделали – поднесли мне рюмку крепчайшей чачи, что, не скрою, в первый момент меня несколько обескуражило. Но законы гостеприимства, особенно на Кавказе – это дело святое! Потом, просидев за интереснейшей беседой в их доме часа два – три, я поняла, что в Духоборье, с его суровым климатом и земляными полами в домах, без такой «энергетической подпитки» долго не протянешь.

Николай Васильевич рассказал, что уже в 1931 году сослали всю их семью. Бабушку же арестовали. В августе 1933 года они ненадолго вернулись в Гореловку, после чего в конце года их опять ссылают в Сибирь, куда в район Актюбинска они шли три месяца по этапу. Работали на стройке, где сразу же были поставлены на руководящие должности за исключительное трудолюбие. Когда пришло время возвращаться на родину, лагерные начальники не хотели отпускать Николая Васильевича, как самого ценного работника. «Оставайся здесь, там тебя опять закатают на полную катушку» – уговаривали они его. Но зов родной земли оказался сильнее, и хотя мрачные предсказания отчасти сбылись, Николай Васильевич все же возвратился в Гореловку.

Его мать и бабушку в 1937 году посадили в крепость в Ахалцихе, через которую прошло большинство духоборческих семей. В этой крепости заключенных секли на специальном камне. Отец и брат Николая Васильевича пропали в недрах репрессивной системы без права переписки. А бабушка его так и умерла в тюрьме, но уже в Тбилиси.

Такие грустные рассказы я слышала практически в каждом духоборческом доме. Так, Василиса Архиповна

Елецкая тоже рассказала, что родители ее были сосланы и отец так и погиб в ссылке. Видимо такие массированные репрессии сталинских времен объясняются тем, что духоборцы, отличавшиеся удивительным трудолюбием, трезвым образом жизни и общинной взаимопомощью, всегда (особенно до революции) были людьми весьма состоятельными и сплоченными. И чтобы загнать их в колхозы, а заодно прибрать к рукам движимое и недвижимое имущество, нужно было сломать прежде всего их закаленный в борьбе дух.

“Трудись, питайся, духом очищайся...”

В местечке Колонка (сейчас оно называется Балниси) жили немцы-меннониты, с которыми у духоборцев издавна сложились тесные дружеские и деловые контакты. Меннониты в прошлом жили по соседству с духоборцами еще на Молочных водах (Украина). Уроженец Гореловки Владимир Владимирович Тихонов рассказал мне, что каждый немец старался освоить несколько специальностей - кузнечное, столярное, винодельное. Особенно они славились своими фургонами, изготовление которых и переняли у них духоборцы. За такой фургон давали от одной до двух лошадей. И это был очень существенный приработок для духоборческих семей.

Еще один способ натурального заработка - изготовление сыров по кавказским рецептам - практиковался во всех семьях. Вообще, таких молочных продуктов, как в Гореловке, я в жизни больше никогда не пробовала, да и вряд ли еще попробую. Когда мы шли по улицам Гореловки или заходили в какой-нибудь дом, то обычно слышали такой разговор: «Деточки, вы же тут без папы, без мамы, вот, возьмите маслица, творожка, яичек, сырочек свеженький». В результате такой трогательной о нас заботы, когда

в конце июня мы покидали Гореловку, выяснилось, что все экспедиционные припасы у нас остались целы. Такого случая я больше не припомню.

Однажды нам с Таней Крыловой даже предложили самим попробовать сбить масло в деревянной маслобойке. Сменяясь каждые пять минут, мы буквально высунув язык и напрягая все силы с трудом справились с поставленной перед нами непростой задачей. Теперь-то я поняла, почему любимой присказкой духоборцев является «трудись, питайся, духом очищайся».

Высококачественные сыры в Духоборье изготавливали и на государственном сыроваренном заводе. Нам рассказывали, что шли они исключительно на экспорт, ну и в закрытую кормушку ЦК КПСС, разумеется.

Дед Владимира Владимировича Тихонова славился как искусный мастер по отделке седел черню. Сам же хозяин дома

Н.И. Григулевич примеряет традиционный духоборческий наряд.
с. Гореловка, Грузия, июнь 1988 г.

был знаменит тем, что невзирая ни на какие трудности с климатом и высокогорье вырастил около своего дома несколько видов елей, облепиху, черноплодную рябину и другие диковинные для этих мест растения. Достаточно сказать, что ели около его дома - это единственные деревья во всей округе. Этим обстоятельством и объясняется тот факт, что духоборцам из-за отсутствия леса приходилось делать на своих домах живописные земляные крыши, которые, впрочем по словам Владимира Владимировича, никогда не протекали.

Своего пика духоборческое гостеприимство достигло в доме Владимира Николаевича Тимощука, провожавшего сына в армию. Во дворе дома стояли огромные котлы, где варилась знаменитая лапша и другие вкусности. В доме были накрыты длинные столы, ломившиеся от всяческих яств. Но главное испытание заключалось в том, что каждые пять минут родственник хозяев подносил нам по рюмке чаи и дожидался, пока мы ее выпьем. Как мы дошли до своего дома колхозника, где и обитали, я уже не помню.

Центр Гореловки украшает так называемый Сиротский дом, или в просторечии - Сиротская. Это двухэтажный большой деревянный дом, обнесенный галереями, украшенными ажурной резьбой, в котором когда-то находилась резиденция Лукерьи Васильевны, или как ее обычно называют - Лушечки, так называемой духоборческой «Богородицы». Свое название дом получил от находившегося здесь же сиротского приюта для детей, оставшихся без родителей. Тут же находился так называемый дом пожертвований, куда люди отдавали часть собранного урожая, которым в случае необходимости могли воспользоваться нуждающиеся члены общины. Сейчас, как и прежде, здесь по воскресеньям собираются на моления пожилые люди. Мне посчастливилось присутствовать на одном из них.

Духоборцы в своих поисках духовной истины пошли дальше молокан и не признают Библию своей священной книгой. Они также полагают, что Бог находится в сердце каждого верующего человека и для того, чтобы общаться с ним, не нужны никакие посредники. Для них священной является Животная книга духоборцев – сборник псалмов и сказаний, который передается из поколения в поколение. В начале службы каждый присутствующий обменивается поклонами и приветствиями друг с другом, что напоминает своеобразный танец, а затем начинается собственно чтение, вернее пение речитативом псалмов. Все одеты в красочные духоборческие одеяния, которые я неоднократно фотографировала.

Где-то в середине нашего пребывания в Гореловке наши гостеприимные хозяева решили устроить нам пикник в горах, куда, вооружившись разнообразной провизией, мы и отправились в одно из воскресений. По дороге мы заезжали на так называемые «пещерочки» и «могилочки», памятные для духоборцев места, связанные с такими определяющими всю их дальнейшую судьбу событиями, как например, знаменитое сожжение оружия. Дело в том, что хотя духоборцы и проповедовали непротивление злу насиле- ем, оружия в их домах было так много, что его пришлось везти на нескольких возах. Объясняется это тем, что Духоборье располагалось в очень беспокойном месте, на самой границе с Турцией.

Граница же как таковая не была маркирована и уж тем более не охранялась так, как мы к этому привыкли в советское время. Охраняли ее казачьи разъезды, что не всегда было эффективно. Поэтому турки часто совершали набеги на духоборческие владения, охотясь главным образом за породистыми скакунами и женщинами. Духоборцам приходилось быть все время начеку и свои дома они всегда

были готовы защищать. Правда, иногда дело обходилось и без оружия. Так, мне рассказали, что однажды пожилой духоборец, поймав турка на месте преступления, просто-напросто окунул его головой в чан с сырным рассолом и утопил его там. Были случаи умыкания духоборок в Турцию. Кто-то потом возвращался, кто-то навсегда оставался на чужбине.

В «пещерочках» любила гулять Лушечка и нам поведали трогательные рассказы о том, как ее в коляске возили по почти отвесным горам. Старинное кладбище духоборцев тщательно ухожено и находится в очень хорошем состоянии.

В конце нашего пребывания в Гореловке мы дали небольшой банкет или «отвальную» для столь гостеприимно принимавших нас людей. Было много переживаний по поводу того, чем же мы будем угощать наших гостей. В результате к нашему скромному угощению гости добавили свои чудесные пирожки и все прошло как нельзя лучше. Утром нам нужно было выезжать в пять утра, но около десяти вечера гости засобирались – пора было доить скотину. Грустно было расставаться с новыми друзьями, но дорога звала вперед.

В общей сложности мы проработали в Гореловке почти месяц. Успели побывать в окрестных духоборческих селах – Орловке и Спасовке, а также в отдаленных Тамбовке и Родионовке, которые расположены на берегу высокогорного озера Паравани. Нам повезло, так как летом 1988 года Гореловка, Орловка и Спасовка были еще вполне благополучными, их еще не коснулась массовая миграция, или даже бегство в Россию, к великому сожалению характерные для наших дней. По этим прекрасно сохранившимся селам можно было судить о былом высоком

уровне благосостояния, который был характерен для духоборцев края.

На берегах Паравани

Когда мы приехали в высокогорную Тамбовку (2100 м над уровнем моря), природа стала еще суровее и беднее. Прямо под окнами сельской школы, где мы жили, лежал не растаявший с зимы снег и это в конце июня! Озеро Паравани не замерзает даже зимой, так как его питают родниковые ключи, но вода в нем ледяная. Несмотря на это мы купались в нем каждый день практически всем составом, за исключением Анатолия Ямскова, с некоторым презрением наблюдавшего за нашими барахтаниями и визгами.

На маленький экспедиционный отряд на фоне верного ГАЗ-66 и сельской школы, где мы жили. Духоборье. Высокогорное с. Тамбовка. Грузия, июнь 1988 г.

Федосья Степановна Козакова, родившаяся в Тамбовке в 1930 году рассказала мне, что в 1924 году там поселились армяне, бежавшие от резни из Турции. Их предки жили в городе Ардаган. Сначала они попали в район Ахалкалаки, а затем уже в Тамбовку. Температура зимой здесь доходит до минус 30 градусов и шквальный ветер не дает возможности пройти даже до соседей. Все перевалы закрыты и село практически оторвано от других селений.

В Родионовке я познакомилась с Анастасией Алексеевной Веригиной, родившейся там же в 1913 году. Она рассказала, что в хозяйстве ее отца, Алексея Николаевича Веригина насчитывалось до 12 тысяч баранов, 50 коров, 30 лошадей. Семья насчитывала 24 человека. В работники они нанимали грузин, армян и татар (азербайджанцев). Немец-меннонит основал здесь сыроваренный завод, который успешно функционирует до сих пор, в чем мы смогли убедиться, посетив его старенькое здание. Медные котлы, в которых варится сыр, явно еще помнят своего первого хозяина.

Анастасия Алексеевна поведала, что до того, как Родионовку основали духоборцы, здесь жили грузины и даже была грузинская церковь. Ее отец погиб в 45 лет от руки «гитар», когда пытался выгнать со своего поля заплонивших его овец. Иван Степанович Веригин, ее дедушка, несмотря на ссылки и аресты (первый раз его сослали в 15 лет), дожил до 115 лет. Он якобы переписывался с самим Лениным и даже посылал ему деньги.

В Родионовке тоже живут армяне и теперь их пожалуй уже больше, чем духоборцев. Зайдя как-то в армянский дом, я была неприятно поражена тем, что чачу мне никто не преподнес, а мы к этому уже привыкли за месяц работы в духовборческих домах. Пока я беседовала с хозяйкой дома, вдруг почувствовала, как ледяной холод растекается по всему телу

и руки и ноги окоченевают. Пришлось срочно посетить духоворческий дом, где я сразу же оттаяла и пришла в себя.

В последнее время осложнившиеся на Кавказе и, в частности, в Грузии межэтнические взаимоотношения вынуждают духоворцев Грузии возвращаться на свою историческую родину, в Россию. Так, в Чернском районе Тульской области им выделили земли, на которых они пытаются восстановить духоворческий уклад жизни и не дать умереть традициям.

Псху

Возвратившись через Абхазию в Сухуми и захватив вновь прибывших В.И. Козлова, В. Большакова и Н. Лебедеву, мы через озеро Рица отправились в высокогорное село Псху, где издавна русские жили по соседству с коренными народами. Дорога была трудная, иногда приходилось выходить из грузовика, чтобы он мог проехать через горную реку. Самое яркое воспоминание – это заснеженный горный перевал (1800 м над уровнем моря), освещаемый ярким солнцем, на котором мы все играем в снежки. Когда мы наконец-то добрались до места, нам сказали, что это первая машина, которая пришла в село в этом сезоне. И это – вспоминая дорогу – не удивительно!

По некоторым сведениям в Псху, пользуясь его крайне малодоступностью, издавна стекались разного рода подозрительные личности с темным прошлым, а в сталинское время люди скрывались тут от репрессий. Говорят, во время войны до него не смогла добраться даже знаменитая фашистская дивизия горных стрелков «Эдельвейс». Место это действительно легендарное, и кто побывал там хоть раз в жизни, не забудет его никогда.

Высокогорный перевал по дороге к с. Псху. Абхазия, 1988 г.

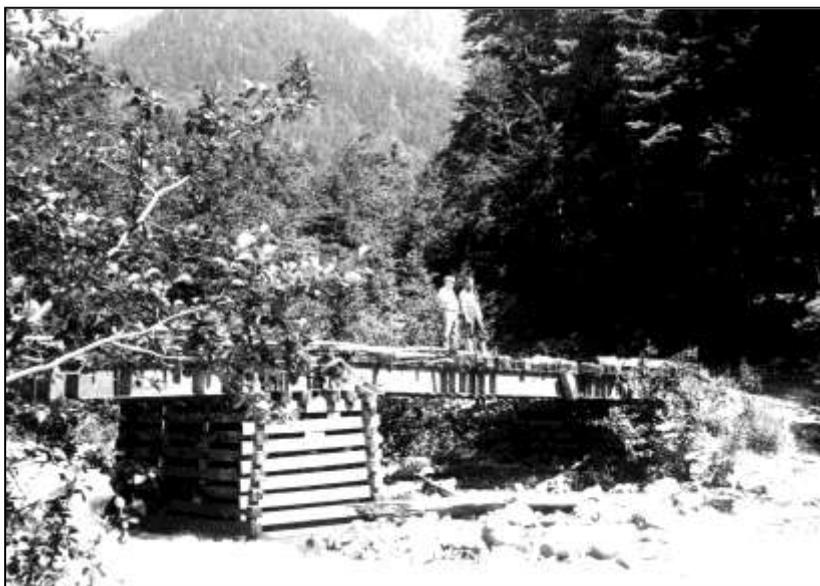
В Псху мы жили в очаровательном гостевом домике, стоявшем у подножия зеленого холма. Когда утром я выходила из него, первое, что поражало воображение - обилие цветов, кустарников, деревьев и чудесный аромат всего этого цветущего и благоухающего великолепия, который буквально обволакивал тебя волшебным облаком, подхватывал и нес куда-то в райские кущи. Конечно, жить в таких условиях, в каких живут люди в Псху, по полгода оторванные от большой земли, с одной стороны очень сложно. Но когда хоть немного соприкасаешься с этой чарующей природой, которой мы, жители больших городов, лишены начисто, понимаешь, что она-то и дает этим замечательным людям силы выживать с достоинством даже в таких непростых условиях.

По дороге в высокогорное с. Псху. Абхазия, 1988.
Слева направо: Н.М. Лебедева, водитель С. Федотов, Рита,
В.А. Большаков, В.И. Козлов, Н.И. Григулевич

Справедливости ради надо отметить, что оторванность от большой земли касалась в большей степени сухопутной дороги. Так, мост, через который с большими приключениями и немалой долей риска все-таки перебралась наша экспедиционная машина ГАЗ-66, действительно не могли отремонтировать в течение многих лет. В то же время в Псху функционировал аэропорт, который принимал легкомоторные самолеты. Правда, они не всегда прилетали по расписанию. Так, В.И. Козлов хотел воспользоваться услугами такого самолета, чтобы вернуться на нем в Сухуми, и они с Володи Большаковым отправились к месту предполагаемой посадки, но самолет просто-напросто не прилетел. И пришлось Виктору Ивановичу возвращаться вместе с нами уже известной нам очень трудной и главное очень тряской горной доро-

гой. Но в тесноте, да не в обиде! По пути мы пели песни, шутили и дорога не показалась нам тяжелой.

Сломанный мост на дороге к с. Псху. Абхазия, 1988 г.

Большинство населения Псху – это потомки, как правило, уже смешанных браков русских (беженцев всех времен и народов, начиная чуть ли не со времен крепостного права) и кавказцев, что видно и из преобладающих фамилий. Ольга Владимировна Квацба рассказала, что большинство людей, наряду с общегосударственными, соблюдают православные праздники и посты. Своих детей они крестили в церкви в Сухуми.

В хозяйстве у них коровы, бычки, телята, 6 свиней. Одна из свиноматок недавно опоросилась и по двору бегали совершенно очаровательные поросята, некоторые из которых были раскрашены дикой раскраской - с полосками на спине,

из чего хозяева делали вывод, что их хрюша согрешила с диким кабаном.

Муж Ольги Павел Петрович Квацба рассказал мне, что раньше мужчины охотились в лесу на диких животных (кабанов и коз), а теперь на этой территории заповедник, но рыбу, особенно знаменитую своим нежнейшим розовым филе форель, они продолжают ловить. А вот начальство, часто навещающееся на вертолетах из Сухуми на рыбалку, не долго думая просто глушит и травит рыбу чем попало.

Светлана Кантария, директор сельской школы, поведала нам, что когда-то здесь жили убыхи - близкий к абхазам народ, который переселился в Турцию во время войны с Шамилем. Она также сетовала на заброшенность и отдаленность села от цивилизации. По ее словам немцы, во время войны пытавшиеся захватить Псху, назвали эти места «заброшенной кладовой». Всего население села на момент нашего обследования составляло 250-260 человек.

На всю жизнь я запомнила эти прозрачные, покрытые легкой дымкой холмы, с благоухающим ковром диких цветов, по которым на резвых скакунах гарцевали потомки гордых и независимых людей, предпочитавших далекое изгнание и жизнь на чужбине рабству и подневольному труду на родине. Мы пробыли в этом чудесном месте всего три дня, но эти дни врезались в память на всю жизнь как воспоминание о чем-то удивительно радостном и прекрасном.

*Большое видится на расстоянии...
(вместо заключения)*

Итак, мой рассказ об удивительных приключениях научных сотрудников на Кавказе подходит к концу. Это были замечательные, незабываемые годы. Впечатления об этих поездках останутся одними из самых ярких и радостных воспоминаний за всю мою жизнь, хотя с тех пор прошло уже более десяти лет и я успела побывать в самых разных уголках как нашей страны, так и за рубежом. Тем яснее я вижу сейчас все детали и перипетии нашей работы в Закавказье, и тем более ценной и важной она мне представляется. В те годы, когда проводились эти исследования, нам и в голову не могло прийти, что могут наступить такие времена, когда те поселения (особенно это касается русских сел на Кавказе), где мы работали, практически полностью обезлюдуют и соответственно, придет в упадок замечательная культура, носителями которой являлись молокане, прыгуны, субботники и духоборцы.

Преследовавшиеся царским правительством за «раскол», сектанты в XIX веке расселялись на Кавказе с таким расчетом, чтобы с одной стороны изолировать их от православных, лишив тем самым возможности обращаться в свою веру новых прозелитов, и с другой - усилить русское влияние в крае. Чтобы стимулировать миграцию, сектантам были предоставлены различные льготы. К таким льготам относились в частности паспорта для свободного передвижения и торговли по всему Закавказью, которое довольно быстро покрылось сетью сектантских поселений.

Жители русских поселений, расположенных вдоль государственной границы, выполняли, как мы это видели, например, в Духоборье, роль ее добровольных защитников. Зачастую русских селили в совершенно необжитых,

плохо пригодных для жизни местах, как, например, в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии. Но постепенно поселенцы налаживали свое хозяйство и со временем приобрели славу непревзойденных хлеборобов и животноводов. Не чурались они и различных приработков. Кавказский наместник князь Воронцов свидетельствовал, что «с тех пор, как стали селиться в Закавказском крае русские поселенцы, там открылись промышленность и ремесла, с которыми не были знакомы местные жители, появились извозчики, каменщики и другие мастеровые»¹.

История и современное состояние русских поселений в Закавказье являются прекрасной моделью для изучения динамики адаптации малых этно-конфессиональных групп в условиях иноэтнического окружения и непривычных природных условий. Сектор этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН с 1986 года разрабатывает эту проблему, которая в последние годы в связи с ростом напряжения в межнациональных отношениях на просторах СНГ приобрела особую актуальность.

В результате многолетних исследований мы пришли к выводу, что система тесных взаимосвязей, сложившихся между русскими поселенцами и коренными народами к началу XX века и обеспечивавшая стабильность культурно-хозяйственных и межнациональных отношений, сегодня оказалась в значительной степени разрушена. Процесс разрушения традиционных форм взаимосвязей развивался на фоне общего экономического кризиса, который характерен для территории всего бывшего Советского Союза. В местах контактных зон соприкосновения двух или более этносов экономический кризис приобретает особую остроту, так как усугубляется межэтническими противоречиями.

¹ Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1901. С.129

Ситуация с русскими старожилами в Закавказье на первый взгляд довольно спокойная. До прямой конфронтации дело там не доходило, если не брать в расчет суботническое село Новоивановку, практически стертую с лица земли во время карабахского кризиса. Русские старожилы, живущие на протяжении последних 150-170 лет в Закавказье, издавна пользовались большим уважением коренных жителей, которые высоко ценили их трудолюбие, предприимчивость и умение успешно хозяйствовать даже в самых экстремальных природных условиях.

Русские села, как более благоустроенные и отличавшиеся более высоким уровнем жизни, стали местом притяжения местных жителей, которые в настоящее время как правило уже составляют большинство их населения. Живя бок о бок с русскими, коренные народы перенимали более прогрессивные агротехнические приемы и даже некоторые сельхозорудия.⁹ Они познакомились с гречихой и картофелем и по примеру русских стали активно заниматься пчеловодством.¹⁰ В свою очередь русские также заимствовали у кавказских народов ряд сельскохозяйственных орудий, садовых и огородных культур. Кроме того они заимствовали опыт зимнего выпаса скота у соседних кочевых и полукочевых групп овцеводов-азербайджанцев.¹¹ Мои полевые материалы свидетельствуют и о глубоком взаимном про-

⁹ Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Закавказье (середина 19-20 вв.) // Советская этнография. 1988. № 6

¹⁰ Григулевич Н.И. Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов в Армении // Советская этнография. 1990. № 1

¹¹ Ямсков А.Н. Новоивановка: история селения и крестьянского хозяйства // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии.

никновении такой традиционно консервативной области материальной культуры, какой является народная кулинария.¹² Процессу взаимного заимствования наиболее выгодных в данных экологических условиях компонентов культуры жизнеобеспечения весьма способствовали добрососедские отношения, сложившиеся между представителями различных наций и хорошее знание русскими местных языков. Особенно возрос авторитет русских после того, как они выступили в роли посредников во время периодически вспыхивавших армяно-мусульманских (или татарских, как их по старой привычке называют местные жители) столкновений.

Показателем социокультурной адаптации русских старожилов (молокан, духоборцев, субботников) является и тот факт, что после революции 1917 года и начавшихся затем межнациональных столкновений, большинство поселков недавних переселенцев из России пришли в упадок, в то время как селения русских старожилов в основном сохранились.¹³

В последние годы ситуация в русских старожильческих селах резко ухудшилась. Вся власть в них как правило сосредоточена в руках представителей коренных национальностей, при попустительстве и прямом участии которых процветают местничество, взяточничество, различные поборы. Население жалуется на крайне низкий уровень медицинского обслуживания, а иногда и его полное отсутствие, плохое качество воды, полное пренебрежение администрации к нуждам простых людей, а часто и на грубость и унижение их человеческого и национального

¹² Grigulevich N.I. The Doukhobors of Georgia: traditional food and farming // Spirit-Wrestlers' Voices. Honouring Doukhobors on the Centenary of their migration to Canada in 1899. Toronto. 1998. 251

¹³ Козлов В.И. Указ. соч.

достоинства. В этих условиях отношения между представителями различных национальностей давно уже далеки от идиллических. Молодежь, как правило, старается уезжать из родных мест, причем миграция идет преимущественно в сельские же районы России, что говорит о том, что при благоприятных условиях они никогда не покинули бы родные земли. Отток русского старожильческого населения из закавказских республик (теперь уже ставших суверенными странами) ведет фактически к гибели целого пласта самобытной национальной культуры, что не может не вызывать тревоги.

Это тем более обидно, если вспомнить, что в Канаде русские переселенцы – духоборцы, поселившиеся на пустынных землях в провинции Саскачеван и превратившие их в цветущий сад, смогли донести до наших дней свою самобытную культуру, издают газеты и журналы, посылают своих детей учиться за границу (в частности, в Россию), а наши духоборцы и молокане, представители других этноконфессиональных групп русских вынуждены в мирное время покидать свои дома и ставшую родной для них землю.

С 1959 г. по 1979г. численность русских например в Азербайджане сократилась с 61,8 тыс. человек до 27,1 тыс. человек.¹⁴ В последние годы этот процесс лавинообразно нарастает. Относительно спокойно эти события развиваются потому, что русским, в отличие от скажем, турок-месхетинцев, есть куда уехать. Кроме того, на их психологии весьма сказывается идея «непротивления злу насиле-ем», вообще говоря, характерная для духоборцев и молокан и не позволявшая им, например, принимать участие в каких-либо военных действиях.

В заключение хочется выразить сожаление, что с началом Карабахского кризиса сектор этнической экологии

¹⁴ Козлов В.И. Указ. соч.

был вынужден прервать столь плодотворно протекавшие на протяжении многих лет исследования в Закавказье. Логика развития научных исследований такова, что теперь будет довольно трудно возобновить их в прежнем объеме. Поэтому так важно было еще раз обратиться в прошлое наших экспедиционных будней и вспомнить это замечательное время, этих удивительных людей и свои приключения на такой прекрасной и незабываемой кавказской земле.

Н.А. Дубова

***Не всегда серьезные
воспоминания о медико-
биологических изысканиях
в Абхазии и Азербайджане***

Комплексность – это замечательно, но не просто.

едицинские и антропологические исследования в Абхазии... Не будучи участником первых экспедиций по изучению долгожительства в этом чудесном уголке Причерноморья, не могу поделиться своими впечатлениями о начальных стадиях работы, о разработке программы, маршрутов, выборок и пр. Но в памяти остались отзвуки этого грандиозного комплексного начинания, которые за многие сотни километров дошли и до столицы, благодаря впечатлениям и рассказам участников полевых выездов, обсуждениям на заседаниях сектора, на ученых советах. Очень хорошо помню, что еще при зарождении этой темы, меня как исследователя привлекла в ней идея комплексного изучения значительной части населения Абхазии. Комплексность обследования должна была выразиться в том, что каждый долгожитель и члены его семьи, а также контрольная выборка семей «недолгожителей» прошли бы обследование по всем методикам, которые планировалось применить и на каждого пробанда был бы заполнен своего рода «паспорт», где нашли бы отраже-

ние результаты всех обследований. Это, прежде всего, генеалогическое описание всей абхазской популяции; затем подробное медицинское исследование, включавшее осмотры обследуемых терапевтом, невропатологом, офтальмологом, получение кардиограммы, электроэнцефалограммы, общего и специальных анализов крови; кроме того, изучение общих размеров тела, конституции, показателей физического развития, признаков, характеризующих биологический возраст индивидуума (в том числе рентгенографических), исследование кожного узора пальцев и кистей рук, особенностей морфологии зубной системы, изучение размеров и описательных характеристик головы и лица; получение сведений о материальной культуре абхазов, бытующих среди них обычаях, обрядах, традициях; сравнительное психологическое изучение населения, включая разнообразные тестовые и другие методики; сбор демографической информации по данным текущей статистики и в архивах; исследование системы питания семей, где есть долгожители и где их нет, этнографическими и диетологическими методами; социологические опросы с различными целями; составление пофамильного состава популяции и история его сложения, а также другие, не упомянутые мною программы. Столь разнообразного исследования, мне представляется ни антропология ни этнография-этнология ранее не знали.

Материал, который был бы получен в результате разработки данного проекта, мог дать ответы на множество вопросов, волновавших умы исследователей не только в аспекте феномена долгожительства, но и во многих других. В частности, применение в одной и той же группе медицинских и антропологических методов исследования, могло бы существенно развить представления о факторах, влияющих на появление и развитие заболеваний различной

этиологии, дало бы медицине основания по новому оценить степень эффективности лечения в зависимости от индивидуальных (в том числе и конституциональных) свойств человека... Знание реальных родственных взаимоотношений в группе, точное определение круга брачных связей сделало бы возможным, с одной стороны, оценить как внутри- так и межпопуляционную изменчивость разнообразных характеристик человеческого организма, а с другой выявить степень однородности многих этнографических параметров абхазов...

В Сухумском обезьяньем питомнике, 1969 г.

Одновременное применение социально-психологических методик и получение электроэнцефалограмм, изучение неврологического статуса показало бы степень взаимозависимости индивидуальных базовых (физических) характеристик человека с воздействием социальной среды...

Перечисление можно было бы продолжать достаточно долго. Но, к сожалению, реальная комплексность даже на уровне сбора материала не была достигнута полностью. Несмотря на значительные усилия руководителей проекта В.И. Козлова, А.А. Зубова и представителей науки США, многие проблемы так и остались нерешенными, включая даже тот самый «паспорт обследуемого». Вопросы возникали на каждом шагу. Например, одна из самых важных отправных точек любого обследования – формирование выборки.

Здесь сталкивались самые противоположные подходы. Например, исследователи, которые занимались построением генеалогических схем абхазских сел - И.И. Крупник и М.А. Членов с помощниками – придерживались патрилинейного метода построения их¹⁵. То есть при выяснении родственных связей пробанда (как мужчин, так и женщин) учитывались его родственники только по мужской линии; «женский долгожительский вклад» в расчет не принимался. Специалистами из других подразделений Института, в частности, Г.М. Афанасьевой, высказывалось, с моей точки зрения, совершенно обоснованное мнение о неполноценности такого рода схем, которые по указанной причине не охватывают все население изучаемой популяции, не фиксируют всех родственных связей, имеющих в группе. Получаемые таким «усеченным» путем схемы не могут в дальнейшем служить материалом для расчета генетических показателей о степени инбридинга, о реальном репродуктивном объеме популяции и др. Учитывая разные обстоятельства, материал собирался первым методом. Но эта дискуссия сыграла немаловажную роль и, не исключено, что явилась своеобразным толчком для Г.М. Афанасьевой, которая через несколько лет не только разработала свою методику сбора таких данных, но и собрала колоссальный по объему и по территории охвата материал, подготовила несколько учеников.¹⁶

¹⁵ См., например, Крупник И.И., Членов М.А. Генеалогии в изучении абхазского долгожительства // Абхазское долгожительство. М., 1987.

¹⁶ Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Опыт генеалогических описаний (на примере чукчей) // Советская этнография. 1986; № 3; Они же. Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о номенклатурах родства и брачных нормах // Методика этнологических и антропологических ис-

Второй, намного более близкий мне по кругу интересов, пример, о всех гранях которого, конечно же больше могли бы поведать другие антропологи, в частности Г.А. Аксянова и А.А. Воронов, руководившие не один год антропологическим отрядом в составе комплексных экспедиций. Тем не менее, и мне пришлось столкнуться с этой проблемой уже «на закате» данного исследования и при проведении следующего – комплексного изучения адаптации русских старожилов Закавказья. Я имею в виду подход к выборке медиков-геронтологов и антропологов. Геронтологи, уже в силу своей специфики изучают процесс именно старения организма, а не возрастных изменений его в целом. Медицина, как мне уже неоднократно приходилось отмечать¹⁷, исходит из представления не индивидуальной, а общей для всего человечества «норме» развития, поэтому и возрастную динамику различных показателей у долгожителей можно, с ее точки зрения сравнивать с этой «общечеловеческой нормой». Поэтому-то основной вы-

следований. Книга 1. М., 1992; Афанасьева Г.М. Традиционная система воспроизводства нганасан (проблема репродукции обособленных популяций). Ч. 1-3. М., 1990; Она же. Чукчи. Популяционно-демографический статус (вторая половина XIX – первая половина XX вв.). М., 1999; Она же (Ред.) Современные тенденции репродуктивных процессов у народов Севера (Социально-демографический аспект). М., 1996; Пивнева Е.А. Манси. Популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII-XX вв.). М., 1999 и др. К сожалению, подобные фундаментальные работы проводились пока, как видно из перечисленных публикаций, только для народов Севера.

¹⁷ См., например, Дубова Н.А. Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология. Теория и практика. М., 1991; Дубова Н.А., Созинова Н.Д. Антропологический подход к характеристике заболеваемости // Вестник антропологии. Вып. 4. М., С. 17-29 и др.

боркой геронтологов являются венно долгожители, т.е. население старше 80-90 лет и как контрольная группа – люди старческого возраста, т.е. старше 60 лет. Антропологи же, как хорошо известно, изучая изменчивость показателей внутри всей популяции, в идеале должны обследовать население всех возрастов, т.е. от рождения до глубокой старости. Но это только в идеале. На самом деле все исследования возрастной динамики антропологических признаков можно разбить на две группы: во-первых, изучение детей и подростков, т.е. процесса формирования различных особенностей организма человека, и, во-вторых, оценка изменчивости характеристик во взрослом состоянии. Первая группа работ охватывает возраст от 5 (иногда 3 или 7 лет) до 20-25 лет; вторая – от 20-25 лет до 60 (редко до глубокой старости). Каждая из этих групп обладает своей, достаточно обширной библиографией, имеет свои хорошо обоснованные выводы, но произведения, посвященные изучению всего возрастного ряда, практически отсутствуют как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Кстати сказать, мы постарались исправить это положение при исследовании русских старожилов Закавказья, включив в анализ антропологические признаки населения от 5 лет до глубокой старости...¹⁸ Но вернусь к долгожителям.

Главная исследовательская коллизия заключалась при начале работ в том, что киевляне из Института герон-

¹⁸ Дубова Н.А. Особенности антропологического типа русского сельского населения Азербайджана // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. М., 1989. Ч. 2. С. 104-135; Она же. Антропологический облик русского сельского населения Закавказья // Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1992. С.161-198 и др.

тологии АМН СССР под общим руководством в то время замечательного невропатолога, великолепного диагностика С.М. Кузнецовой привычно для себя считали необходимым обследовать абхазов старше 60 лет, а антропологи НИИ и Музея антропологии МГУ, изучавшие общие параметры тела, лидером которых был неординарный человек, вдумчивый исследователь О.М. Павловский, должны были получать параметры «зрелой» части популяции – от 25 до 60 лет. Таким образом, уже здесь нарушался тот самый принцип комплексности, который был заложен в основу всего проекта. Положение усложнялось тем, что «долгожительские» семьи, т.е. те, где были зафиксированы люди, прожившие более 90 лет, необходимо было сопоставить с «недолгожительскими», изучив представительные выборки из обеих частей популяции. Самым простым выходом в этом случае было бы именно то, что и предполагалось изначально - обследование всех пришедших по всем программам. Но полный медицинский осмотр занимал в среднем 1,5–2 часа, в некоторых случаях затягивался до 3-4 часов, обследование же антропологов длилось не более 0,5 часа, что, с одной стороны, вело к уходу какой-то части приглашенных, а с другой, к перегрузке одних членов экспедиции и нерациональному использованию времени другой. В то же время загруженность всех участников проекта разнообразными текущими работами, ограниченные финансовые возможности и обычная, несмотря на международный статус мероприятия, нехватка «расходных материалов» (реактивов, бумаги для кардиографа, энцефалографа и пр.) не позволяли сильно увеличить длительность полевого сезона. Поиски компромисса продолжались все время работы над проектом и даже после этого – при разработке темы «Адаптация русских старожилых Азербайджана». Все же, и геронтологи сочли необходимым исследовать

дование контрольной выборки населения моложе «долгожильческого возраста», и антропологи стали обследовать население всех возрастов.

Абхазское гостеприимство

В 1981 г. я также была приглашена для участия в работе этой экспедиции, уже практически на завершающем этапе работы над проблемой. Мне поручили руководить небольшой группой, в которую входили Нина Сергеевна Смирнова – замечательный человек, великолепный морфолог, прекрасный знаток всех нюансов конституции человека из НИИ антропологии МГУ; Витя Воинов – студент каф. антропологии МГУ, интересовавшийся вопросами именно соматологии и неизвестно куда пропавший после окончания университета, и Александр Иосифович Дубов – антрополог и этнограф, хорошо понимающий морфологию лица, разработавший именно в эти годы свой подход к определению внешних признаков постарения организма.¹⁹ Наша группа была приписана к отряду Андрея Александровича Воронова, исследовавшего в тот год абхазов с. Аа-ци. Мы же были автономным образованием именно ради того, чтобы обеспечить одновременное обследование по медицинской и антропологическим программам населения абхазского с. Дурипш Гудаутского района. В Дурипше, кроме нашей группы, работали геронтологический отряд под руководством Владимира Александровича Большакова и этнопсихологи, которых возглавляла Галина Васильевна Ста-

¹⁹ Дубов А.И. Динамика изменчивости некоторых морфологических признаков «постарения» в двух этнических группах // Актуальные вопросы геронтологии и гериатрии. Материалы II республиканской конференции. Тбилиси, 1982.

ровойтова. Все мы размещались на двух этажах средней школы, расположенной в самом центре села.

Из множества впечатлений от этой поездки хотелось бы выделить прежде всего те, которые я назвала для себя «суровыми условиями абхазского гостеприимства». Они связаны с тем методом сбора представительной антропологической выборки, который решено было использовать, исходя из отмеченных выше особенностей материала, необходимого геронтологам и антропологам. Для того, чтобы иметь представление о представителях всех (или практически всех) поколений, живших в то время в Дурипше, мы с А.И. Дубовым и В. Воиновым предприняли попытку измерения и описания головы и лица жителей села по домам, т.е. не приглашая их специально для обследования в стационар, устроенный для геронтологов в местной больнице. Кроме того, каждый день с утра мы проводили свои измерения людей, приглашенных на медицинское обследование.

С середины дня мы совершали обход улиц Дурипша, заходя в каждый дом и прося разрешения измерить всех его жителей старше 5 лет, кто находился дома. Организовывал наши походы и представлял нас молодым и пожилым абхазам «прикрепленный» к нам председателем колхоза Костя Габния – директор Дурипшского краеведческого музея. Большую помощь оказала нам также Уля Герзмава и вся ее семья. Думаю, что всем, побывавшим не в курортных районах Кавказа, не надо подробно объяснять, как тепло и сердечно встречают там хозяева гостей. «Суровость» этих условий заключалась в том, что в каждом доме гостеприимный хозяин считал своим долгом обязательно не только накормить нас всем, что рождает абхазская зем-

ля (фруктами, конечно же, мамалыгой – кашей из кукурузной муки, прекрасно приготовленной курицей, сулугуни и пр.), но обязательно и вдоволь напоить нас великолепным домашним абхазским вином из винограда «Изабелла». Больше того, любое застолье начиналось с нескольких рюмок чачи – крепчайшего (доходящего 70⁰) виноградного спирта домашнего же изготовления. Наша задача состояла в том, чтобы любыми способами, не обидев хозяев, постараться употребить минимум-минимум спиртного, т.к. за день надо было обойти не менее 20-25 домов, чтобы к окончанию работы экспедиции была бы получена вполне представительная антропологическая выборка и чтобы цифры, полученные нами в конце рабочего дня, адекватно отражали реальные размеры обследуемых.

Неоценимую помощь оказывал нам Костя, хотя стоило это ему очень немало. Спасла нас, на самом деле, не очень радостная деталь. Незадолго до приезда экспедиции в Дурипш Косте была сделана серьезная операция, и ему было строжайше запрещено злоупотреблять не только спиртным, но и различными кулинарными изысками. Все в селе это знали и не могли подвергнуть тяжелейшему испытанию своего друга. Но не оказать нам гостеприимства совсем они тоже не могли. Так, в этом «единстве и борьбе» мы и проводили свои работы. Один особо яркий случай до сих пор временами возникает в памяти. Вторая половина дня, часа четыре. Наша группа прошла уже несколько домов, где смогла оценить и вкус мамалыги, и твердой и жидкой виноградной продукции, и пр. домашние блюда. Заходим в очередной дом, проводим необходимые измерения... Пока мы определяем характеристики у последнего из находившихся дома, обращаем внимание, что как обычно накрывают стол со всеми описанными выше деталями. Умоляюще смотрим на Костю. Он начинает вежливую, но

эмоциональную беседу на абхазском языке с хозяйкой, объясняя ей, в частности, что до захода солнца остается еще достаточно времени, что нам необходимо проделать определенный объем работы и пр., пр., пр. Хозяйка, кажется, входит в наше положение, мы угощаемся со стола необходимым минимумом, от всего сердца благодарим и небольшой «стайкой» движемся в сторону калитки. Но не тут-то было. Почти подойдя к замечательной колючей естественной изгороди из дикого мандарина, которой огорожен каждый абхазский участок, мы оборачиваемся, чтобы последний раз попрощаться и поблагодарить хозяев и что же?... Из дома, пытаясь отрезать нам дорогу к отступлению и делая для этого «семимильные» шаги, бежит худощавый высокий хозяин. В руках он держит обеденный стол, накрытый скатертью, края которой развеваются по ветру. Стол почти полностью накрыт – не хватает только тарелок, столовых приборов и, конечно же, рюмок. Но все это несет также спешащая вслед за хозяином его жена. Стол ставится поперек дорожки прямо перед нами, тут же появляются стулья, и... что же нам оставалось делать в этом случае, как не произносить тосты за гостеприимство!

Думаю, что многие, не ездившие в поле и не собиравшие антропологический и этнографический материал, скажут: «Да зачем же все эти сложности? Вам поручено провести обследование. Вы больше в это село скорее всего никогда не приедете. Чего считаться-то с тем, что фактически мешает работе?! Сами, небось, любители домашнего вина и проч., поэтому и делали вид, что не можете отказаться!» Но в том-то и состоит, с моей точки зрения, специфика этнографии (да и антропологии тоже), что мы не имеем права нарушить те традиции, которые имеют место быть в том сообществе, которое изучается. Чтобы люди поверили нам, этнографу рассказали о том, что семья хранит не одно поколение, антропологу разрешили себя изме-

рить, а то и взять отпечатки пальцев, образцы крови из вены или хотя бы пальца, надо, прежде всего, уважать этих людей, их обычаи и законы. Конечно же, надо уметь и отличить истинные традиции от выдуманных, искреннее гостеприимство от боязни послушаться «начальство», пришедшее исследователей. Этим, наверное, и отличается специалист от дилетанта. Одним из лучших показателей успешности проведения экспедиции в этом отношении является возможность не один раз вернуться в то село, кишлак, деревню, аул..., где исследования проводились ранее, и встретить радушный прием. Более того, если исследователю удалось расположить к себе население в первый приезд, в последующие жители встречают его уже почти как своего. Могу сказать, что и другому специалисту из того же учреждения или той же специальности, «отзывается» то, как работали в этих селах до него. За все мои 30 с лишним экспедиционных выездов, прежде всего в Средней Азии и в Приуралье мне приходилось сталкиваться и с хорошей памятью людей, которая очень помогала, и с осторожной, которая зачастую даже лишала возможности проводить исследования. Видимо, как и медику, этнографу, этнологу, антропологу необходимо всегда помнить девиз «не навреди!».

*«А дорога серою лентою вьется,
справа поворот - осторожно, шофер!...»*

Сколько путей-дорог удалось пройти и проехать за все годы работы в экспедициях. На каждой было что-то особенное, трудное, веселое, забавное... Нельзя ни слова не сказать о водителях наших «боевых машин этнограф-антрополога» – ГАЗов и УАЗов. В своих очерках многие из нас о них вспомнили, в каком-то контексте далее и в моем

тексте некоторые из них тоже упомянуты. Немало сведений об этом содержится в очерке А.Н. Ямскова, но тема эта – поистине необъятна. Не буду уж говорить обо всех водителях, с которыми меня сводила экспедиционная жизнь, т.к. к юбилею сектора этнической экологии это отношения не имеет, но шофер в экспедиции (конечно в той, где есть автомашина! в той, где ее нет – все по водителю тоскуют) занимает такое важное место, что и я не «могу молчать». Первый водитель, которого необходимо упомянуть в связи с исследованиями на Кавказе, в которых я принимала участие – это Юра (фамилию уже не помню). Вклад его в сбор антропологических данных был забываем. Не буду уж подробно описывать, почему, когда и как мы выехали на его машине из Дурипша в Аацы на «свидание» с основным антропологическим отрядом. Ехали по серпантину Дурипша на весьма немалой скорости, затем на очередном крутом повороте как лихие каскадеры пролетели на двух левых колесах его некоторый участок, а потом, конечно же, перевернулись, упав около чайной плантации на правый борт грузовика, поломав переднюю стойку кабины, ее дверь, разбив вдребезги стекла и чудом оставшись в живых, т.к. в полуметре от наших голов оказалась вертикальная труба (около 20 см в диаметре и около 1 м высоты), посредством которой осуществлялась поливка участка. Мы-то знали, что отделались весьма легкими при таких обстоятельствах травмами, а вот начальнику отряда Володе Большакову пришлось пережить несколько весьма тяжелых минут, когда он сначала увидел покореженную машину, а потом уже нас... Самого же Юру, в первые минуты после аварии мало интересовало, что случилось с его пассажирами (в кузове ехали мы с А.И. Дубовым, а его экспедиционная подруга – в кабине), он все убивался, как же так: он – бывший автогонщик и не смог вывернуть руль

при таком простом повороте. Далее, учитывая серьезные повреждения автомашины, «разборки» пошли уже по-крупному: между начальниками и заместителями начальников, один обвинял другого, тот – первого и т.д., но закончилось все вполне миролюбиво. Единственный орг. вывод касался самого Юры – его не взяли в следующие экспедиции, не помню даже, сообщили ли все подробности на академическую автобазу. Сор из избы выносить надо осторожно!

Около стен Гегардского храма, Армения.
Слева направо: Е. Веселовская, В. Потапова, В. Малюткин, Л.
Мкртчян, А. Дубов, Н. Дубова, А. Мкртчян. 1983 г.

В апреле 1983 г. в комнату (тогда еще на ул. Дм. Ульянова, 19) зам. директора по общим вопросам Евгения Владимировича Шелонина, вошел, нагибая голову в проеме двери, не хилого телосложения молодой человек. На вопрос, «как его фамилия», он скромно ответил, что она соответствует его росту – Малюткин. Так мы познакомились со Славой – Вячеславом Александровичем, – который и повел в том году наш вездеход типа УАЗ-469 от Москвы до Ташкента и далее. Чего только нельзя было организовать в советское время!

В начале 1980-х годов Г.М. Афанасьева, Ю.Б. Симченко и В.П. Алексеев и я затеяли очень, с моей точки зрения, интересную и важную работу: изучение изменчивости антропологических признаков в разных популяциях – малой (или деме), группе малых популяций, сложной системе разных популяций и т.д. Моделью решили избрать юго-западную часть Западного Памира, учитывая историю его заселения, большое число в разной степени изолированных ущелий, общее сходство антропологических особенностей населения и пр. Целенаправленные сборы полевого материала планировалось начать в 1983 г. Поскольку столица нашей Родины находится на весьма солидном расстоянии даже по прямой от Западного Памира, а перевозка автомашин на платформах – вещь очень не надежная, да и опасная (водители только из-за платформ отказывались ехать в экспедиции, т.к. неоднократно были случаи, когда на провождавших машины водителей совершались несчастные случаи), было решено ехать своим ходом. Но не просто ехать, а по дороге собирать материалы по необходимым для сравнения контрастным группам населения. Так мною был составлен маршрут, благодаря которому мы должны были добрать некоторые характеристики в с. Дурипш, затем обследовать курдов-йезидов Армении в Арагацком районе,

затем, преодолев Каспийское море, поработать среди белуджей Иолотанского района Марыйской области Туркменистана, а завершить наше турне – в знаменитом корейском колхозе «Политотдел» под Ташкентом.

Храм в Гарни, Армения. 1983 г.

Именно в столицу Узбекистана должны были прибыть участники Памирской экспедиции, чтобы оттуда выехать прямо для работы уже на «крыше мира». Читая эти строки, наверное, уже думают: «Причем тут Памир, изменчивость, белуджи и пр.?» Да были бы, действительно, совсем ни при чем, если бы, во-первых, во время нашего «вояжа» до Ташкента В.П. Алексеев не получил отказа в проведении экспедиционных работ в пограничных районах Таджикистана (напомню – в 1979 г. в Афганистан был введен ограниченный контингент советских войск) и поэтому исследования в этом году провести не удалось. Добавлю – затем получила тяжелейшую травму Г.М. Афанасьева, что полностью лишило ее возможности проводить данные работы, а другие участники также по разным причинам не смогли этого сделать. Во-вторых, вследствие именно этого, в аэропорту г. Ташкента вместо В.П. Алексеева и других антропологов я увидела счастливого Толю Ямскова, который должен был ехать... в Сухуми (т.е. в начальный пункт нашего специально продуманного маршрута!) с целовать в Абхазии исследования именно по долгожительской тематике. И, в-третьих, водителем, провезшим нас

через все тернии к звездам Самарканда и Ташкента, был Слава Малюткин, который затем еще сезон 1984 г. работал в долгожительской экспедиции.

А «тернии» были на пути немалые. Это и поломка двигателя УАЗа в Ереване (огромное спасибо родителям аспирантки отдела антропологии Рузаны Мкртчян и их друзьям, которые в выходные дни помогли снять двигатель с машины, нарезать в нужном месте в нем резьбу и все отладить!). И полчища «кровеносных» жуков, жучочков, бабочек, скорпионов, фаланг и прочих чудесных созданий при попытке заночевать в песках неподалеку от Мары. И каждое утро перед началом работы в колхозе им. Калинина, где живут белуджи, накрытый в гостинице стол с запотевшими (на

Намогильные камни-кони на старом курдском кладбище. с. Алягез Арагацкого района Армении. 1983 г.

улице около 40° С в тени, а в холодильнике только 5°) стандартными емкостями шампанского и водки (по одной на каждого члена экспедиции)...

Но что нам удалось увидеть благодаря этой поездке! Если бы не таковое стечение обстоятельств, когда бы мы услышали великолепное пение старинных армянских песен в исполнении Л. Мкртчян (мама Рузаны) под

сводами вырубленного в скалах храма в Гегарде; увидели бы парящий в воздухе в окружении заснеженных вершин храм в Гарни; поразились бы древним курдским надгробиям в виде коней и традиционным (ныне, видимо, уже совсем отжившим свой век) домам курдов во многих деталях, не говоря уже об общем плане, сходным с домами горных таджиков; были бы воодушевлены примером корейских тружеников, превративших выделенные им при переселении с Дальнего Востока откровенно болотистые и запущенные земли в богатое, приносящее миллионные доходы хозяйство..

Это – не дома, а надгильные сооружения курдов. Справа – более древние, слева – современные, поменьше – более простые. С. Алягез Арагацкого района Армении, 1987 г.

Я уж и не говорю о том антропологическом опыте, который удалось приобрести, увидев такое разнообразие человеческих лиц. Как это важно для антрополога! Не просто прочитать в книге, что бывает высокое лицо и низкое,

широкое и узкое, плоское и «сплошной профиль»..., что комплексы этих морфологических особенностей приурочены (исторически!) к конкретным группам, обитающим на конкретных территориях, а увидеть это воочию. Если бы таким опытом могли обладать многие, тогда, по-моему, и «дурных мыслей» об отсутствии рас, не могло бы возникнуть...

Весь этот путь мы сумели преодолеть вместе со Славой и благодаря его знанию техники, доброжелательности, готовности всегда прийти на помощь в сложной ситуации, настоящей мужской ответственности. Да и водитель он классный. Помню, как ему удалось задним ходом (с прицепом!) завести машину во двор дачного дома О. Бабакова, где мы должны были переночевать в Ашхабаде (всегда в больших городах выручают старые друзья!), ворота которого были едва ли на 5 см шире нашей машины. Также и я однажды по наивности (т.к. исходила весь старый центр Бухары пешком, а про машины как-то не думала) заставила его проехать по улице старого города, где даже ишак с арбой, наверное, бы не протиснулся.

Другой пример. Саша – Александр Петрович – Кремнев, работавший в моих отрядах в течение почти 5 месяцев (с июня по октябрь) 1987 г. и большой, к сожалению, как и многие представители его профессии, любитель ловить «зеленого змия», ни одного раза не сорвал ни одного запланированного экспедиционного мероприятия, всегда в трезвом состоянии всех во время отвозил, привозил, встречал и провожал. Всегда его машина была в порядке и на ходу. Одним из его любимых выражений было: «Запас карман не трет». Как только кто-то выезжал из экспедиции в Москву, Саша обязательно снабжал этого человека списком необходимых деталей (на всякий случай!), и действи-

тельно регулярно проводил осмотры и наладку всех систем автомашины.

Мелкий ремонт на дорогах Ставрополя.
Июль 1987 г. (фото С.В. Васильева)

С ним мы тоже попадали и в серьезные передрыги. Например, в начале июля 1987 г., еще до начала этноэкологической экспедиции, мы возвращались после антропологических исследований среди туркмен Ставрополь-

ского края. В том же УАЗике, на котором потом мы работали почти целых четыре месяца в Азербайджане, на подъезде (слава Богу!) к колхозу «Победа» станицы Ладожской Краснодарского края у одного из четырех поршней двигателя (как потом это выяснилось) отломился «небольшой кусочек»! Наша машина с черным дымовым шлейфом еле смогла доехать до гаража этого колхоза. Огромное спасибо всем работникам предприятия, которые не просто разрешили поставить нашу машину на яму в гараж, дали возможность всем нам (нас было 5 человек) переночевать, принять душ, но и дали не новый, но исправный поршень. До отлета самолета, на который у меня и туркменского антрополога О. Бабакова были куплены билеты, оставалось пара дней, до аэропорта Сухуми было около дня пути... Саша с помощью Сергея Васильева, которому при оказа-

нии интернациональной помощи Афганистану пришлось изучить и внутреннее устройство движков БТРов, разобрать весь двигатель нашего УАЗа, затем собрали его, и мы на последнем (почти) бензине все таки успели на самолет.

Не обошлось и без курьеза. Когда шофера, слесари и другие ремонтные рабочие гаража решили после трудового дня принять душ, каково же было их удивление, когда из душевой, куда они направлялись, вышли одна молодая (студентка каф. антропологии МГУ Лена Воронцова), а другая в возрасте (Н.А. Дубова) дамочки с мокрыми волосами! Добавлю, что нам с Леной повезло, что мы встретились с мастерами уже после душа, т.к. учитывая исключительно мужской кадровый контингент, дверь в душевой не закрывалась. Но это – конец совсем другой истории – нашего антропологического изучения туркмен – путешествия по Ставропольскому краю через чеченские Итум-Калу и Ведено, вечер и ночь под сильнейшим ливнем, но под полиэтиленовым навесом у костра с В.П. Кобычевым, С.Н. Ивановым, песнями и стихами под Грозным, через пески западного побережья Каспия в Астраханскую область, а затем через Элисту – опять в Ставропольский край с его степями, необозримыми полями, зелеными рощами и спелыми вишнями, нависающими над шоссе... Приходится вспомнить и Козьму Пруткову с его «Нельзя объять необъятное»!

Работавший в тот же 1987 г. в составе медико-биологического и генетико-демографического отрядов водитель ГАЗ-66 Сергей Федотов был большим любителем поэзии. Его кассеты с песнями Юрия Лозы (до сих пор почему-то чаще всего вспоминаю «Болят мои раны и тянет к дивану...») замечательно скрашивали вместе с рассказами и шуточками Бори Казаченко наши поздние вечера в «собственном» экспедиционном доме в Ивановке, когда мы или

просто отдыхали (редко), или заполняли, переписывали, оформляли какие-нибудь необходимые статистические или экспедиционные бумажки, которым, как любому начальнику отряда известно, несть числа.

Пара дней на берегу Каспия. В ожидании приезда основного состава отряда. На первом плане – С. Федотов, далее – М. Козлов и А. Кремнев. Сентябрь 1987 г.

Сергей очень нежно и бережно относился к своему «младшему брату» – УАЗу. На обратном перегоне из Закавказья в Москву даже местами вез его на прицепе, чтобы тот сильно не отставал. Я старалась как можно меньше вмешиваться в почти незнакомую мне область – процесс управления машиной. Но были и возмутительные случаи. Так, при проезде г. Тбилиси, когда нам надо было уже по окончании работ в Ивановке доставить группу антропологов МГУ на вокзал, не «сориентировавшись в простран-

ве», я показала Саше Кремневу (машина Сергея ехала вслед за нами) дорогу, по которой, с моей точки зрения, надо было заезжать на мост.

Около экспедиционного «танка» в селе Пески Поворинского района Воронежской области: В. Большаков, Н. Дубова, Ю. Щитов (лето 1989 г., фото А.Н. Ямскова)

Это оказалась улица, по которой все нормальные водители съезжали с моста. Но обратного пути у нас уже не было – улица была очень короткой и дать задний ход было невозможно. Повезло также, что рядом не оказалось милиции, да и движение было еще не такое как в наши дни на улицах Москвы – иначе не миновать беды! Думаю, что немаловажную роль сыграли и наши московские номера – тогда к гостям в Тбилиси относились по-кавказски. Но выражение лица Сергея в те минуты, когда мы одолевали въезд на мост через Куру, я помню до сих пор. Могу толь-

ко себе представить, что при этом проносилось в его голове... Но расставались мы после экспедиции друзьями.

Последним водителем, с которым мне довелось ездить в экспедиции был Юра Щитов. Он полностью оправдывал свою фамилию – был надежным щитом всей нашей не всегда управляемой компании. Лучше всего было ездить еще и тогда – вспоминаю эту поездку как некий подарок судьбы и в какой-то степени заслуженный отдых, - когда начальником отряда был Володя Большаков и мы совершали маршрутный объезд бывших молоканских и духоборческих сел Центрального Черноземья. Затем Юра работал с отрядом, кажется Толи Ямскова где-то в районе Шаумяновского района Азербайджана, а потом провез наш Медико-биологический, тогда еще ленинградско-московский, отряд из Гянджи в с. Беюк-Сеютлы, оттуда – в Ивановку, оттуда – в с. Пески Воронежской области.

Из Песок мы возвращались с Юрой в Москву вдвоем. Очень хотелось побыстрее приехать домой, поэтому решили на ночевку не останавливаться. Но дорога оказалась все же достаточно длинной и я впервые на практике убедилась, как водители—«дальнобойщики» могут заснуть просто от общей усталости, утомительности и однообразности дороги. Я пыталась в меру своих сил развлекать Юру разговорами, но беспрерывно говорить, особенно ночью – очень трудно. И в какой-то момент я даже не поняла, а просто почувствовала, что машина едет уже не по прямой, а «по зигзуге», правда, медленно. До Москвы оставалось, наверное, километров 200, остановились около шоссе. Хорошо, что в ГАЗ-66 двигатель находится в кабине и от него веет теплом (правда, это «веение», например, в среднеазиатских песках летом удовольствия не приносит). Но в тот день, именно благодаря этому, легкий 1-2 часовой «перекур с дремотой» в кабине, т.к. в кузове спать было прак-

тически невозможно (было уже достаточно холодно – поздняя осень), был вполне приемлемым, и ранним осенним (не хмурым, а солнечным и туманным, подернутым легким морозцем) утром мы уже были в городе. Днем – разгружали оборудование и обменивались впечатлениями со столичными «аборигенами». Начиналась опять городская жизнь со своими прелестями и огорчениями, а впереди, как всегда, были надежды на новые выезды, новые впечатления...

Генетика и колдуны

Большинство генетической информации бывает получено, благодаря анализу взятых образцов крови. Поэтому при проведении комплексных антропологических исследований забор крови, как правило, производится. При большом размахе работ, таких, например, как были в Абхазии и в Азербайджане, с этой целью всегда приглашается фельдшер или медсестра, нередко из местной райбольницы или фельдшерского пункта. То, что медработника все в селе знают, повышает степень доверия населения приехавшим «врачам», даже если профессиональных врачей на самом деле в группе и нет.

Но взятие крови, также как и образцов волос, при всей кажущейся обыденности (кто из нас горожан не сдавал кровь из пальца на определение гемоглобина, лейкоцитов и пр.?!) - в любом далеком от индустриальных городов населенном пункте дело все равно не простое. Едва ли не самым распространенным объектом воздействия колдунов, знахарей, шаманов у всех народов являются именно отправления тела человека, его кусочки (в том числе волосы), капли крови. Придя с черной душой, темными замыслами, незнакомец может, по представлениям мнительного

человека, принести много вреда не только конкретному человеку, но и всей общине. А что говорят радио- и телепередачи? Посредством укола нестерилизованной иглы может распространяться СПИД, желтуха, другие инфекционные заболевания. А если человек - незнакомый, которого в селе видят впервые и, скорее всего, не увидят больше никогда? Где вера его заверениям, что все приборы для взятия крови – одноразовые? Поэтому важнейшую роль при организации любого антропологического обследования, тем более крупного, играют предэкспедиционные беседы с администрацией области, района, медицинскими службами всех уровней, в случае включения в программу сбора дерматоглифики (отпечатков пальцев и ладоней рук) – и служб милиции, МВД. Конечно же, в любом селе любого региона находится 1-2, изредка больше людей, кто не верит никаким словам и ни при каких условиях не соглашается на обследование, даже без взятия крови. Но самое приятное – это то, что подавляющее большинство людей с потением ладоней и пальцев – антропологическим исследованиям, некоторые соглашались пройти обследование, даже пересиливая себя. Хочется от всего сердца и здесь сказать им всем большое спасибо за это, хоть мы и старались говорить об этом каждому пришедшему, а нередко и пишем эти благодарности в своих публикациях.

Праздник урожая

Интересно, все-таки устроена жизнь! Время стремительно мчится вперед, работают радиоприемники, телевизоры, теперь уже и компьютеры, люди летают на самолетах, даже исследуют Космос (почему-то с возвратом на

землю), мы живем не просто в скученных поселениях, а в городах, некоторые – в небоскребах, сменяются правительства, президенты, режимы, журналисты и популисты волнуются о необходимости возродить бóлгар, ингерманланцев, юкагиров... А в паре десятков километров от курортного города Гудаута в 1980-х гг. живет древнейший языческий обряд, приобретший совершенно другое название, но не потерявший своей сути. Не хочу сказать, что это – единичный, уникальный случай, наверняка любой знающий этнограф приведет еще не один. И наше крашение яиц на пасху, выпечка блинов на масленицу, «хождение посолонь» вокруг аналоя в современном мегаполисе – элементы того же. Но именно элементы, чаще сохраняется название, а суть-то, смысл обряда изменяется. Здесь же, в Дурипше (а может быть, и в других абхазских селах) мне думается, мы столкнулись с сохранением самой сути обряда, хотя название его стало и новым. Может быть, правильное было бы говорить в этом случае о начале его трансформации... Но, честно говоря, в трансформирующемся, измененном или каком либо другом языческом обряде, учитывая специфику антропологической специальности, которая не позволяет «вживаться» в группу, требует частых перемещений, т.к. необходимо исследовать значительные по численности выборки, мне ранее принимать участие не удавалось.

Абхазы до сих пор живут родственными общинами, зная всю свою родню. Как правило, в одном селе один такой клан и живет в одной части села, а другой – в другом. Как мы знаем, в советское время население одного крупного или нескольких мелких сел объединялись в колхоз или совхоз. Дурипш – крупное село, там был колхоз. Вся территория села (наверное, в других селах также) была поделена на бригады. Эти (первая, вторая, третья, четвертая и

др.) бригады удивительным образом совпадали с территориями расселения тех самых родственных общин. Ежегодно, как нам рассказали, перед началом сбора урожая все члены бригады и их семьи собирались вместе. У каждой бригады был свой день сбора, он назывался «праздник урожая». Как уже отмечалось выше, для получения достоверной антропологической картины населения села было необходимо обследование значительного числа его жителей. Тот же Костя Габния посоветовал нам пойти на такой праздник, т.к. там должно было собраться много жителей. Будучи озабоченными в первую очередь именно численностью выборки, мы как-то даже и не обратили сначала внимания на то, что вообще-то праздник урожая празднуется, как правило, уже после его сбора, т.е. осенью. Единственно, что нас смущало – удобно ли отрывать людей от праздника и просить разрешения их обследовать. Нас заверили в допустимости таких действий, и мы, ничего особенного не подозревая, двинулись в путь. И не зря! Конечно, измерить мы смогли мало кого, но это упущение компенсировалось незабываемыми впечатлениями.

Когда мы пришли в назначенное место – не чей-то жилой дом, а определенная территория около села (как мы потом уточнили, у каждой бригады своя), где можно было поставить столы, где имелись необходимые предметы обихода (котлы, посуда и пр.) – нас не удивило, что все пришедшие были заняты приготовлением застолья: одни разжигали костры, ставили на них большие котлы, другие накрывали столы, третьи варили в котлах мамалыгу, четвертые резали овощи, разливали в небольшие кувшины вино. Оказалось также, что несколько мужчин недалеко резали несколько бычков. Много гостей – много еды, много забот. Осознание того, что мы присутствуем не на обычном застолье семейной общины, а на чем-то большем, пришло

только тогда, когда нас позвали в общий круг (не за стол, как обычно, а именно в круг). Всем присутствующим, в том числе и антропологам, стоявшим полукругом в небольшой рощице, выдали по стакану домашнего виноградного вина и по куску вареной печени только что зарезанных бычков. Затем старейшины данной бригады (общины?), стоявшие полукругом, величественно нараспев произнося слова, произнесли по-абхазски не тост, хотя все после этих слов и выпили вино, закусив его печенью, а, судя по общему смыслу текста, который мы смогли понять, благодаря переводу для нас на русский язык, древнюю молитву о мире и общем благоденствии. Не исключено, правда, судя по некоторым словам, что, учитывая наше «московское происхождение» и господство в то время официального атеизма в стране, переводящий нам слова старейшин сознательно допустил определенную нечеткость перевода. По всей видимости, эта молитва, как и две последующие были обращены к богам, у которых и просился мир и благоденствие. Второй и третий тексты, произнесенные в той же манере, были посвящены ниспосланию дождя и богатого урожая. После чего все участники молений были приглашены за столы, где состоялось обычное застолье, только вместо телячьей печени там присутствовало вареное же мясо. Отмечу интересную деталь: абхазы, приготавливая вареное мясо, бульон в пищу не употребляют, выливая его весь на землю!

Если оценить все этапы этого «праздника урожая», можно, наверное, в нем увидеть древний ритуал молений о дожде, свойственный абхазам. Это прежде всего проведение его в специально отведенном месте за пределами жилой части села, в рощице, это и, фактически, жертвоприношение телят и ритуальное поедание их печени всеми членами родовой общины, и произнесение молитв, и орга-

низация этого праздника до начала сбора урожая. Нельзя исключить и проведение каких-либо особых «закрытых» ритуалов, о которых нам и сказано-то не было, ввиду указанных уже причин специфики работы. Среди нас, как уже отмечалось, в том сезоне не было этнографов-специалистов по этнографии народов Кавказа, поэтому что-либо профессионально уточнить или даже просто специально спросить было некому. Может быть, эти мои воспоминания «неофита» покажутся специалистам в чем-то ошибочными, даже забавными, но думаю, что тем, кто сам не сталкивался с подобными обрядами, они могут быть интересны.

Русские села Азербайджана

В 1986 г. сектор этнической экологии начинал разработку новой темы, которая уже упоминалась – «Адаптация русских старожилов Закавказья». Цель работ – выяснить механизм адаптации системы жизнеобеспечения русских переселенцев середины XIX в. к новой для них природной и социальной среде. Моя задача - разработать общую схему антропологического, точнее медико-биологического обследования различных сельских групп русских, т.е. выбрать те реперные точки для обследования, которые могли бы дать достаточно полное представление о вариации характеристик внутри данной общности с тем, чтобы затем ее можно было бы соотнести с таковой в контрольной группе, которую также предстояло выбрать. Первым регионом выбран Азербайджан, т.к. он позволит увязать эту тему с предыдущей, по долгожителям, ибо по имеющимся данным в этой Республике также есть районы, где процент населения старше 90 лет повышен.

Кроме абхазского, не имея другого опыта работы на Кавказе и в Закавказье, я направилась в рекогносцировочную поездку по всем регионам Азербайджана, где переписью 1979 г. зафиксированы русские села: Кедабекский, Шемахинский, Исмаиллинский, Джалилабадский, Кубинский, Хачмасский, - т.е. посетила многие районы республики как на севере и юге, так на западе и востоке. Благодаря этой поездке были получены последние сведения о численности (весьма сильно отличавшиеся от данных переписи) сельского населения практически во всех русских (в большинстве своем оставшихся таковыми только по названиям) селах. Кроме того этот выезд значительно расширил и мои антропологические горизонты. Азербайджанцы на побережье Каспийского моря (на юг и несколько на север от Баку) имеют определенные черты сходства с некоторыми туркменскими группами (например, нохурцы), в лучшей степени сохранившие особенности внешнего облика древнейшего населения Туркменистана, знакомого мне по многолетним работам в том регионе: такие же высокие и узкие с тонкими чертами лица, с резкой профилировкой в горизонтальной плоскости (т.е. не уплощенной, как, например, у бурятов или якутов), высокорослость и общая долихоморфность (удлиненность пропорций тела) и грацильность (т.е. тонкокость) сложения. В селах, расположенных ближе к Дагестану чаще появляются азербайджанцы, имеющие меньшую длину тела, более мезоморфные пропорции, более круглые лица, несколько более, чем у первых массивную костную основу. Эти люди по внешним характеристикам напоминают уже народы Дагестана.

Схема расположения обследованных русских групп
Азербайджана

В северо-западных районах Азербайджана, в Закавказской долине и на границе с Грузией длина тела азербайджанцев также ниже, чем в Прикаспии, но не столь заметно как в Хачмасском и Кубинском районах. Лицо, оставаясь, в отличие от азербайджанцев двух указанных районов, довольно долихоморфным, все же несколько более массивно. Нос – с горбинкой, высокий, тонкий в отличие от прикаспийского населения, сильнее, резче выступает над поверхностью лица. Уплощенность лица в горизонтальной плоскости заметно менее резкая, чем в первой из описанных групп, но, конечно, остается в границах не уплощенных, а профилированных лиц. И, наконец, Кедабекский район. Здесь, на востоке Азербайджана, среди азер-

байджанцев нередко встречаются арменоидные лица – относительно низкие и широкие, с широким характерной формы носом. Все население имеет темные волосы и темные оттенки цвета глаз. Некоторый процент более светлых глаз можно отметить лишь в северо-восточных районах республики.

Было бы неверно понять данное описание как «некую географическую непрерывность» единого антропологического массива. С моей точки зрения, правильнее было бы оценить это следующим образом. Один антропологический пласт представлен, прежде всего, в Прикаспии, в равнинных, земледельческих районах. Второй – в большей степени в горных, предгорных местностях у населения, занимающегося, в первую очередь, скотоводством. Кроме того, в районах, где расселены другие этносы, в первую очередь, в пограничных с другими республиками, наблюдается и изменение этих двух вариантов. В Баку представлены все описанные вариации, «разбавленные», как и в любом современном индустриальном центре, представителями всех народов тогда еще СССР. В других, значительно более мелких городах, эта закономерность и менее резко выражена: там представлено в значительной степени такое же население, как и в окружающих сельских населенных пунктах.

Каких-либо различий в облике русских, проживающих в разных районах Азербайджана, не было отмечено. Не исключено, что глаз в первую очередь фиксировал общие черты малой по численности группы на фоне разнообразия многочисленной.

Конечно, то, что написано выше, – не вывод по результатам научного исследования. Это лишь достаточно яркие визуальные впечатления, отметившие самые бросающиеся в глаза особенности. Для подтверждения или

Главная улица с. Ивановка.
Все жилые дома скрываются
за деревьями 1987 г.

опровержения их необходим сбор объективного, численно значимого материала. Именно поэтому здесь сознательно опущенные таксономические «диагнозы» всех описанных типов, которые, конечно же, можно сделать. Но надо сказать, что, по-видимому, такие поездки, когда за короткий промежуток времени исследователь имеет возможность увидеть разнообразие физических особенностей того или иного населения, какого-либо этноса, в частности, помогает формированию масштаба изменчивости, близкого к реальности. Это особенно ценно при определении так называемых описательных признаков (например, цвета глаз, формы носа, степени уплощенности лица в горизонтальной плоскости, роста бороды и пр.). Эти признаки играют более важную, по сравнению с размерными характеристиками головы и лица, роль при изучении антропологического облика современного человечества. Напомню, что даже выделение наиболее крупных географических группировок – человеческих рас – проводится, в первую очередь, не по длине тела, конституциональным характеристикам, размерам головы или лица, а по цвету кожи, цвету и форме волос и прочим, также описательным, признакам.

Как были основаны сельские русские поселения в Азербайджане, когда и как это происходило, описано достаточно подробно в публикациях нашего сектора по данной теме²⁰. Изю всех более, чем 15 сел, о которых удалось получить сведения в ту поездку, русское население составляло большинство лишь в трех. В значительной части их, где еще переписью 1979 г. было зафиксировано русское население, в 1986 году остались единицы. Особенно это коснулось Хачмасского и Кубинского районов, где из сел Владимировка, Алексеевка, Петропавловка, Еленовка и др. русские выехали практически полностью.

Особенностью именно этих населенных пунктов, также как и части сел в Джалилабадском районе, было основание их в более позднее время – в начале XX в. – и не молоканами или духоборцами, а крестьянами, исповедовавшими ортодоксальное православие. Процесс усиленной эмиграции именно православного, а не молоканского и духоборческого населения, бросился в глаза явно, ошибиться здесь было невозможно.²¹ Судя по небольшому числу за-

²⁰ Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблема адаптации русских старожилов в Азербайджане // Советская этнография. 1988, № 6; Дубова Н.А., Лебедева Н.М., Оборотова Е.А., Павленко А.П. Адаптация русских старожилов в Азербайджане // Советская этнография. 1989. № 5; Русские старожилы Азербайджана. Ч.1,2. М., 1990; Духоборцы и молокане. М., 1992; Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М., 1995

²¹ Характерно, что людность православных селений Азербайджана уже в 1921 г. едва превышала 300 человек, тогда как в молоканских и духоборческих она составляла в среднем 1000 чел. См.: Комарова О.Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. М., 1990. Ч. 1. С. 11.

писей, оставшихся в похозяйственных книгах,²² какая-то часть жителей выселилась из Хачмасского, Кубинского и Джалилабадского районов в Баку, какая-то – в другие города Закавказья, многие – в южные регионы России (Ставропольский и Краснодарский край).

Из всего массива сельских населенных пунктов, где проживали русские, выделялось с. Ивановка Исмаиллинского района. Численность населения в нем – более 3000 человек; все дома каменные, добротные, с большими приусадебными участками; обширные ухоженные виноградные, хлебные, луковые, чесночные и другие поля; асфальтированные улицы в каждом уголке села, огромный, облицованный почти мрамором Дворец культуры с колоннами; в коровниках, телятниках, на конюшне – все чисто, побелено, везде автоматизирована подача воды и корма. Прямо маленькая русско-молоканская Голландия в центре Азербайджана. Конечно же не все было так радужно и безоблачно, как потом становилось все яснее в процессе наших работ, но первое впечатление было почти ошеломляющим. Именно это село и было выбрано в качестве основного опорного пункта, где планировалось проведение всего комплекса исследований. По разным обстоятельствам о повторении всего того объема работ, который был достигнут при изучении долгожительства, речи, к сожалению, идти не могло.

²² Такие книги в сельских советах обновляются один раз в 5, а то и в 3 года. Учитывая, что поездка, о которой идет речь, была рекогносцировочной, возможности собрать представительный материал по всем селам, конечно же не было. При проведении стационарного экспедиционного обследования разных сел (см. список публикаций выше), предварительные выводы были подтверждены документально.

Какие впечатления оказались самыми яркими в других селах? Трудно все перечислить, для этого понадобилось бы написать целую книгу. Самое главное, как и в Абхазии, это душевность, гостеприимство во всех без исключения поселках. Совершая свое путешествие в одиночестве, я ни разу, ни в этот, ни в последующие годы, не сталкивалась с тем, что негде было переночевать или нечем перекусить. Милые, добрые женщины всегда приходили на помощь, не давая мне даже задать вопрос о гостинице. В Новоивановке Кедабекского района одна из таких сельских тружениц – Екатерина Ивановна Иванова, накормив меня за квадратным, на большую семью, «основательным» деревянным столом, сделанным около 60 лет назад ее отцом, и рассказав множество интересного о сложных путях жителей этого села, уложила спать на высоченную, но воздушную перину, каких я раньше никогда и не видела, в такую же добротную широченную деревянную кровать, сделанную тогда же.

В с. Славянка того же района меня приютила на ночь семья Атамановых. Они свозили меня на своей машине до священной рощи духоборцев, показали ключи нарзана... Боюсь, что от этих сел после событий, связанных с борьбой за Нагорный Карабах, мало, что осталось: они располагались на самой границе Армении и Азербайджана и даже по телевидению показывали как рвутся снаряды на их улицах. Хочется верить, что жители успели вовремя уйти, но, что их мирная жизнь продолжилась на старом месте, верится с трудом.

Позже, уже в 1989 г., в с. Ульяновка Сагареджойского района Грузии семья Надежды Григорьевны и Василия Васильевича Малолеткиных не раз принимали всю нашу экспедицию, топили для нас баню, кормили, рассказывали много интересного. В с. Красногорка Сигнахского района

Грузии много доброго сделала для нас и очень помогла в организации работы секретарь сельского совета Мария Николаевна Малова, ее мать Агафья Васильевна и сестра Ольга Николаевна Сосина. Да разве можно перечислить всех!... Огромная им благодарность.

В Джалилабаде, судя по карте – обычном районном центре, правда в благодатном месте – во влажных суб-

тропиках, на равнине, в давних земледельческих районах, – стараниями первого секретаря районного комитета компартии Азербайджана Ибрагима Мусаевича Курбанова часть поселка, окружающая здание райкома, была превращена в некоторое подобие восточного дворца: беседки, живописно посаженные растения, водоемы, золотые ки, лебеди, фазаны, маленький зоопарк... Надо ли гово-

Кладбище с. Хильмилли Шемахинского района, 1987 г.

рять, что гулять в этом парке и наслаждаться его уютом, могла только небольшая часть работников райкома. Московских гостей принимали на высоком уровне, обманывать не буду.

С. Новоголовка Джалилабадского района.
Шофер отряда А. Кремнев готовится к началу винодельческого процесса, а С. Васильев ему в этом помогает (сентябрь 1987 г.)

В селе Новоголовка того же района, которое было основано также русскими-молоканами удалось побывать в 1987 г. Основное занятие населения – виноградарство. Но в отличие от Ивановки, где личных виноградников не держат, и вино мало кто делает, здесь в каждом доме была небольшая винодельня, заготавливалось значительное количество домашнего вина. Мы смогли даже принять посильное участие в первой стадии этого процесса, когда спелые гроздья загружались в матерчатый мешок, который нахо-

дился в специальной каменной емкости, имеющей слив, а затем мужчина топтался на этом мешке до тех пор, пока у него были силы, а в ягодах сок.

В селах Хильмилли и Чухурюрд Шемахинского района произвели впечатление широкие каменные ванны более 2 м длиной, вырубленные из целого камня, для хранения воды, уцелевшие с того времени, когда здесь не было еще водопровода и вода могла быть сохранена только в них. Эти каменные ванны изготавливались достаточно далеко от села и привозились сюда по специальным заказам.

С. Хильмилли Шемахинского района.
Каменная ванна для хранения воды (август 1987 г.)

Преодоление

В организации любых антропологических исследований, а особенно стационарных, есть много проблем. Хочу вспомнить, как не просто, при в целом большой доброже-

лательности, строились отношения между экспедицией и председателем уже упоминавшегося колхоза им. М.И. Калинина.

Центральная площадь с. Хильмилли Шемахинского района.
1987 г.

Первый мой рекогносцировочный приезд 1986 г. имел своим результатом общее знакомство с селом, его демографией, географией и краткой историей, а также предварительную договоренность о возможности проведения здесь комплексного медико-биологического исследования в следующем году. После обсуждения результатов рекогносцировки в регионах Азербайджана на заседании сектора этнической экологии опорным пунктом для стационарных исследований механизмов адаптации русских переселенцев в Закавказье была выбрана именно Ивановка и на следующий, 1987 г. запланирована работа там сразу

нескольких отрядов – этнодемографических, этнографических и медико-биологического. Было решено, что первые отряды должны провести свои исследования в июле-августе, а последний – в сентябре-октябре.

Как обычно, поздняя осень, зима и весна ушли на составление программ исследования, подбор членов отряда и согласование различных сроков.

Приехали мы с первым отрядом на ГАЗ-66 с шофером Сергеем Федотовым в Ивановку во второй половине июля. Приняли нас в колхозе радушно, разместили в собственной гостинице с душем, кормили в столовой (все, конечно, за счет наших полевых – Н.В. Никитин был практичный хозяин. Как я и другие начальники отрядов умудрялись оплатить все расходы из расчета 1 руб. 75 коп. на человека в день и строгой ограниченности других статей расхода экспедиционных денег – особый разговор). Николай Васильевич пообещал, когда приедут медики и основной состав антропологов, выделить под стационар помещение, помочь с вызовом людей на обследование.

Этнографическая группа, которой руководила Н.И. Григулевич, подъехала чуть позже на УАЗ-469 с шофером Сашей Кремневым. Вообще, в течение всего полевого сезона 1987 г. (он закончился в Ивановке в середине октября) этот процесс встреч и расставания в отряде был бесконечен: приехала и уехала Н.М. Лебедева, приехали и уехали О.Р. Будина, С.А. Иникова, А.Н. Ямсков, затем – В.И. Козлов, В.А. Большаков, уже в сентябре прилетела большая группа киевских геронтологов под руководством С.М. Кузнецовой, потом еще несколько киевлян, на несколько дней позже – московские антропологи из МГУ под руководством О.М. Павловского...

А в июле работа шла своим чередом. Начали собирать данные по похозяйственным книгам, в районном ар-

хиве ЗАГСа за прежние годы, этнографы под водительством Н.И. Григулевич и составители генетико-демографических анкет под неусыпным взором Б.Н. Казаченко ходили по домам. Когда работа была налажена, я с Сергеем Васильевым (тогда – студентом каф. антропологии МГУ) и со своими детьми – Володей (ему было почти 14 лет) и Олей (ей исполнилось 11) на УАЗике, которым управлял Саша Кремнев, позволила себе объехать русские села Чухурюрд, Хильмилли в Шемахинском, а Привольное и Новоголовка в Джалилабадском районах и обследовать там довольно представительные группы.

Общий вид с. Хильмилли. 1987 г.

Мы с Сергеем измеряли голову и лицо, получали восковые отпечатки зубов. Когда Сергей приболел и вынужден был остаться на пару дней в Шемахе, записи за мной в бланках делали мои дети, тем более, что у них уже

был небольшой «полевой опыт» в Туркменистане, а у сына еще и в Пермской области.

Нагруженный ящиками с виноградом, подаренным нам в Новоголовке Джалилабадского района, Сергей улетел к началу занятий из Баку в Москву, а я вернулась в Ивановку, где с новыми силами стала пытаться добиться ясности по поводу помещения для стационара.

Кроме повторных заверений в выполнении прежних обещаний я практически ничего не добилась. У Н.В. Никитина проскользнула даже фраза, подвергающая сомнению целесообразность проведения такого медико-биологического обследования ивановцев при наличии собственной достаточно хорошо обустроенной клиники.

с. Ивановка Исмаиллинского района.

Рядом с «домом на колесах» (слева направо) А.П. Кремнев, О.Р. Будина, С.А. Иникова, Е.А. Оборотова, А.Н. Ямсков
(август 1987 г.)

Значительно сдвинул в положительную сторону вопрос о стационаре приезд Володи Большакова и Виктора Ивановича Козлова. Общий солидный вид московских ученых мужей, близкая возрастная когорта (Николай Васильевич как и Виктор Иванович был участником Великой Отечественной войны), выступление профессора Козлова перед учащимися школы, высокая оценка, данная начальником и зам. начальника экспедиции как антропологам, так и, особенно, медикам, которые должны были приехать в село, видимо сделали свое дело. При следующей моей встрече с Никитиным он стал уже называть конкретные адреса (например, почти законченное здание почтового отделения), где можно было бы развернуть медицинские и антропологические кабинеты. Но время приезда специалистов приближалось, оставалось всего 10-12 дней, а решался только вопрос о размещении более чем 25 человек: председатель колхоза разрешил (против его воли ни один житель Ивановки не мог принять такого решения самостоятельно) сдать нашему отряду жилой дом недалеко от здания Правления колхоза с двумя строениями, садом и огородом, куда мы и переехали из гостиницы. В чем-то здесь, в отдельной усадьбе было даже удобнее: можно было, имея газовую плиту, устроить вечерний чай или даже целый ужин, не ходя в столовую и не будучи на виду у всего правления; было место за воротами, куда поставить автомашины; на столе, поставленном в огороде, где к тому времени уже ничего не росло, можно было и печатать на машинке и составлять любые списки и т.д.

Что явилось тем толчком, который заставил Н.В. Никитина не просто принять решение о выделении под стационар нескольких комнат на первом этаже здания правления, но даже в течение двух дней аврально провести там косметический ремонт с побелкой стен и потолков – для

меня не ясно до сих пор. Может быть наша настойчивость, трудолюбие участников экспедиции (никто из членов отряда никогда не слонялся без дела, в никаких недозволенных «властями» деяниях замечен не был), может быть просто любовь председателя принимать решения, как ныне мы можем видеть в американских боевиках, в самые последние секунду, мгновение до того как рухнет стена, затонет корабль, перевернется автомобиль... А может сыграл роль и мой «разнесчастный» вид, когда очередной раз, уже потеряв надежду на то или иное решение, я шла на прием в кабинет председателя на втором этаже здания Правления колхоза... Так или иначе, но буквально за 1-2 дня до приезда геронтологов, помещения, предназначенные для врачебных кабинетов, были отремонтированы и мы определились, какие специалисты где будут работать.

«Закрепил успех» приезд Светланы Михайловны с киевскими коллегами. Воздействуя на Никитина, и своим женским обаянием, и незаурядными способностями невропатолога, и предоставленными высококвалифицированными консультациями не только самому председателю, но и значительному числу жителей села (надо сказать, что как С.М. Кузнецова, так и другие специалисты, входившие в состав ее группы, не отказали ни в одном вызове к больным на дом, несмотря на большую загруженность на плановом приеме в здании правления), она сумела убедить его разместить большую часть врачей в лучших номерах гостиницы, поддержала наш общий план приглашения на обследования членов разных бригад, который в целом и соблюдался в течение всего времени работы стационара.

Первое недоверие к нашим работам и некоторая недооценка их значимости сменились большим уважением к членам экспедиции. Даже в последующем, в 1989 г., когда уже в значительно меньшем составе наш отряд, включив-

ший санкт-петербургских специалистов-пульмонологов, около 10 дней там работал, люди шли на обследование, как к давно знакомым врачам...

Так или почти всегда так, разъясняя свои цели, преодолевая непонимание, иногда нежелание понять, антропологи и медики строят обычно свою работу в поле.

Антрополого-медицинский отряд перед отъездом из с. Беюк-Сеютлы Варташенского района, 1989 г.

Кто же и где болеет меньше?

Болезнь, как всем хорошо известно, надо меньше. Но мы все равно, к сожалению, болеем, причем не редко. Русские переселились в Закавказье, как уже отмечалось, в середине XIX в. Датой основания с. Ивановка, например,

считается 24 мая 1847 г. Первое, что они, как, наверное, и все переселенцы на свете, пытались сделать – это подобрать наиболее близкие (в сравнении с предыдущим местом жительства) им условия жизни. Не малую роль в этих сменах, как отмечают документальные сведения, играли болезни. Так, например, та же Ивановка меняла свое место расположения несколько раз именно потому, что в более низких местах (сейчас она расположена на небольшом холме, хорошо со всех сторон овеваемом ветрами) было много малярийных комаров и многих поражала малярия, что вело и к повышенной смертности.

Как можно оценить физическое здоровье популяции? Наверное, легче всего, просто проанализировать картину распространения различных болезней в данной группе в данный момент и сравнить ее с предыдущим периодом. Кроме того, этот анализ даст и определенную информацию о степени приспособленности группы к данным условиям существования.²³ Но такой анализ и сравнение оказываются простыми только на первый взгляд. Прежде всего, сведения о «предыдущем периоде» или вообще отсутствуют или не полностью сравнимы с теми, которые собираются сейчас. Кроме того, те данные, которые имеет и собирает медицинская статистика, даже относящиеся в одному периоду времени, не в полной мере являются отражением реального состояния здоровья населения. Казалось бы,

²³ Подробно эти вопросы рассмотрены в наших публикациях. См., например, Дубова Н.А. Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология. Теория и практика. М., 1994; Она же. Стресс-адаптация-заболеваемость // Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М., 1995. С. 271-295; Она же. О биологическом аспекте групповой адаптации // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С.30-40.

существует несколько объективных показателей, характеризующих состояние здоровья, как например, число больных хроническими заболеваниями, состоящими на учете в том или ином населенном пункте; структура заболеваемости (т.е. частота встречаемости заболеваний различной этиологии) по выявленным диагнозам за определенный промежуток времени и другие. Но все эти показатели оказываются зависимыми от многих, в том числе и не имеющих прямого отношения к состоянию здоровья группы, обстоятельствами, среди которых прежде всего следует назвать степень обеспеченности местности медицинскими работниками, их квалификация; степень удаленности районной больницы от населенных мест, где имеются лишь фельдшерские пункты; степень объективности самооценки состояния здоровья населением и степень доверия с его стороны медикам и, связанная с последними причинами, посещаемость лечебных учреждений и т.д. Не требует дополнительно доказывать, что только указанные обстоятельства в разных регионах будут различаться. По-видимому, отличными будут показатели в моно- и многонациональных регионах, в районах, различающихся по соотношению местного населения и мигрантов разного времени и пр. Выяснить же в какой степени данные официальной статистики отражают реальное состояние здоровья населения возможно лишь экспериментальным путем, т.е. сопоставлением официальных данных с результатами эпидемиологического обследования в том же регионе, усилив последнее опросом самооценки состояния здоровья жителями.

Наши исследования в Азербайджане мы и пытались строить по этой схеме. Самым слабым звеном оказалось последнее – самооценка сельчанами своего здоровья. Даже

разработав специальные опросники,²⁴ мы не получили конкретных данных. Но популяционный подход к оценке состояния здоровья дал свои результаты.²⁵ Сравнивая частоту встречаемости разных этиологических форм заболеваний (структуру заболеваемости) сельских русских Азербайджана и населения с. Пески Поворинского района Воронежской области,²⁶ можно отметить, что распространенность сердечно-сосудистых заболеваний и патологий органов дыхания, также как инфекционных заболеваний и болезней пищеварительной системы, обнаруживает сходство между всеми русскими группами, с одной стороны, и их отличие от азербайджанцев и лезгин, с другой. По всей видимости, этот факт может свидетельствовать о том, что процесс «экстренной биологической адаптации» у сельских русских Закавказья уже давно прошел, а специфические генетические изменения у этой группы не имели места и «новый экологический (адаптивный) тип» не образовался. Скорее всего, имевшейся у группы русских переселенцев нормы реакции биологических систем организма хватило на приспособление к новой природной и социальной среде.

²⁴ Дубова Н.А. Этномедицинское обследование населения // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С.292-294.

²⁵ Воронов А.А., Кузнецова С.М. Состояние здоровья // Русские старожилы Азербайджана. М., 1990. С. 138-151; Дубова Н.А. Стресс-адаптация-заболеваемость // Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М., 1995. С.271-295

²⁶ Данное село было выбрано в качестве контроля как представляющее население районов, откуда происходило выселение предков современных молокан и духоборцев в XVIII в.

Виноград и крокусы

1987 г., октябрь. Работаем в с. Ивановка уже третий месяц. Обследование близится к завершению: киевские геронтологи работу практически закончили, заканчиваются измерения детишек в школе... Виноград колхозниками, благодаря успешно проведенной, как они говорили, «мобилизации» всего населения, уже собран.

Небольшое отступление. «Мобилизация» - очень своеобразное мероприятие, если не сказать явление, которое имело место, насколько мне известно, на территории Азербайджана только в колхозе им. Калинина (с. Ивановка). Оно проводилось как только виноград подходил в процессе своего созревания к оптимальной сахаристости, которую определяют агрономы, и его, собрав за минимальный срок (не более 1 – 2 недель) можно было сдать по наивысшей цене на заводы для переработки. В воскресенье собирается общее собрание колхоза, на котором председатель – Н.В. Никитин – объясняет ситуацию, говорит о том, как много уже сделано всеми членами колхоза для того, чтобы урожай был высокий и качественный, как важно его своевременно и быстро собрать, и призывает всех принять участие в сборе винограда.

Затем выступают руководители бригад колхоза, берут на себя различные обязательства по сбору «солнечных ягод», вызывая других бригадиров на соревнование. Все выступления на собрании транслируются по колхозному радио в каждый дом и по громкоговорителям на улицах села. Во всех семьях говорят в эти дни только о винограде, понимая, как много в жизни каждого зависит от успешности его продажи.

Участники экспедиции на сборе винограда. Октябрь 1987 г.

Следующая неделя после собрания начинается с первыми лучами солнца. Численный состав бригад значительно увеличивается, т.к. кроме штатных членов, в них добровольно включаются члены семей всех возрастов. Ведутся дневники сбора винограда, каждодневно учитывается сколько собрал каждый колхозник, каждая бригада, каждый участок колхоза. Передовиков всенародно хвалят, нерадивых сборщиков – также всенародно - корят. Каждый житель села, если только он может двигаться, считает своим долгом принять участие в работе: и совсем немощные старики и малые дети хотя бы на один день стремятся выйти на виноградники. Тех, которые уклоняются от общей заботы (их единицы), все осуждают и стараются с ними не общаться. Пик «мобилизации» наступает в следующее воскресенье, когда «явка» на сбор бывает максимальной.

Что и говорить о том, что установившийся ритм приглашения на наши обследования в эту неделю нарушен даже в школе. Обычная же жизнь колхоза нарушается не

коренным образом, продолжаем работать и мы... Но в последнее воскресенье общий азарт охватывает и большинство участников экспедиции. Мы просим разрешения у Н.В. Никитина на участие в сборе винограда. Он долго не хочет нам разрешить этого, т.к. мы не члены колхоза, а урожай должен быть собран руками только колхозников. Но все же уступает, и человек 10 желающих «экспедиционеров», среди которых Е.З. Година, М.В. Козлов, И.А. Хомякова, Л.В. Задорожная, Ш.А. Асадов и др., вливаются в вихрь мелькающих рук, острыми ножами, срезающих спелые грозди и бросающих их в ведра, несущихся между рядами виноградных лоз ног, посредством которых полные ведра доставляются до кузова самосвала, сияющих от радости глаз и улыбающихся лиц, принадлежащих людям, делающим тяжелую, но необходимую работу все миром. Мне, как начальнику экспедиции, участвовать в этой работе не разрешено: Н.В. Никитин берет меня в свою «Ниву», и мы вместе объезжаем все поля, чтобы видеть весь «фронт работ». К вечеру становится ясно, что перекрыт рекорд прошлого года не только по суммарному количеству собранного винограда, но особенно по тоннажу зеленых и черных сладких ягод, отгруженных за это последнее воскресенье. Главная проблема дня, которую нелегко было преодолеть, – все окружающие заводы, в недавнее время переведенные с производства вина на производство сока, с огромным трудом справляются с приемом ивановского винограда: не хватает мощностей. Но главный итог – урожай собран максимально быстро, виноград высшего качества, сдан государству по максимальной цене – несмотря на большую усталость, удовлетворил всех – колхоз обеспечил себе достаток, необходимый на ближайшее будущее. С понедельника жизнь входит в нормальное русло.

Итак, «мобилизация» позади. Холодает. Не только под утро, но и днем на лужицах не тает лед. Живя в гостинице, приходится включать даже отопительные приборы. Там где есть, топят печи. Листья пожелтели, падают. Мы в полной уверенности, что вот-вот выпадет снег. И вдруг – оттепель, да какая: набухают почки, пахнет весной, появляется свежая травка.

Мы с Е.З. Годиной, гуляя в выходной за пределами села, идем по проезжей дороге между двумя виноградниками, где пару недель назад бурлил сбор винограда. С бледно голубого неба, белоснежных облаков и рядов пожухлых виноградных лоз взгляд падает на землю. А там – настоящее чудо! Столь же бесконечными рядами, как и сам виноград, но во много раз ярче, зацвели тысячи крокусов. Я впервые видела эти ранние весенние цветы не в виде одинокого приземистого цветка в цветочном магазине, а в природе, да еще осенью, в конце октября, да еще и в таком количестве. Несмотря на великолепные картины осенних перелесков, встреченные на обратном пути через живописные Закаталы в Тбилиси, это бело-сиреневое в листьях свежей зелени полосатое море, над которым возвышаются изогнутые, почти без листьев, привязанные к невысоким вертикальным палкам, виноградные стволы, эти нежные с прожилками лепестки с крупными капельками влаги на них остались навсегда в моей памяти как олицетворение негибимой силы природы, как символ ее вечного возрождения...

Крошечная часть ковра из крокусов.
Ивановка, 1987 г., октябрь

Демократические выборы

1989 г. Осень. Наша группа под руководством В.А. Большакова трудится в с. Ульяновка Сигнахского района Грузии. Мы, в частности, работаем и в сельском совете, переписывая необходимые данные из похозяйственных книг. Весь СССР бурлит, организуются народные фронты, новые партии, движения. В Грузии на одно из воскресений назначено голосование за кандидатуры на должность Президента республики. Претендентов много. Общественное мнение села кандидатуру явного лидера в других районах – Звияда Гамсахурдию – не поддерживает, прежде всего из-за его позиции о предоставлении особых прав грузинам по сравнению с другими народами республики. В день выборов в селе наблюдается оживление. Голосование будет проходить в помещении сельского совета. Приехало несколько черных «Волг» с энергичными молодыми людьми. Они «окружают» весь дом, где расположен сельсовет, встают в дверях. На каждого входящего смотрят внимательно, испытующе. Нельзя сказать, что очень громко, но так, что все слышат, стараются довести до каждого голосующего информацию, что если село проголосует против кандидатуры З. Гамсахурдия, то жителям придется уехать из Грузии и т.п. Надо сказать честно, атмосфера на избирательном участке была не из легких. Село все-таки проголосовало «против». Как мы все знаем, Звияда президентом избрали, правда, не слишком надолго. Сведения о современном положении села, достигшие нас позже – противоречивы, но, судя по ним, большая часть жителей села, особенно те, кто не мог довольствоваться низко квалифицированной поденной работой, все же уехали в разные, в первую очередь южные, регионы России.

Последний взгляд

Последняя поездка к русским старожилам состоялась в октябре 1990 г. После завершения исследования зубной системы детишек средних школ сел Красногорка Сагареджойского и Ульяновка Сигнахского районов Грузии, моей целью стал туркменистанский г. Ашхабад, куда был еще в Москве приобретен билет на самолет из Баку, поэтому предстояло выбрать какой-либо путь до столицы Азербайджана из Тбилиси.

С билетами, да и расписанием поездов появились значительные проблемы и, вспомнив свой путь, проделанный в 1986 г., уже описанный в начале, я решила ехать, что называется «на перекладных». Эта дорога, конечно более прямая, чем в 1986 г., позволила еще раз увидеть друзей и посмотреть, какова динамика миграций из некоторых сел через пять лет после их первого посещения, в те годы, когда уже начал полыхать Карабахский пожар, прогремели взрывы в Гяндже, но ГКЧП и август 1991 г. были еще впереди.

Первая остановка на территории Азербайджана - в с. Беюк-Сеютлы Варташенского района, где медико-биологическая экспедиция работала в 1989 г. и где председатель колхоза Михаил Михайлович Коробов оказал тогда нам великолепный прием. В этом, 1990, году прием был не менее радушным. Своей заботой и теплом окружила меня во второй раз семья Подосинниковых – Иван Иванович, Мария Егоровна, Михаил Иванович, Мария Ивановна и их замечательные, тогда еще не очень взрослые дети. Все они вместе с друзьями и соседями уже тогда подобрали себе места, куда можно переехать, договорились с местным начальством и сейчас уже десять лет живут в Краснодарском крае. Важно отметить, что большинство жителей русских сел Закавказья переселялись только группами семей. Поч-

ти никто не уезжал из родного села в одиночку или хотя бы одной семьей. И селиться, как показали исследования уже после распада СССР, они старались в тех местах, где ранее уже обосновались «родственные им души». Судя по имеющимся у меня данным, за которое специальное спасибо также М.М. Коробову, в настоящее время в Бюек-Сеютлу почти не осталось русских семей.

С. Бюек-Сеютлы. 1989 г. Зажигательный танец
Н.С. Михальченко и председателя колхоза М.М. Коробова (слева) (фото А.Н. Ямска)

В Ивановке, куда я заехала позднее, ситуация оказалась совсем другая. Было специальное общее собрание

колхоза. Приняли решение, если переезжать, то всем селом, всем вместе селиться на новом месте, стремиться получить достойную компенсацию за оставляемую здесь, в Ивановке недвижимость, чтобы было с чего начинать на новом месте. Последнее условие соблюсти практически было невозможно, т.к. уезжавшим из Азербайджана за их дома, скотные дворы и др. давали смехотворные суммы, составлявшие едва ли одну десятую, а то и меньше их реальной стоимости, в соответствии с логикой: «кто хочет, все равно уедет». Более того, все эмиссары, посылавшиеся в разные районы России с целью разведать ситуацию и обговорить условия переселения, принесли сведения, что практически никаких «подъемных» в России нигде не будет, да и с землей, с пахотой, строительными материалами им скорее всего не смогут помочь. Поэтому еще на одном общем собрании было решено не оставлять Ивановку до тех пор, пока ситуация не станет совсем уж невыносимой. Но родители не удерживают молодое поколение от поступления в вузы России, от женитьбы там, просто от переезда. Пока, уже в наши дни, Ивановка еще жива. Думаю, что не в столь цветущем виде, как мы ее застали в 1986, 1987 и 1989 гг., но еще не уступает в конкуренции по многим сельскохозяйственным позициям другим селам республики. Не знаю вот точно, покупает ли до сих пор ивановский чеснок Франция, или уже нет. Говоря об этом селе, не могу все же не упомянуть еще несколько фамилий, кроме уже называвшегося мной и ныне, к великому сожалению, покойного, Н.В. Никитина. Это и окружавшие все наши иногда весьма многочисленные отряды «кулинарной теплотой» Т.Г. Казакова, и домашним уютом в гостинице М.Т. Орлова, и председатель сельского совета (также ныне, увы, покойный) В.И. Казаков, много знавший об истории села, и семья В.Т. и М.М. Минниковых и другие ми-

лые, замечательные люди. Им также самая моя сердечная благодарность.

Отдельную работу могут составить воспоминания о рекогносцировочной поездке 1989 г. вместе с Володей Большаковым, Анатолием Ямсковым и шофером Юрием Щитовым в Воронежскую, Тамбовскую, Липецкую области. Одни только названия сел – Верхняя Тишанка, Кривцы, Верхнее Чуево, Пахотный угол, Митрополье, Кочетовка, Сява, Ольшанка, Дуплято-Маслово, Лебедянка, Пановы Кусты, Уварово, Ромашинки, г. Мичуринск – по-моему, греют душу.

В.А. Большаков и А.Н. Ямсков с информатором.
Тамбовская область, 1989 г.

Практически во всех этих населенных пунктах до сих пор есть сподвижники С. Уклеина. До наших дней, несмотря на гонения, начиная со времен Екатерины II, здесь действуют

молоканские, духоборческие общины. Они, конечно, не велики, но при общем, до крайности, снижении «демографической людности» сел России, община в 25-30 человек, которая собирается на праздники в некоторых из них, не так уж и мала. А дома, которые в Тамбовской области (наверное, и в других близких – этнографы знают точнее) строят из полубревен, вставляя вертикально в каркас из целых бревен с пазом внутри распиленные пополам стволы сосны. А «пóмины», когда прежде чем подать традиционную для многих районов России домашнюю лапшу, подают так называемую окрошку, которая состоит из отдельно поставленной картошки и «кваска», и соленую селедку... Главным же впечатлением от этого выезда была горечь и тоска за родную землю, когда проезжая десятки, даже сотни километров великолепных залежных черноземов, развалины богатейших когда-то соборов (как например, в с. Пахотный угол), населенные пункты попадают крайне редко, да и домов-то в них не слишком много. Боюсь, что за прошедшие 12 лет картина в этих регионах изменилась не в лучшую сторону. Об этом говорят мои посещения деревень и сел Приуралья и Прикамья.

Вспоминаю, что пóмины, например, в Ульяновке (Грузия) – совсем другие. Все, пришедшие почтить память покойного, сидят за несколькими большими, длинными общими столами. Главным «блюдом» является чай из самоваров, которые в большом количестве ставятся на стол. Но самое сильное впечатление, завораживающее и доходящее до самой глубины души, было, конечно, коллективное пение молочанами псалмов. Даже не зная слов этих священных гимнов, мы стали как бы частицей этой, небольшой на самом деле, общины. Мне показалось, что все наши души слились во что-то большое, единое и поэтому ничего не страшно... Поток таких деталей нескончаем.

Еще нельзя не вспомнить «теплый» прием в средней школе с. Пески, который, я думаю, на забыт всеми участникам экспедиции – сотрудникам НИИ и Музея антропологии МГУ и МИЦ «Аэрозоль» из г. Санкт-Петербурга, когда сырой, достаточно уже холодной осенью нас поселили в старые мастерские, где вместе с нами проживали, обрадованные новой компании, «милые» серые пушистые длиннохвостые существа...

*Лучше гор - могут быть только горы,
на которых еще не бывал*

Что же такое экспедиция вообще? Почему какая-то часть (ранее весьма незначительная, а сегодня – подавляющая) антропологов и этнографов благополучно обходится без этих поездок, а некоторые домочадцы даже «бухтят»: «Дома вам не сидится!»; дети, когда хотят досадить, вспоминают: «Мы тебя и не помним, ты все время где-то ездила, а с нами с раннего детства сидели бабушки». Можно, наверное, прочитав много книг, увидев из окна поезда или автомобиля города и веси, сделать какие-то выводы, даже антропологические. Будут ли они отражать реальную ситуацию – другой вопрос – наверное, смотря, о чем вывод. Но понять, например, Среднюю Азию, посетив только Арк в Бухаре и Регистан в Самарканде, – невозможно. Не видя эти мировые ценности, понять этот регион, его историю – тоже нельзя, но не побывав в кишлаках и

аулах, юртах и домах горцев, в горах и песках, в дельтах Амударьи, Сырдарьи и в их среднем течении... будешь принимать ответственные решения типа тех, которые после 11 сентября 2001 г. принял президент США. Безусловно, то же самое касается и Кавказского, да и любого другого региона: только зная досконально что, как и где, можно быть уверенным, что твои прогнозы окажутся близкими к истине. Помните диалог в «Гамлете»? Принц датский предлагает Гильденстерну сыграть на флейте, а тот отказывается. Тогда Гамлет удивленно говорит: «Это же так просто – как лгать; ... Вот видите, что за негодную вещь вы из меня делаете? На мне вы готовы играть; вам кажется, что мои лады вы знаете; ... или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке? Назовите меня каким угодно инструментом, – вы можете расстроить (в переводе Лозинского – терзать) меня, но играть на мне нельзя!» Так или почти так и терзают политологи, политики «по разуму, по понятиям», но без реальных знаний не одного человека, пусть даже принца, а целые народы и обширные территории...

Но это только одна сторона – прикладная, так сказать, – экспедиций. По-человечески не менее важна и другая, сугубо личная. Любая экспедиция дает возможность горожанину, каковыми обычно являются почти все, посвятившие свою жизнь научным изысканиям, соприкоснуться с тем миром, который мы в городе потеряли. Это тихий шорох (или трепет в зависимости от времени года) листьев в лесу, не омраченный грохотом машин и их выхлопными газами; солнце восходящее или заходящее за горизонт, а не за заводские трубы; сон в спальнике на легкой подстилке (а ведь еще 30 лет назад чаще всего спальник был ватный, т.е. более естественный, хотя и тяжелей, чем из синтепона, и стелился он прямо на хвойные ветки); вечера у костра, а не у камина, когда тебя, точнее всех нас, окружает или

бескрайность степи, или таинственно темнеющий лес, не огороженный никакими заборами, шуршащий морской прибой или хотя бы плеск воды по гальке, а не по гранитной набережной, в маленькой речке... А раскрытие человека во всей красе его достоинств и недостатков именно в экспедиции: «...там он в связке одной с тобой, там поймешь, кто такой!». Человек – был и пока еще остается частью живой природы. Он, конечно, всеми силами старается от нее оторваться, делает евроремонты, строит небоскребы, «самобеглые коляски» и самолеты, но душа его (во всяком случае, у значительной части представителей *Homo sapiens*) все равно стремится к естественному виду и ходу вещей. Поэтому-то мои (да, наверное, не только мои) дети не совсем правы, обвиняя нас, что мы бросали их на попечение бабушек и тетушек (кстати сказать, полного отстранения старшего поколения от воспитания своих потомков нет ни в одном традиционном обществе – значительная часть информации передается не путем книг, телевизоров, интернета и прочих достижений цивилизации); многие сотрудники брали своих детей в поездки. Мои, например, уже в школьном возрасте смогли побывать и во всех республиках Закавказья, и в Туркменистане, и на Урале, они не в кино или в зоопарке видели и могли «пощупать» плюшевую шерсть маленьких верблюжат и ослят, которые, как известно, по Москве уже давно не ходят, купались и в горячих ключах, и в соленой речке около Небит-Дага, и были в карстовой пещере под Бахарденом с ее горячим подземным озером, и, как я писала выше, знают, что такое молоканские села в Азербайджане, как растет виноград, как хлеб пекут в русской печи, а из молока делают домашний сыр... Разве многие взрослые это сами видели! Мне кажется, человек не должен (а, может, и не сможет, все таки?!), становится «придатком» достижений своей цивили-

зации. Он будет скорее, как это и есть пока, окрашивать их (эти «достижения») в свои, этнические, национальные краски (как некоторые бы и не были против этого), но стремиться все же оставаться в гармонии с природой. Ведь недаром конструкции Эйфелевой башни совпадают в целом со строением длинных костей человеческого скелета! В этом, видимо, и заключается настоящая экология, а также и ее часть – этническая экология.

Что сказать в заключение? Обе проблемы, над которыми работал меняющийся научный коллектив и в разработку, и в формулировку которых много вложил первый руководитель сектора В.И. Козлов, много дали всем участникам, показали необходимость и возможность проведения сложных комплексных исследований, на многие вопросы заставили посмотреть с новой стороны, оказались крайне важными в научном отношении. Выросшая из более частной проблемы долгожительства отрасль – этническая экология как направление о формировании, развитии и взаимодействии систем жизнеобеспечения этносов – могла бы, при ее дальнейшем развитии, стать темой, а точнее целым комплексом тем для целого института. Но развитие фундаментальных проблем пока мало кого волнует. Занятые необходимостью сиюминутной «борьбы за существование», многие забывают, что не финансируя подобного рода исследования, мы уже скоро не сможем решить ни одну текущую проблему, в том числе и касающуюся здоровья населения, как физического, так и психического... Времена меняются. Будучи оптимистом, всегда надеешься на лучшее, хотя бы в будущем. Поэтому будем доводить до публикации ранее собранные материалы и готовиться к новым полевым выездам.

И, наконец, последнее. Имея некоторое отношение к подготовке данной книги к изданию, я с удовольствием не

один раз, чтобы в нужном месте разместить, в частности, фото, прочитала все очерки, здесь помещенные. Это, кроме всего прочего, затронуло в моей памяти многие ранее спавшие пласты, и, читая заметки других, очень трудно было удержаться и не написать что-то из своих воспоминаний, связанных с той или другой темой, они за собой тянули другие, те – третьи и т.д. Но самое главное, хочу обязательно сказать сердечное спасибо «вдохновителю и организатору наших побед», как бы «великому кормчему, отцу всех» этноэкологов – Виктору Ивановичу Козлову. За то, что он поднял нас на это дело, всколыхнул дремавшие и таившиеся в глубине мысли и обобщения. Без него не было бы этих очерков (а если бы они и были, то, наверное, другие), не было бы сектора в том виде, как он работал в Закавказье (а если бы и был, то был бы совсем другой), да и мы, не попади в сектор этноэкологии, тоже были бы другими. Именно Виктор Иванович не просто собрал тех, кого собрал, в единый коллектив, он сумел во многих из нас зажечь искры интереса к пограничной тематике, которые они до сих пор и пытаются разжигать до пламени. У кого уж как получается – другой вопрос!

Н.М. Лебедева

Психология – это важно.

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

А. Ахматова

пришла пора вспомнить и о том, из какого жизненного материала (в том числе – «мусора») произрастает наша наука. Накануне моей первой экспедиции к русским старожилам Азербайджана многие молодые коллеги возбужденно говорили: «У нас лучшая в мире работа, Надежда! Где еще есть возможность удовлетворять собственное любопытство за казенный счет!» «Ну-ну, думаю, легко вам говорить, молодым да вольным. А тут дома трое детей по лавкам, а беспутная мать, вооружившись безумными психологическими методиками, изобретаемыми целый год, едет в какую-то тьму-таракань неведомо зачем». Типичный русский сюжет: «поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...»

Это внутреннее ворчание, однако, не всерьез, а всерьез – мятущаяся душа Стрельца уже замерла в остром предвкушении счастья неведомых скитаний по новым местам, новых знакомств, приключений, веселья и интересной, еще не опробованной, поэтому пугающей и еще более заманчивой полевой работы среди молокан.

Если уж речь зашла о работе, хочется описать, как это происходило. Самое большое счастье – это переезд из села в

село. Счастье – потому что это – вынужденное безделье, счастье – потому что все рядом, в одном кузове большой машины, значит – это время шуток, приколов, душевных песен с неутомимой Олей Комаровой, разлитым в воздухе чувством безотносительной влюбленности всех во вся, ожиданием неизвестности, таким пьянящим и сладостным.

О.Д. Комарова: «Ты меня, работушка, не бойся, я тебя не трону...»

Переезды, однако, дело тяжелое, иной раз ног не чувствуешь, так затекут, да и голод – не тетка, хорошо, если удастся перекусить тушенкой с помидорами «на пленэре» с видом на горы или доли. А то, заботливый Алексей Павленко, желая нас экономно накормить, не один крюк сделает по какому-нибудь городку, шокируя аборигенов вопросом, вызываю-

щим у нас с Олей Комаровой форменную истерику: «А где тут у вас рабочая столовая?». После этого хочется гордо сойти с этой машины и пообедать за свой счет в самом лучшем ресторане.

Приезжаем в новое село, как правило, под вечер. Быстренько распаковываемся, обычно у школы, знакомимся с местной администрацией. Запасаемся водой, расставляем раскладушки, расстилаем спальные. Если еще не стемнело, идем гулять по селу, первая разведка, так сказать. Село живет своей жизнью, кажется закрытым в себе миром, полностью равнодушным к нам и в чем-то даже враждебным. На другой день у всех еще полная дезадаптация, это – наилучший день для дежурства по кухне, и все вертятся здесь. Обычно переезд подгадывался под выходные, чтобы можно было немного прийти в себя и не бежать сразу работать. Если это – воскресенье, с помощью местной администрации заранее договариваемся, чтобы нас пустили в молоканское «собрание». Там сидим чинно, наших молодых людей лукавые старики просят иногда что-нибудь почитать из Библии и прокомментировать. Не помню, чтобы кто-нибудь решился. Прислонятся, улыбаясь, к стенке, а старики с усмешкой отводят глаза. Мы же, по бабьему делу, сидим посреди лавки и стараемся попасть в ритм старинных распевов. Это очень нелегко, даже если «знаешь слова». В общем, хуже работы – все на виду, кажемся полными идиотами, смущающиеся, неадекватные, они нас боятся, мы – их. В общем, «песня». Неудивительно, что первые три дня в каждом селе Валера Степанов изводил нас своей сакраментальной фразой, тоскливо растягивая слова и закатывая глаза куда-то в сторону: «Не поднять нам это село, ох, не поднять...» И смешно, и стукнуть чем-то хочется. Ибо состояние угадано верно.

Молоканские деды после собрания.
с. Ивановка Исмаиллинского района, 1987 г.

А потом... Я никогда не забуду эти классические переходы от сковывающего страха, слабости, неадекватности, полной беспомощности перед этим новым и страшным своей закрытостью селом к состоянию безрассудной отваги, решимости, уверенности, что «смогу, возьму это село!». И надевается платье с длинным рукавом, платок, все внутри собирается и поет, как натянутая тетива, и идешь мимо этих настороженных окон в первый молоканский дом, и говоришь с этими людьми об их жизни, о вере, обо всем, что дорого им... И методики мои где-то проскакивают уже незаметно в атмосфере доверия и расположения, домашнего тепла и общей у нас с ними любви ко Христу... И это – драгоценные минуты и часы, когда все, что мне нужно знать и понимать, на волне любви и участия идет чистым и искренним потоком из одной человеческой души в другую И я больше не боюсь их, а они – меня. И я больше не завидую белой завистью демографам,

которым не обязательно ходить по домам, а можно сидеть в конторе и переписывать похозяйственные книги.

Молоканские бабушки после собрания около нового молельного дома. с. Ивановка Исмаиллинского района, 1988 г.

Все, пошло, дальше не страшно. В психологии это называется «копинг», т.е. «совладание». Это, наверное, похоже на актерский кураж, когда удается «власть держать над полным залом», это похоже на любовное завоевание. И мне было очень приятно, когда мои коллеги шли в дома, где я бывала, и говорили: «после тебя такое чудесное "поле!"» Я это знала. И это было предметом моей внутренней гордости, гордости профессионала. И я помню, даже как-то удостоилась признания коллег устами Толи Ямскова: «Красиво работаешь, Надежда». Но мучительные состояние до того... Это почти как схватки перед родами...

И все-таки хорошо быть психологом. Многие вещи легче даются твоему пониманию. И в себе, и в других. По-

нимаешь, почему в селе иногда так странно на нас реагируют. Приходилось мне как-то попадать в дома после антропологов. Не наших, опытных, вроде Надежды Дубовой, а молодых девочек, студенток или аспиранток, собирающих информацию для антропологов. Например, приходила я в дом, знакомилась (обычно сельчане уже знают, что у них работает научная экспедиция), чувствую, какой-то напряг. Достаю тест Люшера (цветовые карточки, измеряющие уровень тревоги, общей напряженности), обычно с ним никогда никаких проблем не бывало: выбирают более приятный цвет, менее – и так по убывающей. А тут – бояться, мнутя, смотрят как-то странно. Потом один дед не выдержал: «Чем вы тут занимаетесь?! Вы хоть понимаете, для чего все это?» «Понимаю», – говорю, и начинаю объяснять. Какое-то тотальное недоверие и даже обида. «В чем дело, – говорю, что вас так пугает?». Они говорят: «А вы не издеваетесь над нами?» «Нет, конечно, с чего вы это взяли?» «Да тут ваши девушки приходили, заставляли нас язык трубочкой складывать, а сами смеялись. Мы их спросили – зачем?, а они и сами не знают.

«... Коли надо,
фотограф ируйте, вот - мы»
с. Новоивановка
Кедабе кского ра йона, 1987 г.

ют. Нехорошо так, мы ведь все-таки люди, и немолодые». В общем, обида у них была, и я не уверена, что смогла ее снять, хоть и старалась. В общем, «поле» испортить легко, исправить трудно. Психологу это особенно хорошо видно. Но такие накладки за мою экспедиционную жизнь бывали крайне редко. И только у случайных людей.

А люди в тех молоканских селах встречались изу-

мительные! Не забуду одну пожилую женщину, с которой познакомилась «в собрании», и была приглашена в гости. У нее семеро детей, из которых выжили пятеро. Двое погибли в афганской войне.

Причем про гибель одного сына она рассказывала так: «Снится мне сон: горит огонь в русской печи, а из печи слышу Ванин голос: Мама! Жарко мне! Спаси меня! Тогда я поняла, что сынок мой гибнет... А потом получила письмо: погиб при выполнении боевого задания. А от друзей узнала: сгорел в танке в тот самый день и час, что я сон видела... А когда гроб цинковый в деревню привезли, я еще не знала, только как будто увидела, как машина с моим Ванечкой к дубу подъехала, где отворот на деревню нашу... Только и сказала: Господи, как же ты меня любишь! И сознания лишилась». Тогда–то я поняла, что неважно, к какой конфессии принадлежит человек, если он так пламенно верит, то и Господь пребывает в нем и с ним.

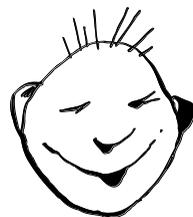
А потом, когда я попросила разрешения сфотографировать ее с мужем, вышли они на веранду, встали, как перед казнью, прямые и суровые, сказали: «Может, нас за это в тюрьму посадят, но коли надо, фотографируйте, вот – мы». У меня аж слезы на глазах выступили. Я до сих пор помню их красивые скорбные лица.

А мы, конечно, часто и не догадывались, как они нас оценивают и воспринимают, жили своей суматошной экспедиционной жизнью. Были в ней разные моменты, только память как-то услужливо подсовывает самые светлые и радостные. Экспедиция – это время узнавания: мира, других людей и себя самого. Обычно, экспедиционная жизнь происходит более-менее размеренно: приехали, провели исследование (в среднем 8-10 дней на село), поехали дальше, и так – два-три села за экспедицию. Работали обычно в две-три смены, следовательно, было 2-3 начальника экспедиций за летний пе-

риод. Выбирали удобное время, а уж начальник – какой достанется. Все начальники были свои, значит, нормальные, не помню, чтобы была аллергия на кого-то. Все, как могли, в меру сил, заботились, чтобы наш быт и условия работы были приемлемы. Жили мы, как обычно, в школах, сейчас мне трудно представить этот быт, но, вот чудеса памяти!, не помню каких-либо неудобств, хотя, наверняка, они были. Даже самое экзотичное место – школьный туалет (это сооружения разных архитектурных стилей, обычно, за пределами школьного здания) сейчас вспоминается с добродушным юмором. Ходили мы туда группами, под постоянным визуальным контролем азербайджанских детей и подростков. Интерьер описывать не берусь, хотя и помню. Кто бывал – легко может себе представить. Если география и бензин позволяли, то экспедицию старались завершить двумя-тремя днями на море. Смыть экспедиционную пыль, отдохнуть и расслабиться перед Москвой.

Очень хорошо было в этом смысле работать в Абхазии. Помню, в ожидании «памелы», т.е. «голубки» с нами на бензин (Надежды Григулевич) перед поездкой в высокогорное село Псху, жили мы два дня в доме местного холостяка Юры, как говорится в таких случаях, любезно предоставившего на время свой дворец нашему табору. Это был большой двухэтажный дом с участком, на котором росло все: абрикосы, грецкие орехи, мандарины – жаль, не сезон был, июнь-месяц. На первом этаже дома был камин, который был разожжен в нашу честь в первый вечер. Хозяин угостил нас домашним вином и удалился. Наши молодые люди проявили завидную прыть и незаметно «набрались», несмотря на то, что вино на столе было давно выпито. Они по двое-трое удалялись в хозяйственную пристройку и выходили оттуда со смиренно опущенными глазами и улыбкой Джоконды на лицах. Когда мы

заглянули за эту загадочную дверь, мы все поняли – на земляном полу стояли большие бутылки с красным вином, из них вели резиновые шланги. Остальное – было делом техники.

Еще на участке этого дома был ручей, запруженный хозяином так, что получилось маленькое озерцо с травяными берегами. Жарко, хотелось купаться. Вода была обжигающе-ледяная, так что выскакивали с криками как из крещенской проруби. Самый кайф был, когда мы увидели, что с нами в этом водоеме плавают и красивые яркие змеи. Разбираться в их породе ни у кого не было охоты, поэтому купание больше не повторялось.

В Абхазии нашим начальником в то лето 1990 г. был Владимир Большаков. Он полностью соответствовал своей фамилии: большой, добродушный, красивый мужик с окладистой бородой. В общем, мечта молокан. С ним и в Абхазии работать было одно удовольствие. Особенно хорошо было стоять в Тамыше – на диком многокилометровом пляже. По примеру Большакова мы выносили свои раскладушки на берег, ставили их на гальку в нескольких метрах от моря, обильно мазали всякой дрянью от комаров свои нежные лица и спали под гулкой шум прибоя... Утром, во время прилива, иногда наши раскладушки оказывались почти «по колено» в воде.

Очень интересно было наблюдать приезд в экспедицию самого, так сказать, высокого начальства – Виктора Ивановича Козлова. Эти приезды добавляли много тайного и явно-го веселья. Виктор Иванович любил внимание, и требовал его от всех, порой самым экзотическим способом. Помню, улеглись мы как-то в очередной раз спать, почти все - у моря. Виктор Иванович улегся в кузове автомашины. А рядом с нашим лагерем было небольшое болотце, в котором мирно и

вполне мелодично квакали лягушки. Мы уже привыкли и их не замечали. Из болотца выходили свиньи и копались в оставленных нами вещах. Бедный Виктор Иванович в первую же ночь объявил им войну. Он разогнал свиней и взялся за лягушек: швырял в болотце камни, ругал Большакова за выбор места для стоянки, возился, шумел, пел, стонал. В общем, дело кончилось тем, что все повывлезали из спальников и пытались заставить лягушек умолкнуть. Бедные твари, одурев окончательно от невиданной агрессии, решили: умирать, так с песней! В общем, ночка была веселая.

На другой день, невыспавшийся Виктор Иванович вылил-таки свое недовольство на бедного Большакова. Большаков ушел в море. Долго можно было наблюдать картину борьбы Большакова с морем: метрах в ста от берега, параллельно ему, мощными саженками плавал Большаков (еле видный) и громко что-то кричал, типа: «А-а-а –а!!!» В общем, как у Горького про буревестника: «Он кричит, и волны слышат радость в смелом крике птицы!» Уж не знаю, слышали ли волны радость в смелом крике Большакова, но мы сначала перепугались – уж не прощается ли он с нами таким вот образом?...А и ничего, покричал, поплавал и вернулся, как ни в чем ни бывало. Как психолог скажу – очень грамотно все сделал. Да и Виктор Иванович как-то подобрел, стал искать другие развлечения. Взглянул на меня: «А ты что такая лохматая ходишь? Давай-ка я тебя постригу». «Ну, думаю, попала». Принялась отнекиваться – скоро, мол, домой, там и постригусь. Ну, нет, не на того напала. Пришлось покориться. Стриг долго, с азартом. Потом с чувством Пигмалиона, смотревшего на свою Галатею, все говорил: «Ну, здорово я тебя постриг?» Я, глядя руками свой непривычный ежик, соглашалась: «Ага, не жарко теперь».

Потом мы поехали в Псху – высокогорное абхазское многонациональное село. Ехали по сложной горной дороге,

местами переезжали горные речки, в которых наша машина едва вылезала из воды. В общем, наш шофер проявлял чудеса вождения как на гонках «Формула-1». По пути старались не останавливаться, потому, что нас предупредили, что в тех лесах орудует шайка беглых разбойников. Добрались, слава Богу, благополучно. Поселились в местной школе, которая была огорожена забором, во дворе росла роскошная трава с невероятными цветами. Райское было место.

Виктор Иванович царил и учил нас жизни. Помню, возвращаются как-то с задания Надежда Григулевич и Виктор Катунин, аспирант В.И. Козлова. Все замечали их взаимную симпатию, но к таким вещам относились с тактом и бережностью. Виктор Иванович, смотря, как они задумчиво бредут среди травы к школе, говорит нам: «Женщины, учитесь, как правильно ходить. Впереди идет мужчина, а она – сзади, с покорно опущенной головой. Так и надо. А вы как ходите? Бежите впереди, задрав нос, а где мужик – даже и не смотрите». В ответ раздавалось дружное ржание женской половины отряда.

Приезды Виктора Ивановича были особенно ценны тем, что, благодаря ему, в экспедиции оживала научная жизнь: вечерами мы обсуждали какие-то спорные теории, в этих спорах рождались новые гипотезы, иногда абсолютно безумные, а иногда – такие, которые потом, через годы, всплывали в мозгу и оказывались очень удачными. Наша «междисциплинарность» в таких спорах была определенным преимуществом – позволяла не заикливаться в рамках одной науки, а искать пути пересечения теорий и подходов, которые давали возможность видеть предмет с разных сторон.

Н.М. Лебедева: «Хорошо думается на молоканском кладбище...».
с. Лермонтово, Армения, 1988 г.

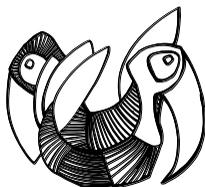
В Псху было удивительное ночное небо, глубокое, темное, звездное, в чаше высоких гор, вершины которых почти смыкались в этом небе. И горный воздух, чистый и неподвижный.

Много было других прекрасных мест и эпизодов, из которых большей частью вспоминаются забавные. Так, в одной из экспедиций с нами был врач, друг Валеры Степанова, тоже Валерий. Он был безумно популярен среди местного населения. Старики зазывали его к себе и за внимательное медицинское обследование поили, кормили и давали с собой. Помню, из очередного похода он принес живого петуха и очень обиделся, когда мы не смогли его зарезать, ощипать и приготовить (это была глубокая ночь). Я уж и не помню, что

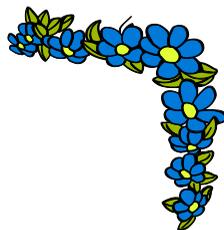
дальше стало с этим трофеем. А потом, в армянском селе, у него случился приступ аппендицита, он потребовал водку, зеркало и собирался собственноручно прооперироваться. Сделать этого мы ему не дали, и отвезли в районную больницу, где местные коллеги прооперировали его, а он лежал (с зеркалом!) и руководил операцией. Потом, в палате, за ним трогательно ухаживал Валера Степанов, ему даже поставили отдельную койку. Он умудрился насмешить главврача с комиссией, которые, войдя в палату (прооперированный спал, укрывшись с головой), обратились к здоровому Валере Степанову с вопросом: «А вы здесь с кем лежите, с женой?», на что Валера ответил: «Почему с женой? С мужем».

Экспедиции к молоканам обычно заканчивались в Тбилиси, откуда основная часть улетала в Москву, а машина с начальником шла в столицу своим ходом. Мы закупали грузинские вина домой (некоторые – ящиками), как сейчас помню – любимое «Твиши» стоило 2 р.50 к. за бутылку. Верный Валера Степанов покупал любимой жене Нине духи «Нина Риччи» и прозванивал оставшиеся деньги в нежных разговорах с ней. Последний день мы паковали свои вещи, экспедиционные материалы, бродили по городу, привыкая к цивилизации, мечтали о горячей ванне в московской квартире и в душе немного сожалели о том, что напряженное и одновременно беззаботное время экспедиции подошло к концу. Когда-то следующая?...

Впереди была сырая Москва, работа с материалами экспедиций, которая выливалась в статьи, сборники, монографии, кандидатские и докторские диссертации, международные конференции, а истоком всего была эта прекрасная и неповторимая экспедиционная пора...

Ю.В. Иванова

Русские сектанты – жилы Закавказья

Русские люди с мягкими чертами лица, со светлыми, часто голубыми глазами, длинные бороды мужчин, ситцевые рубахи навыпуск, аккуратные платочки женщин, просторные кофты с длинными рукавами, ситцевые туки. А главное – приветливый взгляд, доверительная улыбка навстречу незнакомому пришельцу... Русская ревя не красовских сюжетов! Откуда эта Россия за Кавказским хребтом?

Мы знаем, когда, как и почему их предки оказались здесь, и знаем, наверное более точно, чем сами эти люди, и можем подробно поведать историю их предков, которую они помнят весьма приблизительно. Но каким образом череда поколений сохранила свой облик, понятия и правила, по которым строят жизнь многие десятки лет? Вот эти вопросы занимали этнографов, добравшихся сложными путями до русских сел «за Кавказом». Надо вникнуть в саму человеческую психологию, отстоящую далеко-далеко от нашей собственной.

По существу проблемы такого плана и есть основная задача этнографа. Я начинала работу на Кавказе очень давно – в середине 1940-х годов под руководством Евгения Михайловича Шиллинга. Это был замечательный человек! Когда приближался поезд, везший членов экспедиции, к Кавказу и на горизонте появлялись горы, глаза Евгения Михайловича загорались особым светом, он весь преображался, предвкушая общение с любимым горным краем. Именно так должен

этнограф отдаваться своему делу: без искренней любви,

вдохновения нельзя достигнуть успеха. В те времена в Дагестане, где мне довелось провести несколько экспедиционных сезонов (середина 1940-х годов), не было иных способов передвижения, кроме пешего и верхового. И тот, и другой был освоен нами с успехом. Бытовые условия жизни были самые примитивные. Пусть члены читатели, да и члены экологических экспедиций (действиям которых посвящена настоящая

книга), прибывавшие к месту работы на изыскательских шинах, предоставленных автобазой Академии наук, груных необходимой дорожной утварью и запасом продовольствия, представят как обустроивали быт молодые девчонки, располагавшие только той поклажей, которую можно было приторочить к седлу.

Примечательные это были маршруты! Я интересовалась религиозными воззрениями аварцев, пытаюсь вникнуть в самую суть их психологии. Установить доверительные отношения с жителями горных аулов нам удавалось, хотя в это было нелегко: немногие из них в ту пору понимали русский язык (добровольными помощниками и переводчиками нам служили обычно местные учителя). Знание кавказских нравов, особенностей быта и психологии мне очень пригодились позже, когда я работала в горных районах Албании (середина 1950 - начало 1960-х годов): совпадения (точнее – закономерности) кавказских и балканских традиций поразительны.

Не только среди коренных жителей Кавказа приходилось мне работать, но и в среде потомков мигрантов – греков, расселившихся в Закавказье на протяжении XIX в. Там приходилось обращать особое внимание на механизмы адаптации пришельцев к новым для них условиям – в бытовом плане и психологическом приспособлении к соседям – носителям иной культуры.

Таким образом, к задачам этноэкологического исследования я была в какой-то мере подготовлена. В молдавских селах было интересно все, что касалось жизни этих впервые встреченных людей с их особыми установками жизни и специфическим религиозными понятиями. Вспоминаю, как во время одного из многих моих путешествий по Югославии я близко сошлась с последователями учения известной всему миру Матери Терезы. Знаменитая албанка считала, что даже малая толика добра, внушенная людям, может работать на благо всего человечества. Мне каюсь, что я сумела понять моих собеседниц, хотя присоединиться к этому братству полностью мешал, очевидно, чрезмерный рационализм современного европейского мышления. И вот теперь предстояло вникнуть в мир новых принципов и представлений.

Свобода, равенство и братство – это не просто лозунг, это мечта, обуревавшая людей в годы социальных потрясений. Так было в эпоху первоначального христианства. Одна образованная русская женщина, гражданское становление которой пришлось на 80-е годы XIX в. - эпоху народовольцев и предчувствия революционных сдвигов, говаривала: «Почему большевики отрицают православную религию? Ведь Христос был первым настоящим коммунистом!» Равенство - вот месса, за которой шли православные протестанты. Отрицая официальную церковь как учреждение с ее иерархией чинов и стремлением к накопле-

нию материальных благ и к власти в системе государственного правления, они поняли, с Богом можно и надо общаться напрямую, минуя священнослужителей (в этом их отличие от протестантов католицизма, у большинства которых сложилась своя церковная система). Без иерархии, без ее жесткого порядка возникли, в значительной степени стихийно, секты и толки всевозможных видов и между ними молокане разных направлений, духоборцы, баптисты, прыгуны, субботники и геры, среди которых предстояло работать членам нашей этноэкологической экспедиции, изучавших адаптацию русских в Закавказье. Разбираться в соотношении различных толков приходилось непосредственно на месте, причем важнее всего для исследователя было понять взаимоотношение между членами различных сект, на удивление недружелюбное, и даже между приверженцами одной секты, живущих в разных населенных пунктах.

Первое условие этнографической деятельности – искреннее, непоказное уважение к порядкам жизни исследуемой группы. Прежде всего выяснилось, что молоканские женщины всегда покрывают голову платками, и в первом же населенном пункте нашего маршрута мы с Мариной Мартыновой, работавшей в том же отряде, приобрели белые платочки, без которых не появлялись в молоканских селах.

Русское гостеприимство примечательно для молокан и баптистов: не помню случая, чтобы в конце беседы хозяева дома не усадили меня за стол, особенно если наступало обеденное время. Перед трапезой все стоя выслушивают молитву, которую вслух произносит глава семьи, и лишь после этого садятся за стол. Я – убежденный атеист (крещенный атеист!) почтительно слушаю молящихся: они заслуживают уважения за свои неколебимые убеждения.

Слова молитвы меня крайне озадачивают: они переведены на современный язык и для меня теряют сакральное значение. «Отче наш!» – это обращение остается нетронутым. Далее: «Ты, который на небесах...» («иже еси на небеси...») – мысленно перевожу я для себя и только тогда ощущаю, что произносится именно молитва). «Пусть придет царство твоё...» («да придет царствие твоё...»), «Хлеб наш насущный дай нам сегодня...» («даждь нам днесь...»), «И теперь, и скоро...» («и ныне и присно...»). Сакральное в моих ощущениях переходит в профанное, а для богомольцев эти прозаические будничные слова сакрализуются одним своим смыслом, и становится понятным деловой ясный смысл духовной основы секты, которая возводит в добродетель труд, домовитость, честность, трезвость, отсекая все лишнее, суетное. Таков и молельный дом: место беседы с Богом лишено всякой мишуры, которой наполняется православный храм. Требуется только стол, чтобы положить богослужебную книгу, стулья для сидения, коврик для коленопреклонения – и все! Максимальная внутренняя сосредоточенность.

Не тут-то было! Тяга к символам, отличающим сакральное место от повседневного человеческого обиталища, не может не проявиться даже здесь: на столах появляются плюшевые скатерти, на стенах коврики с вышитыми на них изречениями из священного писания. Помещение тщательно вычищено, освещено простыми люстрами, окна украшены кружевными занавесками. Женщины в своих костюмах следуют традиции: одеваются в кофты или платья с длинными рукавами, на ногах чулки, на головах платки.

Однако повседневная жизнь не может остаться за дверью: белые (согласно правилам) платки сменяются цветными – какие в магазинах можно купить, теми и поль-

зуются (старухи ворчат: «меня, пожалуйста, не забудьте, в белом платке похороните!»). Платье можно надеть какое придется и так как далее, и тому подобное. Наивно думать, что новшества только сейчас появились, в наше стремительно бегущее время. Всегда бывало различие между поведенческой культурой поколений, во все эпохи религиозное рвение было уделом старших возрастов. В Краснодарском крае несколько лет спустя я повстречалась с уроженкой русского села Красная Горка (в Грузии), молельный дом которого сейчас описала (она в свое время выучилась в Тбилиси на учительницу, вышла замуж за учителя-грека, воспринимая его более «своего», чем грузина, и уехала в греческое село). Она рассказывала, что во времена ее молодости (лет за 30 до нашего прибытия в село) молодые девушки ходили в молельный дом по обязанности, устроившись в уголке, рассматривали наряды друг друга (на Пасху принято было шить новые платья), сплетничали. Естественно, что религия - прибежище пожилых людей. Женщины Красной Горки, как и других молоканских и баптистских сел, рассказывали мне, что в молодости не интересовались религиозной сектой, не вникали в ее догматы и дела, а когда состарились, когда дети и внуки разъехались и они остались в одиночестве, задумались о душе и в поисках сообщества потянулись в секту.

Но вот действительное новшество наших дней: численное преобладание в секте женщин над мужчинами. Женщины – эмоциональнее, более нуждаются в защите, в моральной поддержке, чем мужчины; они находят ее в секте среди равных себе судьбою и настроением. В той же Красной Горке на моление мужчины вообще не пришли, а глава секты (*пресвитер*, как его называют) велел, чтобы женщины сами управля-

лись. Наиболее активная среди них по имени Катерина довольно успешно справилась с чтением молитв, предварительно испросив у Бога прощение за то, что нехотя посягнула на мужскую привилегию. После моления она сила меня к себе домой и начался привычный мне дальний рассказ об одиночестве пожилой женщины. В таких случаях приходится и мне отвечать на встречные вопросы о моей жизни, на что у меня для каждого конкретного случая припасена «легенда».

Есть определенная закономерность в степени сохранения религиозности среди сектантов, точнее – в степени ощущения нужности для человека принадлежать к данному сообществу. Первым пунктом следует назвать уже упомянутую тягу к общению и к утешению. В этом смысле я приветствую установку: если тебе плохо, найди такого человека, которому хуже, чем тебе и помоги ему. Очень мудро! Я повторяю этот совет москвичкам, жалующимся в моем присутствии на жизненные свои затруднения. Значит, из этнографического путешествия можно почерпнуть что-либо лично полезное.

Второе обстоятельство, сплывающее сектантов, – это необходимость сообща защищаться от внешних неблагоприятных ситуаций. Такое настроение больше чувствуется в русских селах Азербайджана, чем в Армении и Грузии (говорю о тех селах, которые посещали наши отряды, о других селах не знаю, кроме того речь идет об обстоятельствах десятилетней давности, на это сегодня следует сделать поправку). А в русском селе Новоголовка (Джалилабадский район Азербайджана) во время нашего пребывания жило сравнительно много азербайджанцев, постепенно, покупая дома и участки выезжавших русских, они изменяли облик села.

Типичный дом в молочанском селе Новоивановка Кедабекского района, 1987 г. (фото Н.М. Лебедевой)

Если русский человек хочет усовершенствовать свой дом, он пристраивает к его одноэтажному объему дополнительные помещения, закрывает стеклянной стенкой открытую террасу, обустраивает баню. Окружающее пространство – будь то участок внутри его открытой со стороны улицы усадьбы или кусочек улицы перед домом – он тоже расчистит, озеленит, обиходит, поставит скамейку у ворот. Азербайджанец строит сразу большой многокомнатный дом – в полтора или в два с половиной этажа: нижний полуэтаж предназначен для хранения свежих и консервированных овощей, фруктов, в жилой этаж надо подыматься по лесенке. В таком доме, достроенном, но еще не обставленном, жили и мы, его отдал в наше распоряжение один из местных сельских руководителей, с которым

начальник нашего отряда Владимир Большаков, человек контактный и деловой, установил дружеские отношения.

В окнах азербайджанских домов видны были кондиционеры – на зависть нам, изнывавшим от жары. Каждая средняя по достатку азербайджанская невеста должна была в своем приданом (кроме всего прочего) иметь три предмета: кондиционер, холодильник и телевизор. Большие дома окружены плотным забором, в распахивающиеся ворота можно боковым зрением увидеть ухоженный затененный садик. Да, это понятие о пространстве, характерное для мусульманского мира, знакомое мне по балканским маршрутам: освоенное пространство внутри домовладения и пыльные улицы и пустыри вне его. Эти огромные дома с характерной орнаментацией оконных проемов мне хотелось сравнивать со стадом слонов, своей тяжелой неотвратимой поступью растаптывающих человеческое поселение.

Однажды я была на улице, сплошь застроенной домами азербайджанцев. Собралась довольно большая компания жителей, разговор был самый дружелюбный, однако ни в один дом мне не удалось проникнуть. Молодой мужчина не прочь был провести меня в свой дом, но его мать категорически воспротивилась. Это было для меня неожиданным и в какой-то мере неприятным происшествием: я привыкла к большей открытости в мусульманских зонах Балкан, на Северном Кавказе (в Дагестане, например), в Аджарии.

Но, конечно, не эти детали волновали тогда русское старожильческое население, а общая установка на право азербайджанцев на руководство решительно всем – от правительства республики до колхозной кузницы. Некоторые русские наши собеседники не могли точно сформулировать свои ощущения общей неуверенности, психологиче-

ского дискомфорта, а иные его вообще не замечали. Наиболее четко это состояние обрисовал пожилой житель Новоголовки, ветеран Великой Отечественной войны, большой друг нашей экспедиции, который нашу Надежду Григулевич называл своей внучкой.

В Грузии в те времена была также установка на то, чтобы руководителями на всех уровнях были люди своей грузинской национальности, но она проводилась не так жестко как в Азербайджане.

На первых этапах водворения русских в Закавказье, когда они должны были устанавливать доверительные отношения с местным населением, имела место не только экологическая адаптация, но и социальная. Пожилые люди а наше время еще помнили о дружеских связях с азербайджанцами соседствовавших местностей в первой половине XX века. Мы называем эти связи *куначеством*, они говорили «*знакомство*». Справедливости ради следует заметить, что весьма дружеские отношения между непосредственными соседями, особенно женщинами, были и в годы нашего пребывания.

Общий вывод из наблюдений в Закавказье, так же как и в других местностях нашей страны: так называемый «суверенитет» никому пользы не принес.

Малочисленные общины сектантов менее устойчивы, чем крупные. Следовательно, численность – это третье условие их существования. В этом можно было убедиться на примере субботников и геров, живших в селе Привольное в том же Джалилабадском районе Азербайджана. Геры – эти русские иудаисты – особенно чувствую свою маргинальность: за пределами родного села, особенно выезжая в города, они не то, чтобы скрывают, но и не афишируют свою принадлежность к секте и при удобных обстоятельствах меняют еврейские имена на русские.

Главной же причиной сохранения или ослабления порядков внутри сектантской общины надо признать внутренние взаимоотношения его членов, личности руководящих деятелей (известный во все времена феномен – роль личности в истории). Не следует мыслить схематично: якобы с течением времени и с переменами в государственной идеологии значение религиозной секты само собой уменьшается. Отнюдь нет: все зависит от конкретных условий. Сопоставим две сектантские общины - в селах Фиолетово (Армения) и Ульяновка (Грузия).

В селе Фиолетово – родине известного основателя секты прыгунов Максима Рудометкина – незадолго до нашего приезда верх взяла группа людей старшего возраста, фанатично преданных догматам секты. До того времени, - рассказывали нам сельчане, - порядки были менее строгими. Молодые люди, пока учились в школе, посещали кинотеатр, участвовали в танцах, вели обычную для их возраста жизнь. Наш отряд жил в здании школы, судя по ее размерам и внешней ухоженности, это была неплохая школа. После женитьбы (а женились здесь в молодом возрасте на своих же односельчанках) все круто менялось: прерывалось всякое молодежное общение, мужчины отпускали бороды, сосредотачивались на домашнем хозяйстве. Телевизоры и радиоприемники находились под запретом. Старшины секты держали людей в строгости. С одним из них я имела неоднократные продолжительные беседы. Статный, не очень старый человек с седой благообразной бородой, хозяин чисто прибранного благоустроенного дома (в этой пересеченной местности при большой влажности почвы дома строят в два этажа, из которых жилой – верхний), он держался с большим достоинством и в то же время чрезвычайно внимательно по отношению ко мне. К нему несколько раз прибегал суетливый немолодой человек, за-

давал множество одних и тех же вопросов: он хотел устроить в своем доме поминки по какому-то родственнику и никак не мог взять в толк все необходимые детали этого дела. Хозяин дома разъяснял ему существующие порядки, давал советы – терпеливо, но не без чувства собственного превосходства.

Моими хорошими собеседниками (на профессиональном языке мы их называем *информаторами*) была чета местных учителей. Они ощущали свое двойственное положение: с одной стороны они лично не принадлежали к секте, наблюдали за ней как бы со стороны, а с другой – должны были считаться со всеми порядками, соблюдать, так сказать, «правила игры». Они то и поведали мне, что в селе не так уж все подчиняется этим правилам: прячут телевизоры в чуланы и тайно смотрят передачи, допускают и другие вольности. Раньше, – сообщали они, – жизнь была более свободной.

В большом селе Ульяновке (Сигнахский район Грузии) сложились иные отношения. Конечно, везде и давно нарушен первоначальный принцип секты – общее равенство, его заменил новый – уважение к личному достатку, приобретенному трудом. И все же от руководителей секты всегда требуется бескорыстное служение общественным интересам. Пресвитер же в Ульяновке не отвечал этим требованиям: его упрекали в корыстолюбии, его жену – в стремлении извлекать выгоду из общественного положения мужа. Это отталкивает людей от сектантского сообщества, вносит смуту в их сознание. Мне тоже не понравился этот пресвитер, который окриком, попреками старался навести порядок в рядах своей паствы.

В селах, где вся жизнь людей проходит на глазах друг друга, авторитет руководителя секты зависит не только от его личных качеств, но и от общественного мнения

по отношению к его семье, роду. Жители села примыкают к той секте, которая в нем существует, действует, к которой принадлежали их родители. Не так в городах, где члены секты живут разобщенно. Там более ярко высвечиваемая личность активиста. В 1992 г. мы с Анатолием Ямсковым работали в городах и пригородных селах Северной Осетии и Ставропольского края. Мы обратили внимание на внешний облик мужчин-активистов: все они рабочие, занимаются неквалифицированным трудом, а по их внешнему облику, одежде, манере держаться, по литературной речи и т.п. их можно принять за учителей, служащих, прочих образованных людей. Очевидно, к секте примыкают люди, во-первых, в зрелом возрасте, когда обуревают размышления о смысле жизни, во-вторых, те, кто умеет и хочет думать, оценивать, сравнивать с порядками христианских церковных общин и делает выбор в пользу беспоповских сект.

На Северном Кавказе нет таких гомогенных сообществ, какие возникали при административном выселении сектантов «за Кавказ». Здесь собрались люди различной судьбы: потомки беженцев из Карской области, покинувшие места постоянного проживания, после того как они в 1921 г. отошли от России к Турции; выходцы из этой области уже после Второй мировой войны, привлеченные рассказами и кинофильмами о том, как хорошо живется трудящимся в СССР (к этому добавлялось еще и опасение кровнородственного смешения из-за ограниченных возможностей в выборе брачного партнера); эмигранты из Закавказья последнего десятилетия XX в. – разной религиозной принадлежности. Эти последние вынуждены устраиваться отдельными семьями в зависимости от личных возможностей, они пытаются найти среди новых соседей единомышленников по вере или по крайней мере

примкнуть к секте с установками, более или менее близкими к их прежнему сообществу. В этой ситуации можно наблюдать селение самых различных вариантов в религиозных, этических и бытовых установках повседневной жизни.

Такое смешение – повседневно наблюдаемая закономерность развития этнической культуры («чистой» этнической культуры без сторонних включений вообще не существует). Наиболее она ощутима в населенных пунктах с многоэтничным составом. Рассуждая об этой закономерности, следует вернуться к охарактеризованному уже селу Ульяновка в Грузии.

Село Ульяновка – сравнительно большое, состоящее из нескольких в разных направлениях пересекающихся улиц, не очень опрятное. Оно уже этим отличается от небольшого Фиолетова, аккуратные дома которого почти все выстроены вдоль главной улицы. Но основное отличие его – близкое соседство с грузинским селом Магаро. Более разнообразные занятия жителей, дающие большие экономические возможности, отъезд значительного числа молодежи в другие места в поисках заработков, активное общение с людьми другой культуры вплоть до смешанных браков – все это создает специфическое многослойное общество, крайне любопытное для этнографа.

Обширность села чувствовалась уже с первых дней нашего пребывания: мы поместились в школе – большом трехэтажном здании (начальник отряда Анатолий Ямсков всегда предпочитал раскидывать бивуак именно в школьных помещениях, там мы чувствовали себя автономной группой, отгороженной от аборигенов). Пионерская комната на первом этаже служила нам кухней, столовой, складом вещей, местом общего сбора, а спали мы на третьем

этаже, там, где располагались спальни школьников с «продленки».

Секта («духовные» или «общие молокане») не охватывает все население (в отличие от Фиолетова и других небольших сел). Но семейные обычаи в значительной степени оформлены именно по молоканскому чину. Мне довелось присутствовать на свадьбе, на похоронах и на поминках и наблюдать чрезвычайное смешение разнохарактерных элементов. Это отнюдь не местное явление, а скорее закономерное. Этнографы, которые берутся описывать тот или иной обряд как «элемент этнической культуры» должны проявлять чрезвычайную осторожность. Недавно в московском автобусе я слышала разговор двух молодых женщин, одна из них только что отпраздновала свадьбу, а другая собиралась сделать это в ближайшие дни. Боже! Какая эклектика! Они, конечно, не знали, что означает тот или иной жест или прием, но знали, что «все так делают» и наговорили много ерунды. Одно ясно: люди нуждаются в обрядности, которая отличает праздник от повседневности и это очень хорошо. Замечу попутно, что ослабление семейных уз в первые годы советской власти помимо других, более основательных причин, сопровождалось еще и снижением уровня символики, когда поход в ЗАГС «расписаться» выглядел также буднично как внесение квартирной платы в конторе.

Жители Ульяновки делят каждый семейный обряд на две части: одну специфически молоканскую и другую «общепринятую». Все они по-своему примечательны. Остановлюсь только на поминках, так как я довольно близко сошлась с вдовой усопшего – русской женщиной, не состоявшей в секте, но считавшей своей обязанностью чтить молоканские обычаи в память мужа. Обряд погребения в Ульяновке отступает от традиций молоканской веры. Ведь

по этим правилам усопших нельзя тревожить, на кладбище должен царить вечный покой. Надгробных крестов молокане не признают, надмогильных сооружений тоже. Трудно представить более унылую картину, чем кладбище в том же Фиолетово: на деревянном шесте металлическая пластина с надписью, заключенная в металлический футляр, предохраняющий ее от дождя и снега (издали кажется, что в землю воткнуты лопаты рабочей частью вверх), бурьян и прочая сорная трава вокруг, тишина и полная заброшенность. Возможно, это и есть представление об отлетевшей душе в противоположность православному обычаю, до краев насыщенному языческими символами.

Именно такая символика господствовала на ульяновском кладбище, где молокане покоятся под гранитными памятниками, снабженными надписями и портретами усопших, окруженными оградами, цветниками. На этот раз над могилой раздавались душераздирающие причитания матери, вдовы, родственницы. Разбрасывались остатки поминальной пищи, мужчины выпивали и т.п. Все это напомнило мне современное мусульманское кладбище в Аджарии, где, по грузинской манере, тоже возлагаются надмогильные плиты с портретами. Это меня тогда крайне удивило. Очевидно неточно мнение этнографов, что в погребальных обрядах сохраняются самые глубинные слои этнической культуры: суперстрат (если выражаться научным языком), мода (если употреблять обыденную речь) сильны.

Поминальное застолье повторялось дважды. Одно было устроено во дворе дома покойного. На длинном ряду столов были выставлены горячительные напитки, всевозможные закуски, русские и грузинские яства. Присутствовавшие добрым словом поминали усопшего, не забывая между тем поесть и попить. Руководил пиршествom пожи-

лой уважаемый человек, которого по всем правилам грузинского застолья, следует назвать тамадой. После небольшого перерыва все направились в молельный дом, где поминки совершались по молоканским правилам с непременной ритуальной лапшей на столах, где царила строгая и скорбная атмосфера. Интересно, что в обоих застольях участвовали одни и те же люди, но разительно изменилась их манера держаться – скромно, уважительно друг к другу, говорить приглушенными голосами, есть не спеша, как бы священнодействуя. Руководили здесь совсем другие люди – уважаемые молокане. Культура того или иного этикета реализуется людьми соответственно конкретным обстоятельства, что также необходимо учитывать, в комплексе этнической культуры.

Идея развернуть этноэкологические исследования среди русских сектантов Кавказа оказалась очень удачной и принесла хорошие результаты. Они высветили целый ряд взаимосвязанных проблем – исторического, этнопсихологического, биологического порядка многого другого. Ни в каких иных обстоятельствах коллектив исследователей не сплачивается так, как в условиях полевого быта. По традиции маршруты заканчивались на побережье Черного моря у последнего лагерного костра под плеск морских волн.

Со времени, когда разворачивались этноэкологические исследования на Кавказе, протекло полтора десятилетия, на которые пришлось грандиозные перемены в жизни страны и соответственно в направлении научных изысканий. Очевидно ныне наибольший интерес для нас должна представлять проблема эмиграции русского старожильческого населения из стран Закавказья в пределы России и механизмы его адаптации к новым условиям – прежде всего социальные адаптационные процессы, с которыми, естественно, коррелируют хозяйственно-бытовые проблемы.

Способы добывания средств существования (а это один из главных пунктов этноэкологии) меняются со временем. Наши старые знакомые – духоборы Закавказья, компактной группой мигрировавшие в Тамбовскую область, судя по сведениям, остались приверженцами крестьянского хозяйства, а те, кто расселился отдельными семьями в пределах Северного Кавказа (с которыми мы отчасти познакомились в Ставропольском крае еще 10 лет назад), в значительной степени обратились к иным источникам существования. Земля – земельные обрабатываемые угодья – в пределах европейской части страны в течение последних десятилетий утратила значение основного обеспечения жизни даже в сельской местности.

Историки и социологи Краснодарского края отмечают сейчас такую закономерность: русские мигранты из стран Закавказья быстрее адаптируются в новых социальных условиях, чем бывшие жители Кавказа иной этнической принадлежности. Этот факт тоже принадлежит к области экологических проблем.

Когда и где этноэкологи раскинут свой новый лагерь и при свете бивуачного костра предадутся воспоминаниям о путешествиях по Закавказью?

А.Н. Ямсков

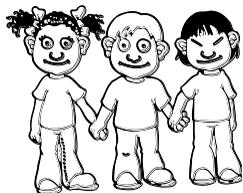
Прощай, Закавказье!

Описанные выше «с бытовой стороны» два крупных экспедиционных научных проекта сектора этноэкологии продолжались в Закавказье с конца 1970-х до рубежа 1980-х - 1990-х гг. Конечно же, они принесли довольно внушительные непосредственные научные результаты в виде подготовленных участниками монографий и научных сборников, журнальных статей и диссертаций*. Тем не менее, даже на сегодняшний день еще не всю проблематику экспедиционных исследований нам удалось в должной мере отразить в публикациях. У ряда сотрудников сектора этнической экологии остались полевые материалы из Закавказья, которые еще послужат основанием для их новых научных докладов, статей или глав монографий и сборников.

Также не будет преувеличением сказать, что именно экспедиции к долгожителям и русским крестьянам-старожилам Закавказья (молоканам и духоборцам) окончательно сформировали из многих авторов этой книги специалистов-этнологов, ибо таковы особенности нашей науки - только полевые исследования и личный опыт общения с представителями изучаемой этнокультурной группы населения превращают получившего соответствующие теоретические знания выпускника вуза либо аспирантуры в профессионального ученого-этнолога. Так что не будет преувеличением сказать, что дальнейшая научная карьера большинства из авторов данной книги будет в действительности

во многом определяться тем, что именно увидел каждый из нас в этих закавказских экспедициях и как увиденное было осмыслено.

Наконец, что тоже отнюдь не маловажно, все мы вынесли из поездок по Закавказью огромный заряд положительных впечатлений от контактов с дружелюбными и гостеприимными народами, с прекрасной и разнообразной природой края. Благодаря экспедициям мы также смогли гораздо лучше узнать и понять своих коллег по сектору и Институту, ощутив подлинное товарищество в среде близких по духу и работающих над одной увлекательной темой людей. Эти поездки, редко когда обходившиеся как без веселых приключений, так и неожиданных и неприятных накладок, позволили нам полнее и точнее разобраться в самих себе.

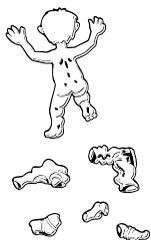
Все эти и некоторые другие соображения, осознанно или неосознанно, предопределили очень теплое и эмоциональное отношение большинства участников экспедиций к описанным в книге поездкам, которые стали одними из самых интересных и позитивно окрашенных страниц наших научных биографий. Хочется надеяться, что авторам книги в той или иной степени удалось передать читателю все эти положительные эмоции и неподдельный интерес, которые вызывали у них экспедиции по Закавказью, равно как и вполне понятную и извинительную ностальгию по тем временам и легкую грусть, что все это осталось в прошлом.

Однако воспоминания о полевых исследованиях сектора этноэкологии в Закавказье, которым мы с энтузиазмом предавались на страницах этой книги благодаря оригинальному предложению профессора Виктора Ивановича Козлова написать к 20-летию юбилею организованного им 15 октября 1981 г. сектора этнической экологии о повседневной

стороне работы и жизни сотрудника этнографической экспедиции, вызывают не только светлые чувства благодарности судьбе и выбранной профессии за этот бесценный опыт либо легкой печали о прошедшей в интереснейших путешествиях и оставшейся в прошлом молодости. К сожалению, подобные воспоминания приносят и вполне отчетливое чувство горечи, когда невольно задумываешься о том, в какой обстановке и почему именно прекратились подобного рода крупномасштабные многолетние экспедиции.

В качестве примера сошлюсь на собственный опыт участия в последнем экспедиционном выезде, выполненном в рамках проекта сектора этноэкологии по изучению адаптации русских крестьян-старожилов, который проводился в октябре – ноябре 1992 г. уже на российских территориях Северного Кавказа среди молокан – давних (с начала 1920-х гг., когда Карская область Российской Империи отошла к Турции) и совсем недавних переселенцев из республик Закавказья. В этой поездке как в своеобразном зеркале в полной мере отразились все те драматические перемены в СССР начала 1990-х гг., которые и предопределили окончание подобных экспедиций – развернувшиеся на Кавказе межэтнические столкновения и в целом резкое снижение безопасности поездок по стране, кардинальное свертывание бюджетного финансирования науки в целом и экспедиций в частности, принципиальные изменения в приоритетности научных тем и в интересах самих исследователей.

Безопасность.

Если до начала 1980-х гг. Кавказ ассоциировался у большинства жителей страны с курортами и туризмом, то уже к концу «перестройки» былая «всесоюзная здравница» превратилась в арену кровавых межэтнических

конфликтов и войн. Напомню читателям, что именно летом 1992 г., то есть всего через полгода после оформленного серией международных договоров юридического исчезновения СССР с политической карты мира, межэтнические конфликты и столкновения на Кавказе переросли в крупномасштабные боевые действия как в Абхазии, так и в Нагорном Карабахе и вдоль большей части границы между Арменией и Азербайджаном. Во внутренних районах Грузии летом того года продолжалась гражданская война, и только в Южной Осетии война к этому времени уже фактически закончилась. Более того, во время последней экспедиции мы выехали из г. Владикавказа - столицы Северной Осетии в г. Ставрополь 21 октября, а 19 октября 1992 г. еще работали у молокан села Михайловское Пригородного района этой республики. Но уже 30 октября там начались массовые осетино-ингушские столкновения, переросшие 31 октября в военные действия в Пригородном районе с участием вооруженных сил Минобороны и МВД Российской Федерации, поддержавших силовые ведомства республики Северная Осетия и отряды добровольцев-осетин.

Очевидно, что выполнение научных исследований в подобной обстановке невозможно хотя бы уже потому, что люди в такой ситуации вовсе не склонны вспоминать какие-либо детали своей повседневной жизни в прошлом, историю своей семьи, молоканской общины или селения и т.п. Требования обеспечения безопасности сотрудников экспедиции также не позволяют выезжать в подобные районы относительно большими группами неподготовленных к действиям в экстремальной обстановке исследователей.

Этого внешнего обстоятельства - развернувшихся на Кавказе межэтнических конфликтов и столкновений - самого по себе было бы уже вполне достаточно для прекращения экспедиционных исследований по нашей проблема-

тике отвлеченно-академического характера. Тем не менее отнюдь не только данная очевидная причина оказалась существенной для свертывания наших научных проектов.

Например, мне и большинству моих коллег приходилось работать в составе отрядов сектора этноэкологии в молоканских селениях в Азербайджане, Армении и Грузии в 1989-1990 гг., когда карабахский конфликт был в разгаре и уже привел к погромам армян в Сумгаите, массовым изгнанием армян из Азербайджана и азербайджанцев из Армении, а в Грузинской ССР уже прошли столкновения в Абхазии и Южной Осетии. Обстановка тогда была уже достаточно напряженной – в частности, в моих полевых дневниках и в памяти остались такие малоприятные воспоминания, как вполне, впрочем, корректный обыск нашей машины на автотрассе Ереван-Казах-Тбилиси патрулем добровольцев-азербайджанцев при въезде в Азербайджан из Армении 16 июня 1990 г., причем местная азербайджанская милиция на стоявшем здесь же посту ГАИ никак не отреагировала на это судя по всему постоянно повторявшееся событие.

Ранее схожий и еще менее приятный случай был с нами в г. Евлахе (центральные районы Азербайджана) 13 сентября 1989 г., когда на бензозаправочной станции нашу машину взялась осматривать большая и плохо организованная группа азербайджанцев с палками и стальными арматурными прутьями в руках во главе с довольно мрачным здоровенным субъектом, как показалось, находившимся под воздействием наркотиков. В сотруднике отряда Дмитрие Попадюке - студенте-антропологе из Москвы - они заподозрили было армянина из-за его темно-русых волос и бороды, и нам стоило немалых трудов их успокоить и объяснить, кто мы такие, откуда и зачем приехали.

В той же самой поездке мы пытались посетить старинное молоканское село Русские Борисы, дорога, куда шла через г. Шаумяновск, – райцентр граничащего с Нагорным Карабахом района, территория которого была впоследствии провозглашена частью Нагорно-Карабахской Республики и где симпатии армянского населения были, естественно, всецело на стороне карабахских армян. К тому же в этом райцентре Азербайджана буквально накануне нашего приезда местный шофер-армянин случайно сбил на шоссе девушку-азербайджанку, так что обстановка в Шаумяновском районе в те дни была крайне накалена – его равнинная часть с азербайджанским населением была отделена от горной части, заселенной армянами, постами внутренних войск СССР с боевым оружием и бронетранспортерами, а недалеко от солдат на дорогах стояли еще и отряды добровольцев (с одной стороны – азербайджанцев, с другой – местных милиционеров-армян и их помощников в гражданской одежде). Так что 14 сентября 1989 г. нам пришлось преодолевать три последовательных досмотра при проезде в Шаумяновск, а потом еще и при возвращении оттуда. В тот раз, кстати, мы в Русские Борисы так и не поехали и просто отказались от исследований в этом старинном молоканском горном селении, ибо было бы странным расспрашивать жителей, невольно оказавшихся в эпицентре разворачивающейся, как тогда все в Закавказье говорили, «армяно-азербайджанской войны», по медицинской, демографической или историко-этнографической программ.

Нельзя, однако, не сказать, что даже в те годы отношение местного населения к приехавшим из Москвы русским ученым в целом было вполне доброжелательным. Каждая из сторон пыталась нам объяснить справедливость своей позиции и неправоту противоположной стороны конфликта, хотя при этом в большинстве случаев ругала власти СССР за их

политику пассивности или поддержки противников. В частности, вспоминается опять-таки Азербайджан – г. Баку, где 6 августа 1989 г. с Владимиром Александровичем Большаковым и Мариной Юрьевной Мартыновой я побывал на многотысячном митинге протеста оппозиции у Дома Правительства, причем это был уже третий день общереспубликанской забастовки и массовых митингов азербайджанцев из-за событий в Нагорном Карабахе. Но и здесь, среди огромной и разгоряченной толпы, мы не чувствовали какой-либо враждебности или угрозы для себя лично.

Однако проблемы с безопасностью поездок в конце 1980-х - начале 1990-х гг. возникли далеко не только в Закавказье или в других регионах межэтнических столкновений и потому вовсе не сводятся к их последствиям. Быстро ухудшавшаяся по мере деградации и распада Советской власти криминальная обстановка привела к достаточно частым случаям грабежей водителей на дорогах при ночевках даже в центральных районах страны. Я прекрасно почувствовал эти изменения на себе.

Например, еще в середине 1980-х гг. при перегонах автомашины в Закавказье или обратно мы с водителем старались встать на ночь, достаточно далеко отъехав от шоссе и выбрав место для раскладушек (на юге) в тихом месте на берегу реки у края леса. Так мы поступали в том числе и на территории Чечено-Ингушетии или Дагестана, как это было, например, с Юрием Воронецким 8 июня 1986 г. под г. Грозным или 1

октября 1986 г. под г. Кизилюртом. Точно так же, впрочем, делали и почти все другие шофера, а не только водители Экспедиционной автобазы АН СССР, если только погода и их грузовики позволяли им съехать на проселки. Но уже 3 - 8 сентября 1990 г., когда мы с Юрием Щитовым возвращались в Москву с Алтая, нам приходилось в течение всей этой долгой поездки ночевать в кузове нашей машины прямо на постоянно шумной автотрассе – рядом с постами ГАИ на специальных стоянках для отдыха водителей-«дальнобойщиков», ибо оставаться на ночь в безлюдном месте стало просто опасно.

Вероятно, по той же самой причине не только в Закавказье, но и в других регионах тогда уже нельзя было бы спокойно останавливаться на пару дней отдыха небольшим отрядом в малолюдных живописных местах, что мы так любили прежде делать на берегах Черного или Каспийского морей, озера Севан или Тбилисского водохранилища.

Финансирование.

Резкое падение государственных вложений в науку в начале 1990-х гг. общеизвестно и вряд ли нуждается в дополнительных комментариях. Стоит лишь отметить, что в первую очередь пострадало, а на время и вовсе прекратилось финансирование экспедиций, прежде всего аренды автотранспорта, покупки бензина и проезда сотрудников в регионы полевых работ.

В частности, упомянутый мною выше выезд осенью 1992 г. к молоканам на Северный Кавказ показателен тем, что он проходил впервые без машины, и мы переезжали по Северной Осетии и Ставрополью на автобусах и местных поездах и электричках, таская на себе и запасы тушенки. Кстати, в тот раз мы и не смогли выкупить через Институт этнографии АН СССР ничего более из продуктов питания

для экспедиции, тогда как в 1980-ые гг. нашим отрядам выдавали не только тушенку, но и дефицитные в те годы сгущенку, гречневую крупу, а иногда еще и топленое масло, копченую колбасу и чай – тот самый «индийский со слонем». Впрочем, с первой половины 1992 г. само понятие дефицитных продуктов питания и их распределения для нужд экспедиций через хозяйственные службы академических институтов кануло в Лету, сменившись, однако, уже в принципе непреодолимым дефицитом денег из-за резкого роста стоимости продовольствия и проезда.

С сокращения финансирования в конечном счете были связаны и другие неблагоприятные изменения в организации экспедиций. Так, если ранее в Закавказье, по крайней мере на моей памяти, сотрудники ежемесячно сменявших друг друга отрядов сектора этноэкологии попадали на самолете и возвращались в Москву также с помощью авиации, то в этот последний выезд нам ради экономии пришлось возвращаться из г. Ставрополя уже поездом в плацкартном вагоне.

Немаловажный вопрос – размеры «полевого довольствия» сотрудников экспедиции. Помнится, в 1980-е гг. оно было весьма скромным, существенно уступая командировочным. Во время командировки в начале 1980-х гг. мы получали в день, дополнительно к зарплате, 2 рубля 60 копеек + 50 копеек «квартирных» (при ночевке в городе или в дороге без предоставления счета из гостиницы), но затем в середине 1980-х гг. эти выплаты повысили до 3 руб. 50 коп. и 1 руб. соответственно. Однако командировочные оформлялись нам только на дни переездов между районами работ или на время проезда на Кавказ и обратно.

В основное же время, при проведении исследований в сельской местности, мы получали «полевые» – в большинстве случаев всего 1 руб. 75 коп. – 1 руб. 80 коп. в сутки (в зависимости от количества дней в месяце), то есть 60% от

базового оклада рядового сотрудника экспедиции. Все три республики Закавказья имели этот понижающий коэффициент в 60%, но при работах на высотах 1700 - 2000 метров над уровнем моря (например, в Духоборье – бывшем Богдановском районе Грузии в мае - июне 1988 г.) этот коэффициент поднимался до 100%, а на еще больших высотах - и до 125% (как это было в отряде Вениамина Павловича Кобычева в Верхней Сванетии в июне 1986 г.). Если в отряд нанимали человека со стороны, например, студента, то ему также выплачивали в Москве базовую ставку лаборанта-исследователя (85 рублей в месяц) и начисляли с нее дополнительно полевые или командировочные.²⁷

Весь это арифметический экскурс в былые бюджетные тонкости был нужен для того, чтобы пояснить очень простую вещь – в экспедиции наши расходы на питание, как правило, укладывались в полевые и командировочные выплаты, причем очень небольшие суммы (в пределах нескольких рублей за месяц) иногда даже от них оставались, несмотря на устраивавшиеся в складчину из этих же средств скромные «банкеты» в начале и в конце работ отряда. В Москве же за это время нам начислялась обычная наша зарплата, остававшаяся таким образом нетронутой.

Однако в мой последний выезд к молоканам на Кавказ осенью 1992 г. ситуация оказалась иной - нам пришлось постоянно экономить на питании, ибо даже командировочных (!) уже явно не хватало на завтраки и обеды в обычных городских столовых. При выезде в ту экспедицию мне пришлось также впервые отказаться и от заказа в Москве такси на дом для поездки в аэропорт (с вещами, консервами и т.п.), хотя ранее это

²⁷ Для сравнения напомним, что младший научный сотрудник с кандидатской степенью получал в середине 1980-х гг., в зависимости от стажа, 140 – 180 рублей в месяц, а авиабилет Москва – Баку стоил тогда ровно 40 рублей.

обходилось всего в 7 рублей. Таким образом, условия жизни во время полевых работ существенно ухудшились и официальные дополнительные выплаты на их проведение перестали покрывать реальные минимально необходимые расходы исследователя.

Научные приоритеты.

Хотя и упоминаемая в последнюю очередь, эта причина тоже сыграла свою весьма весомую роль в окончании наших исследовательских проектов, базировавшихся на коллективных полевых этнографических работах в Закавказье.

Первоначально речь шла о том, что практически все, за очень редким исключением, участники наших экспедиций с конца 1980-х гг. стали постепенно втягиваться в изучение межэтнических отношений и конфликтов. С одной стороны, наш опыт работы в Закавказье, то есть личные впечатления и наблюдения, давали все основания для такого поворота в исследованиях, да и то, свидетелями чего нам невольно довелось побывать или о чем мы не раз слышали от своих информаторов из первых уст и по горячим следам событий, просто не позволяло оставаться равнодушным и ограничивать свои интересы классическими вопросами этнографии, демографии, психологии, антропологии, истории и т.п. С другой стороны, к нам постоянно обращались коллеги и знакомые за разъяснениями и комментариями происходивших в те годы в республиках Закавказья трагических событий. Естественно, все это заставляло нас попытаться всерьез разобраться самим в этих сложных и столь тогда актуальных научных вопросах.

По собственному и весьма показательному в данном отношении опыту могу сказать следующее. Еще до обострения карабахского конфликта сотрудники сектора этнической экологии – участники наших экспедиций подготовили Докладную записку по результатам исследований межэтнических отношений в молоканских и духоборческих селениях Азербайджана.²⁸ Во время полевых исследований по долготематической тематике середины 1980-х гг. я несколько раз работал в сельских районах Нагорного Карабаха и окружающих его на востоке, севере и западе соседних районах Азербайджана. Поэтому мне в конце 1980-х гг., сначала волею руководства Института этнографии АН СССР и по личным просьбам коллег, пришлось несколько раз выступить на тему причин разворачивавшегося тогда карабахского конфликта на семинарах и небольших конференциях, а также подготовить авторскую и затем, несколько позднее, принять участие в работе над коллективной «докладной запиской» по этой проблематике.²⁹

²⁸ Козлов В.И. и др. «Современное положение русского населения в сельских районах Азербайджана». М.: Институт этнографии АН СССР, январь 1987 г., 0,6 а.л. [Докладная записка в ЦК КПСС].

²⁹ Докладной запиской в поздний советский период назывался подготовленный одним или группой научных сотрудников документ, как правило на основе личных наблюдений в экспедициях, касающийся сложных и важных этносоциальных проблем в районах полевых работ и объясняющий их причины и возможные последствия. Докладная записка передавалась в Дирекцию Института, а оттуда - в вышестоящие инстанции (впрочем, не всегда или же в существенно переработанном виде). Главная же специфика этого жанра - его закрытый характер, в принципе не предполагающий опубликования, и потому докладные записки имели обычно весьма острое и правдивое содержание. В качестве примера можно указать на впоследст-

Надо сказать, что первоначально я вовсе не горел желанием серьезно заниматься этой проблематикой. Во-первых, из поездок по Закавказью я вынес чувство симпатии и признательности за неоднократно оказывавшиеся нам гостеприимство и помощь как к азербайджанцам (среди которых мне довелось работать чаще), так и к армянам, поэтому просто занять позицию одной из сторон я не мог. К тому же, помимо доброжелательного отношения к обоим народам, я вынес из поездок по русским селам Закавказья и понимание того, сколь сложно складываются отношения местных русских (небольшого меньшинства населения) как с азербайджанцами, так и с армянами. Так что распространенная среди демократической московской интеллигенции конца 1980-х гг. однозначно проармянская позиция, предполагавшая идеализацию этой и демонизацию другой (азербайджанской) стороны конфликта, была для меня неприемлема - ситуация в русских селах Армении, например, была не намного лучше, чем в Азербайджане. Например, жалобы молокан Армении на местные армянские районные или сельские власти почти полностью повторяли претензии армян Нагорно-Карабахской Автономной Области, обращенные к властям Азербайджанской ССР. Во-вторых, из доперестроечных лет я вынес стойкую антипатию к исследованиям «межнациональных отношений» и к бездоказательным панегирикам «дружбе советских народов», в обилии издававшимся тогда под видом

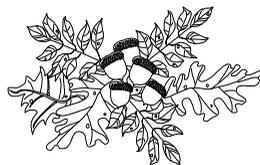
вии опубликованный, благодаря политике «гласности» и распаду прежней системы организации науки и взаимоотношений ученых и власти, текст моей Докладной записки - см.: Ямсков А.Н. Нагорный Карабах: Анализ причин и путей решения межнационального конфликта // Национальные процессы в СССР. Ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 1991, с. 165-186

научных работ как в Москве, так и в союзных республиках Закавказья.

Тем не менее, и мне постепенно пришлось втянуться в проблематику этнополитических исследований, которые фактически в первой половине – середине 1990-х гг. вышли на первый план моих научных интересов и потому заняли уже основное рабочее время. То же самое, видимо, можно сказать и о многих других участниках описываемых экспедиций.

К тому же нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как огромное внимание зарубежных коллег и исследовательских центров в те годы постепенного распада СССР к подобной проблематике - ведь именно под этнополитические исследования в 1990-е гг. можно было легче всего получить грантовое финансирование со стороны иностранных научных фондов, и с такого рода докладами было проще всего попасть за рубеж на международные конференции с оплатой проезда и проживания за счет организаторов. Естественно, этой возможностью пользовались многие мои коллеги.

Опять-таки примером вышесказанного можно считать неоднократно упоминаемую мною поездку в 1992 г. на Северный Кавказ. Из-за занятости большинства сотрудников сектора этноэкологии другими делами, а также в силу иных соображений, отряд в тот раз изначально планировался небольшим по численности. Однако накануне выезда еще два сотрудника отказались от участия в этой работе, так что по сути экспедиционный отряд превратился в группу в составе всего двух человек - автора этих строк и Юлии Владимировны Ивановой. Впрочем, и Юлия Владимировна в той поездке успешно сочетала работу среди молочан с изучением понтийских греков, тоже перебивавшихся в

те годы из Грузии к своим соплеменникам на Северный Кавказ. Кстати, впоследствии Ю.В. Иванова опубликовала несколько очень интересных этнополитических по направленности исследований о греках Грузии и Северного Кавказа, а я использовал материалы по Ставрополью и ной Осетии в основном в публикациях по этноизменным миграциям населения.

Оглядываясь из сегодняшнего дня на прошедшие в 1980-е гг. экспедиции сектора этнической экологии, нельзя не признать их уникальность. Видимо, подобные прекрасные условия для комплексных полевых этнографических работ вряд ли будут когда-либо вновь созданы сразу для столь значительных групп исследователей со столь разными научными интересами и специализациями. Видимо, лишь в поздний советский период сложились эти условия - достаточные финансовые средства у государства (Академии Наук СССР) и, главное, готовность руководства тратить их на сбор фактических материалов по этноэкологии, этнографии, антропологии, исторической демографии и т.п., исследовательские кадры и система организации их работы, соответствующая материально-техническая база в академических институтах и Экспедиционной автобазе Академии Наук.

Кстати, после вспышки насилия в Закавказье и осознания того, что безопасных условий для полевых работ там более нет и еще долго не будет, мне довелось принять участие в поисках новых регионов исследований сектора этноэкологии. Так, мы пробовали развернуть сходный по замыслу проект комплексного (медико-биологического и социально-этно-графического) изучения адаптации старожильческого русского крестьянства в Южной Сибири, проведя пилотные экспедиции в Горном Алтае и предгорных районах Алтайского края (август – сентябрь 1990 г.) и

в Бурятии (июль – август 1991 г.). Однако серьезные финансовые проблемы и развернувшаяся смена приоритетов в исследованиях большинства этнологов не дали нам возможности продолжить эти полевые работы.

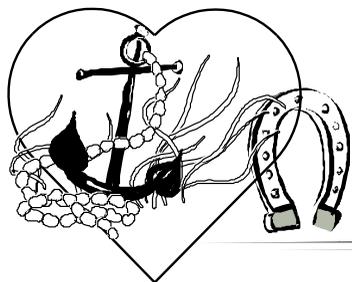
Как это ни печально признавать, вероятно, для большинства сотрудников экспедиционных отрядов сектора этнической экологии исследования абхазских и азербайджанских долгожителей и закавказских молокан и духоборцев так и останутся непревзойденным «Золотым веком» их полевых этнографических и антропологических работ.

Надеемся, что данная книга позволила читателю хотя бы отчасти окунуться в атмосферу тех экспедиций и получить некоторое представление о том, откуда же и в каких условиях появляются материалы полевых исследований – эта основа этнографических и антропологических знаний.

Примечание:

* - По материалам этих экспедиций защищены кандидатские диссертации Н.И. Григулевич, В.В. Степанова, А.Н. Ямскова, кандидатская и докторская диссертации Н.М. Лебедевой. Среди основных публикаций можно выделить следующие: «Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования». М.: Наука, 1982, 240 с.; «Абхазское долгожительство». Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1987, 295 с.; «Долгожительство в Азербайджане». Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1989, 184 с.; «Духоборцы и молокане в Закавказье». Отв. ред.: В.И. Козлов, А.П. Павленко. М.: Институт этнологии и антропологии, 1992, 200 с.; «Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии». М.: изд. Института этнографии АН СССР, 1990; Часть 1 - 168 с.; Часть 2 - 154 с. Ред-

коллегия: В.И. Козлов (отв. ред.), Н.А. Дубова, А.П. Павленко; «Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы». Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Институт этнологии и антропологии, 1995, 299 с.; Григулевич Н.И. «Этническая экология питания: Традиционная пища русских старожил и народов Закавказья». М.: Институт этнологии и антропологии, 1996, 164 с.; Григулевич Н.И. «Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожил Армении» // Советская этнография, 1990, № 1, с. 114-125; Дубова Н.А., Лебедева Н.М., Оборотова Е.А., Павленко А.П. «Адаптация русских старожил в Азербайджане» // Советская этнография, 1989, № 5; Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. «Проблемы адаптации русских старожил в Азербайджане (середина XIX - XX вв.)» // Советская этнография, 1988, № 6, с. 34-49.

Наши авторы

Аксянова Галина Андреевна – старший научный сотрудник отдела антропологии ИЭА РАН. Закончила Биологический факультет МГУ, кандидат биологических наук.

Григулевич Надежда Иосифовна – старший научный сотрудник сектора этнической экологии ИЭА РАН. Закончила Биологический факультет МГУ, кандидат исторических наук. С 1982 г. младший научный, научный, старший научный сотрудник сектора этнической экологии.

Дубова Надежда Анатольевна – старший научный сотрудник сектора этнической экологии ИЭА РАН. Закончила Биологический факультет МГУ, кандидат биологических наук. С 1986 г. – младший научный, научный, старший научный сотрудник сектора этнической экологии.

Иванова Юлия Владимировна – старший научный сотрудник сектора этнической экологии РАН с 1989 г.???. Закончила Исторический факультет МГУ, кандидат исторических наук, ветеран Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Козлов Виктор Иванович – главный научный сотрудник сектора этнической экологии ИЭА РАН. С 1981 по 1992 гг. - заведующий сектором этнической экологии. Закончил Московский институт геодезии и картографии, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии

СССР, участник Великой Отечественной войны
1941-1945 гг.

Красникова Татьяна Владимировна — с 1981 по 1992 гг. старший лаборант сектора этнической экологии ИЭА РАН. Закончила Географический факультет Московского Государственного Педагогического Института. С 1992 г. в ИЭА РАН не работает.

Лебедева Надежда Михайловна — заведующая отделом этносоциологии и этнопсихологии ИЭА РАН. Закончила Психологический факультет Ярославского государственного университета, доктор психологических наук. С 1986 по 2000 г. — младший научный, научный, старший научный сотрудник сектора этнической экологии ИЭА РАН.

Ямсков Анатолий Николаевич — заведующий сектором этнической экологии ИЭА РАН с 1992 г. Закончил Географический факультет МГУ, кандидат исторических наук. С 1983 по 1986 гг. — аспирант, с 1986 г. — младший научный, научный, старший научный сотрудник сектора этнической экологии ИЭА РАН.

В 1980-е годы в секторе этнической экологии были аспирантами и работали следующие сотрудники: Кристина Николаевна Безпнятюк, Владимир Александрович Большаков, Андрей Александрович Воронов, Виктор Катунин, Ольга Дмитриевна Комарова, Татьяна Максименко, Елена Алексеевна Оборотова, Алексей Петрович Павленко, Олег Рахманович Саитбаев, Валерий Владимирович Степанов.

Почти все они активно участвовали в полевых исследованиях, проводившихся сектором.

Очерки экспедиционного быта в Закавказье.

Редакционная коллегия.
Виктор Иванович Козлов (отв. ред.),
Надежда Анатольевна Дубова,
Анатолий Николаевич Ямсков

М., Старый сад

2001 г.

319 с.

Оформление и верстка Н.А. Дубовой

ISBN 5-89930-066-3

ООО Старый сад
101000 Москва, Старосадский пер., д.9
ЛР № 065741 от 13.03.1998 г.

Подписано к печати 11.11.2001 г. Формат 60х84 1/16 Уч-изд л.20,0
Усл. печ. 10,5 л. Заказ № 735 Тираж 300 экз.

Типография ООО Оргсервис-2000
117419 Москва, а/я 774

В сборник, посвященный 20-летию сектора этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН, включена серия очерков участников и организаторов полевых исследований в Абхазии и Азербайджане в 1980-е годы. Рассматриваются вопросы организации этнографических и антропологических комплексных экспедиционных исследований, обеспечения бытовых условий для нормальной работы в отдаленных местностях, проблемы и сложности, возникавшие при проведении конкретных выездов.

Essay of everyday life during fields studies in the Transcaucasia

Collection of paper is devoted to the 20th anniversary of the Department of Ethnic Ecology at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. It contains essays written by participants and organizers of field studies in Abkhazia and Azerbaijan in the 1980's. Authors various practical issues, including those of administering complex ethnographic and physical anthropology, providing adequate conditions for everyday life of scholars during their field work in remote areas, problems and difficulties that they faced in some field missions.

